КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Вестник Евразийской ассоциации органов конституционного контроля

№ 1 (93), 2026

Астана

ISSN 29-60-2491

Председатель редакционной коллегии:

УДАРЦЕВ Сергей Федорович
судья Конституционного Суда Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

РЗАЕВ Рашид Шукюр оглы
судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна
судья Конституционного Суда Кыргызской Республики

БОЛДБААТАР Бямбадорж
судья Конституционного Суда Монголии

ВАГАРШЯН Артур Гришаевич
судья Конституционного Суда Республики Армения

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович
судья Конституционного Суда Республики Беларусь

СОХИБЗОДА Мухаммадджон Махмадали
судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович
заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Узбекистан

КОКОТОВ Александр Николаевич
судья Конституционного Суда Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

РЕШЕНИЯ (АКТЫ) ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 18 февраля 2026 года о проверке соответствия частей 2 и 3 статьи 144 Трудового кодекса Азербайджанской Республики частям I и III статьи 25, части II статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики 13

Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 17 апреля 2026 года о толковании во взаимосвязи статей 148.6 и 447.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статей 28 и 60 Конституции Азербайджанской Республики 27

КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Заключение от 10 декабря 2025 года № 3-01 к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» 41

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 февраля 2026 года об официальном толковании статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года 58

Резюме решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 18 февраля 2026 года о проверке конституционности части 6 статьи 271 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики 73

МОНГОЛИЯ

Обзор решения Конституционного суда Монголии от 28 марта 2025 года по делу о проверке конституционности положения части 1 статьи 72 Закона Монголии «О выборах в Великий Государственный Хурал Монголии» в части признания недействительными избирательных бюллетеней, в которых отмечено меньшее число кандидатов, чем число мандатов, распределяемых по соответствующему избирательному округу 76

Обзор решения Конституционного суда Монголии от 22 октября 2025 года по делу о проверке конституционности отставки Премьер-Министра Монголии 78

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ

Резюме Постановления Конституционного Суда Республики Армения от 11 ноября 2025 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и данного ему в правоприменительной практике толкования на основании обращения Александра Саакяна 86

Резюме Постановления Конституционного Суда Республики Армения от 24 марта 2026 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3, пункта 8 части 1 статьи 5 (в части контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или в общинных учреждениях), части 3 статьи 7 (в части осуществления контрольных функций в сферах, подлежащих контролю со стороны органов местного самоуправления) Закона «О государственной контрольной службе» и части 6 статьи 95 Закона «О местном самоуправлении» (в части осуществления контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или в общинных организациях, в порядке, установленном Законом «О государственной контрольной службе») на основании обращения мэра города Еревана 88

Резюме Постановления Конституционного Суда Республики Армения от 1 апреля 2026 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции предложения, представленного Президенту Республики в решении Высшего Судебного Совета от 12 марта 2026 года номер ВСС-27-Р-24, на основании обращения Президента Республики 92

Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 29 апреля 2026 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 236 Уголовного кодекса РА на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального собрания 94

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Резюме Решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 марта 2026 года № ПР-9/2026 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» 118

Резюме Решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 26 мая 2026 года № Р-1311/2026 «О конституционности подпункта 14.3 пункта 14 статьи 731, подпункта 1.10 пункта 1 статьи 213, абзаца первого и подпункта 7.1 пункта 7 статьи 214 Налогового кодекса Республики Беларусь по жалобе гражданина Стонько Виктора Ивановича» 123

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Резюме нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 8 июня 2026 года № 81-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 2) части первой и абзаца третьего части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года» 125

Резюме нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 9 июня 2026 года № 83-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 1-2 статьи 41-1 Закона Республики Казахстан от 5 июля 2004 года «О связи» 127

Резюме нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 12 июня 2026 года № 87-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 1 постановления акимата города Алматы от 8 апреля 2016 года № 2/122 «Об ограничении въезда транспортных средств на отдельных территориях города Алматы» 129

Резюме нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 12 июня 2026 года № 88-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан абзацев первого и второго части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года и статьи 455 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года» 131

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН

Резюме постановления Конституционного суда Республики Узбекистан от 12 июня 2026 года № КСҚ-4 о соответствии Конституции Республики Узбекистан абзаца пятого части третьей статьи 3 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре» 136

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Резюме постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 года № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича 139

Резюме постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2026 года № 13-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед» 141

Резюме постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2026 года № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Зубахина Геннадия Викторовича 145

Резюме постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2026 года № 22-П по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 279, пункта 4 статьи 281 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 56^{11} Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Краснощекова Александра Дмитриевича 147

Резюме постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2026 года № 35-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Иваньковой Ольги Константиновны 150

Резюме постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 года № 39-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253[1] Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби» 152

AMICUS CURIAE (ДРУГ СУДА)
Из экспертных и аналитических материалов

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Принудительные лицензии на лекарственные препараты. Зарубежное и международное регулирование 162

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

МОНГОЛИЯ

Солонго Д.
Правовое регулирование взаимоотношений между Великим Государственным Хуралом и Конституционным судом Монголии: краткий анализ правоприменительной практики 164

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ

Арутюнян Г.Г.
Иммунная недостаточность общества в условиях дефицита конституционализма: методологические аспекты 174

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Сивец С.М.
Актуальные вопросы конституционного правосудия в Республике Беларусь на современном этапе 188

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Зорькин В.Д.
Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология 196

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О КОНСТИТУЦИОННОМ КОНТРОЛЕ

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Бердибаева А.К.
Новеллы конституционного регулирования деятельности Конституционного Суда Республики Казахстан 212

Финк Д.А.
Новеллы Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» 214

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ

Республика Казахстан

Туякбаева Н.С.
Законодательная реализация нормативных постановлений Конституционного Суда Республики Казахстан 217

ИНФОРМАЦИЯ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Конституционный Суд Республики Армения посетили студенты Российско-Армянского университета и Института права и международных отношений Университета «Айбусак» *(3-4 декабря 2025 года)* 220

По инициативе Конституционного Суда Республики Армения состоялся семинар «Роль органов государственной власти и гражданского общества в исполнении постановлений Конституционного Суда» *(17-18 января 2026 года)* 221

В городе Ош прошли выездные школы конституционализма Конституционного суда Кыргызской Республики *(23 января 2026 года)* 222

Конституционная реформа в Республике Казахстан: переход к новой модели государственного управления *(25 января – 11 февраля 2026 года)* 224

В Страсбурге состоялась встреча Председателей Конституционного Суда Республики Армения и ЕСПЧ *(29-31 января 2026 года)* 225

Председатель Конституционного Суда Республики Армения принял участие в открытии судебного года ЕСПЧ в Страсбурге *(30 января 2026 года)* 226

Состоялась встреча Председателя Конституционного Суда Республики Армения с Главой Директората по правам человека Совета Европы *(30 января 2026 года)* 227

Председатель Конституционного Суда Республики Армения встретился с Председателем Венецианской комиссии *(30 января 2026 года)* 228

Конституционная комиссия представила Главе государства итоговый проект новой Конституции Республики Казахстан *(11 февраля 2026 года)* 229

Конституционный суд Кыргызской Республики продолжает практику стажировок для впервые назначенных судей местных судов *(12 февраля 2026 года)* 230

Международное сообщество оценило открытость и прозрачность конституционной реформы в Казахстане *(16 февраля 2026 года)* 231

Мастер-класс в Ташкентском государственном юридическом университете *(3 марта 2026 года)* 232

Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан приняла участие в работе Венецианской комиссии *(5-7 марта 2026 года)* 233

Формирование конституционного правосознания молодежи: воспитание патриотизма и гражданственности, ответственности за настоящее и будущее страны *(Конституционный Суд Республики Беларусь, 13 марта 2026 года)* 234

В Казахстане принята новая Конституция *(15 марта 2026 года)* 236

Состоялся круглый стол «Конституция Республики Беларусь – фундаментальная основа гражданского согласия и общественного развития», посвященный 30-летию Всебелорусского народного собрания *(27 марта 2026 года)* 237

В Конституционном Суде Республики Армения состоялся прием делегации Риксдага Королевства Швеции *(8 апреля 2026 года)* 238

В Конституционном Суде Азербайджанской Республики состоялась встреча с магистрантами Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан *(14 апреля 2026 года)* 239

Конституционный Суд Республики Армения посетила делегация конгресса Совета Европы *(15 апреля 2026 года)* 240

Конституционный Суд Российской Федерации посетила с рабочим визитом делегация Верховного Суда Республики Казахстан *(16 апреля 2026 года)* 241

Конституционный суд Кыргызской Республики провел в городе Манас школы конституционализма, посвященные Дню Конституции *(23-24 апреля 2026 года)* 242

В Конституционном Суде Республики Казахстан подвели итоги конкурса Amicus Curiae Challenge *(24 апреля 2026 года)* 243

Официальная встреча председателей Конституционных судов Узбекистана и Турции *(4 мая 2026 года)* 245

Международный круглый стол по вопросам современного конституционного правосудия *(Конституционный Суд Республики Узбекистан, 4 мая 2026 года)* 245

Диалог в Конституционном Суде Республики Казахстан с судьями Республики Корея о конституционных новеллах и судебной практике *(5 мая 2026 года)* 246

Председатель Конституционного Суда Республики Армения встретился с Председателем Верховного суда Соединенного Королевства *(11-12 мая 2026 года)* 247

Председатель и судьи Конституционного Суда Республики Армения встретились с Главным судьей Англии и Уэльса *(11-12 мая 2026 года)* 248

В расширенном составе прошло очередное заседание Научно-консультационного совета при Конституционном Суде Республики Беларусь на тему «Справедливость – фундамент государственной политики, формирования и развития правовой системы Республики Беларусь» *(15 мая 2026 года)* 249

В Конституционном Суде Российской Федерации состоялась международная конференция «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности» *(20 мая 2026 года)* 251

Будущие юристы познакомились с деятельностью Конституционного суда Кыргызской Республики в рамках Дней открытых дверей *(20-21 мая 2026 года)* 252

В Санкт-Петербурге состоялась встреча Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь С.М. Сивца и Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина *(21 мая 2026 года)* 253

Инициативы Казахстана в сфере защиты интеллектуальной собственности представлены на сессии ВОИС *(1-5 июня 2026 года)* 254

Председатель Конституционного суда Азербайджанской Республики Фархад Абдуллаев принял делегацию во главе с Генеральным прокурором Вьетнама Нгуен Тьеном *(8 июня 2026 года)* 255

Председатель Конституционного Суда Азербайджанской Республики Фархад Абдуллаев принял делегацию во главе с исполнительным директором Независимой постоянной комиссии по правам человека Организации исламского сотрудничества (ОИС) Хади бин Али Аль-Ями *(17 июня 2026 года)* 256

Принципы и нормы Конституции Республики Беларусь через призму актуальных событий и памятных дат: разъяснительная миссия судей *(18 июня 2026 года)* 257

Конституционный Суд Республики Казахстан и UNFPA (Фонд ООН в области народонаселения) обсудили сотрудничество в сфере защиты прав человека и продвижения гендерного равенства *(23 июня 2026 года)* 259

В Ташкенте состоялось онлайн рабочее совещание Генеральных секретарей Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов *(25 июня 2026 года)* 260

Назначены новые члены Конституционного суда Монголии *(26 июня 2026 года)* 260

КНИГИ И ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ 263

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН 266

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ 267

ИНФОРМАЦИЯ О КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДАХ В ИНТЕРНЕТЕ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА 276

КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА 276

МОНГОЛИЯ 276

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ 276

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ 277

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН 277

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН 277

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ 278

РЕШЕНИЯ (АКТЫ) ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Азербайджанская Республика

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ о проверке соответствия частей 2 и 3 статьи 144 Трудового кодекса Азербайджанской Республики частям I и III статьи 25, части II статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики

18 февраля 2026 года **город Баку**

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Умай Эфендиевой, Рауфа Кулиева, Отари Гваладзе, Фикрета Мамедова, Исы Наджафова (судья-докладчик), Рашида Рзаева, Фархада Тутаюка и Ханлара Велиева, с участием секретаря суда Фараида Алиева,

руководствуясь частью VII статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 27.2 и 32 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» и статьей 39 Внутреннего Устава Конституционного Суда Азербайджанской Республики, рассмотрел в судебном заседании в порядке письменной процедуры конституционного судопроизводства конституционное дело на основании запроса Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) Азербайджанской Республики о проверке соответствия частей 2 и 3 статьи 144 Трудового кодекса Азербайджанской Республики частям I и III статьи 25, части II статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики.

Изучив и обсудив доклад судьи И.Наджафова по делу, запрос Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) Азербайджанской Республики и заключение Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, заключения специалистов, представленные Верховным Судом Азербайджанской Республики, Центром правовой экспертизы и законодательных инициатив, Министерством юстиции Нахчыванской Автономной Республики, Коллегией адвокатов Азербайджанской Республики, заключение эксперта — заведующего кафедрой трудового и экологического права юридического факультета Бакинского Государственного Университета, доктора юридических наук, профессора А. Гасымова и материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Уполномоченный по правам человека (омбудсмен) Азербайджанской Республики обратился в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный Суд) с запросом о проверке соответствия частей 2 и 3 статьи 144 Трудового кодекса Азербайджанской Республики (далее – Трудовой кодекс) частям I, III, IV и V статьи 25, частям I и II статьи 37, частям I, II, V и VI статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики (далее – Конституция).

В запросе указано, что в соответствии с частью 2 статьи 144 Трудового кодекса, независимо от причины и основания прекращения трудового договора, работнику должна быть выплачена денежная компенсация за неиспользованный основной отпуск за все рабочие годы без каких-либо условий или ограничений до дня увольнения с работы. Согласно же требованию части 3 этой статьи, при прекращении трудовых отношений денежная компенсация за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115 и 116 настоящего Кодекса, за учебные и творческие отпуска, а также за социальные отпуска не выплачивается.

По мнению заявителя, ограничение частью 3 статьи 144 Трудового кодекса выплаты денежной компенсации за дополнительные отпуска, предоставляемые работнику в период работы с учетом условий труда, характера трудовой функции и трудового стажа в соответствии со статьями 115 и 116 Трудового кодекса, при прекращении трудового договора не соответствует требованиям Конституции о равенстве прав и о том, что нормативные правовые акты должны основываться на праве и справедливости, вследствие чего приводит к нарушению права на отдых, гарантированного статьёй 37 Основного Закона.

Пленум Конституционного Суда в связи с запросом считает необходимым провести анализ сущности и целей прав на отдых и трудовой отпуск, назначения денежной компенсации за отпуск, а также ряда норм законодательства, регулирующих основной и дополнительный трудовые отпуска.

Согласно статье 37 Конституции, каждый имеет право на отдых. Работающим по трудовому договору гарантируются установленный законом рабочий день продолжительностью не более 8 часов в день, дни отдыха и праздничные дни, предоставление оплачиваемого отпуска продолжительностью не менее 21 календарного дня не реже одного раза в год.

Право на отдых направлено на обеспечение формирования справедливых трудовых отношений, и нормы, связанные с оплачиваемым отпуском, являющимся составной частью этого права,

нашли свое отражение наряду с Основным Законом и в ряде международно-правовых актов — в статье 24 Всеобщей декларации прав человека, статье 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, статье 3 Конвенции Международной организации труда № 132 «Об оплачиваемых отпусках», а также в Европейской социальной хартии.

Следует отметить, что оплачиваемый отпуск представляет собой социальное право, выражающееся в создании условий для отдыха работника путем освобождения его от исполнения трудовых функций на определенный период времени с сохранением средней заработной платы. Данное право служит защите физического и психологического здоровья работника, восстановлению его трудоспособности и обеспечению условий жизни, соответствующих человеческому достоинству.

Порядок и условия реализации права на оплачиваемый трудовой отпуск регулируются Трудовым кодексом. Так, данным кодексом трудовой отпуск определён как один из видов отпусков работников и установлено, что он представляет собой время отдыха работника с отрывом от работы, используемое им по своему усмотрению для нормального отдыха, восстановления трудоспособности, охраны и укрепления здоровья, продолжительность которого не менее установленного настоящим Кодексом (часть первая статьи 113 Трудового кодекса).

Также в законодательстве в качестве гарантии права работников на отпуск закреплено, что трудовой отпуск состоит из основного и дополнительных отпусков (пункт «а» части 1 статьи 112 Трудового кодекса).

Основной трудовой отпуск — это отпуск по профессии (должности) работника, указанной в трудовом договоре, с минимальной продолжительностью, предусмотренной частями 2 и 3 статьи 114 Трудового кодекса (не менее 21 или 30 календарных дней соответственно). То есть это такая часть трудового отпуска, которая определяет минимальную продолжительность, необходимую для отдыха каждого работника, являющегося субъектом трудовых отношений, без учета особых условий труда, характера работы и иных подобных обстоятельств.

Наряду с этим, исходя из таких конституционных принципов, как справедливость и равенство, а также из концепции социального государства, законодательством для определённой группы лиц признана более длительная продолжительность трудового отпуска, а также право на дополнительный отпуск. Так, в настоящее время к дополнительным отпускам, определяемым Трудовым кодексом, относятся следующие:

дополнительный отпуск за условия труда и особенности трудовой функции (статья 115);

дополнительный отпуск за стаж работы (статья 116);

дополнительный отпуск женщинам, имеющим детей (статья 117);

дополнительный отпуск специалистам, работающим на освобожденных от оккупации территориях Азербайджанской Республики (статья 118-1).

Согласно статье 115 Трудового кодекса, работникам, занятым на подземных работах, во вредных и тяжелых условиях труда, а также при выполнении трудовой функции, связанной с повышенной эмоциональностью, волнением, умственной и физической напряженностью, предоставляются дополнительные отпуска за условия труда и особенность трудовой функции. Продолжительность такого дополнительного отпуска должна быть не менее 6 календарных дней. Перечень вредных и тяжелых производств, профессий и должностей, где за условия труда и характер трудовой функции предоставляется право на дополнительный отпуск, утверждается соответствующим органом исполнительной власти с указанием продолжительности дополнительных отпусков.

Вредные и тяжелые условия труда, а также требующий умственного и физического напряжения характер трудовой функции приводят к увеличению интенсивности негативных факторов, влияющих на здоровье работников, что объективно обусловливает предоставление им более длительного времени отдыха по сравнению с другими лицами в целях восстановления их физического и психологического здоровья. Закрепление в законодательстве положений о дополнительном отпуске в этих случаях служит устранению негативного воздействия, оказываемого на здоровье работника в связи с выполнением такой работы, предотвращению рисков возникновения профессиональных заболеваний и преждевременной утраты трудоспособности, а тем самым — обеспечению права каждого на труд в безопасных и здоровых условиях. Аналогичная правовая позиция выражена и в Постановлении Пленума Конституционного Суда от 17 июня 2003 года «О толковании части первой статьи 115, части первой статьи 116 и части второй статьи 136 Трудового кодекса Азербайджанской Республики».

В связи с дополнительным отпуском за стаж работы следует отметить, что работникам при стаже работы от пяти до десяти лет предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью 2 календарных дня, при стаже от десяти до пятнадцати лет — 4 календарных дня, при стаже свыше пятнадцати лет — 6 календарных дней (часть 1 статьи 116 Трудового кодекса). Так, в отличие от лиц, только начинающих трудовую деятельность, у лиц, работающих на протяжении долгих лет, происходят такие факторы, как возникновение профессионального выгорания, снижение физической и пси-

хологической выносливости, и в этом отношении предоставляемый им период дополнительного отпуска выступает в качестве социально-правовой меры, направленной на сохранение трудоспособности.

В статье 117 Трудового кодекса нашли свое отражение положения, связанные с правом на дополнительный отпуск женщинам, имеющим детей, отцам, воспитывающим детей в одиночку, а также лицам, усыновившим детей.

В статье 118-1 Трудового кодекса установлено, что специалистам, работающим на освобождённых от оккупации территориях Азербайджанской Республики, с учётом требований статьи 21-1 настоящего Кодекса, предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью 5 календарных дней независимо от срока основного и дополнительных отпусков.

Следует отметить, что закрепление в Конституции права на оплачиваемый отпуск продолжительностью не менее 21 календарного дня не должно пониматься как конституционная защита данного права исключительно в пределах указанного минимального срока. Конституция, провозглашая минимальный предел права на оплачиваемый отпуск, не только не исключает возможности расширения таких гарантий законодательством, но, напротив, предполагает, что их усиление вытекает из самих конституционных принципов.

С учетом цели и назначения дополнительных дней отпуска, предоставляемых работникам в соответствии с законом, следует указать, что предоставление этого права также непосредственно основывается на вытекающих из Конституции принципах социальной справедливости и равенства. Так, применение института дополнительного отпуска направлено на обеспечение того, чтобы равенство между работниками не носило формального характера, и на справедливую и сбалансированную защиту интересов лиц, работающих в тяжёлых или сопряжённых с риском условиях, с учетом различий в их фактическом положении.

Вместе с тем, в отличие от иных видов отпусков, таких как учебный, творческий и социальный отпуска, дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115 и 116 Трудового кодекса, предоставляются работникам не по основаниям, не связанным с трудовой деятельностью, а непосредственно в связи с продолжительностью и характером их трудовой деятельности, и право на такие отпуска приобретается работником в результате исполнения им трудовых функций. В этой связи указанные права следует рассматривать не как особую привилегию, признанную за ними законодателем, а как право, предоставляемое с учётом особенностей труда.

Предоставление дней дополнительного отпуска матерям, имеющим двух и более детей в возрасте до 14 лет, отцам, воспитыва-

ющим детей в одиночку, а также лицам, усыновившим детей, преследует цель создания условий для восстановления их здоровья и надлежащего выполнения родительских функций с учётом наличия у них помимо трудовых функций обязанностей, связанных с воспитанием и образованием детей. Такой подход также выступает проявлением реализации конституционных норм, таких как нахождение семьи под особой опекой государства, охрана материнства, отцовства и детства законом.

Предусмотрение же дополнительного трудового отпуска для специалистов, работающих на освобожденных от оккупации территориях Азербайджанской Республики, наряду с тем, что служит стимулированию работы таких специалистов на соответствующих территориях, обусловлено такими факторами, как неполное восстановление инфраструктуры на этих территориях, наличие особых условий труда (бытовых, социальных и др.).

Поэтому, поскольку права на отпуск, установленные в статьях 115–117 и 118-1 Трудового кодекса, независимо от их формы (определения в качестве дополнительных), составляют составную часть трудового отпуска, основываются на конституционных принципах и направлены на обеспечение права на отдых, закреплённого статьёй 37 Конституции, ограничение этих прав также может осуществляться исключительно в рамках требований Конституции.

Пленум Конституционного Суда в Постановлении от 29 ноября 2000 года «О части 2 статьи 116 Трудового кодекса Азербайджанской Республики» также рассматривал право на дополнительный отпуск как составную часть трудового отпуска и отметил недопустимость нарушения права на равенство применительно к механизму реализации данного права.

По вопросу выплаты компенсации за неиспользованный отпуск, следует отметить, что такая выплата не предусмотрена в качестве альтернативного правового механизма, заменяющего трудовой отпуск. Это обусловлено тем, что правовая природа трудового отпуска прежде всего предполагает его фактическое использование. Так, согласно части 3 статьи 110 Трудового кодекса право работников на отпуск и порядок его использования, определенные настоящим Кодексом, не могут быть ограничены. В соответствии с настоящим Кодексом запрещается непредоставление работодателем работнику трудового отпуска. В случае если после письменного предупреждения работодателя работник не обратился к работодателю с заявлением об использовании трудового отпуска (полностью или его части), не соблюдая график очерёдности трудовых отпусков и условия и порядок переноса трудового отпуска на другое время, работник направляется в трудовой отпуск за соответствующий рабочий год приказом работодателя (часть 1 статьи 135 и часть 2-1 статьи 138 Трудового кодекса).

Также в статье 12 Конвенции Международной организации труда №132 «Об оплачиваемых отпусках» указано, что соглашения об отказе от права на минимальный ежегодный оплачиваемый отпуск, предусмотренный пунктом 3 статьи 3 настоящей Конвенции, или о неиспользовании такого отпуска с заменой его компенсацией, или иным образом, в соответствии с национальными условиями, признаются недействительными, не имеют юридической силы и запрещаются.

Поэтому, с учетом цели и назначения трудового отпуска (обеспечение фактического отдыха работника), компенсация не может расцениваться как правовое основание для отказа работодателя от предоставления трудового отпуска, либо для соглашения сторон о полном или частичном накоплении причитающихся работнику отпусков и их замене компенсацией при увольнении. Противоположный подход, не соответствуя правовой сути и социальному назначению трудового отпуска, приводил бы к формальному характеру данного права.

Наряду с этим следует учитывать, что до прекращение трудового договора не исключает полное или частичное неиспользование работником периода трудового отпуска в силу определенных причин. В таких случаях компенсация выступает не в качестве замены трудового отпуска, а как специальный механизм, служащий устранению (компенсированию) негативных последствий (снижения трудоспособности, лишения возможностей обеспечения баланса труда и отдыха и др.), которые могут возникнуть вследствие невозможности реализации работником указанного права.

Данный механизм нашел свое отражение в Трудовом кодексе. Так, в статье 143 настоящего Кодекса закреплено, что работнику, не использовавшему отпуск за соответствующий рабочий год (годы), при расторжении трудовых отношений за исключением случаев увольнения по основаниям, предусмотренным пунктами «а» и «ç» статьи 70 настоящего Кодекса, в остальных случаях по желанию работника предоставляется отпуск за этот рабочий год (годы) и датой увольнения считается последний день отпуска. При нежелании работника использовать отпуск в случаях и порядке, предусмотренных в настоящей статье, ему выплачивается компенсация за неиспользованный отпуск в порядке и на условиях, определенных в статье 144 настоящего Кодекса.

Так, частью II статьи 71 Конституции предусмотрено, что права и свободы каждого могут быть ограничены лишь на основании, установленным Конституцией и законами, а также правами и свободами других лиц.

В соответствии с частью 2 статьи 144 Трудового кодекса, независимо от причины и основания расторжения трудового договора,

работнику до дня увольнения с работы должна быть выплачена денежная компенсация неиспользованных основных отпусков за все рабочие годы без каких-либо условий и ограничений.

Вместо с тем, в силу части 3 указанной статьи, при прекращении трудовых отношений денежная компенсация за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115 и 116 настоящего Кодекса, учебные и творческие отпуска, а также социальные отпуска не выплачивается.

Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 2025 года в часть 3 статьи 144 Трудового кодекса были внесены изменения, в соответствии с которыми при прекращении трудовых отношений денежная компенсация за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 настоящего Кодекса, а также за учебные, творческие и социальные отпуска не выплачивается.

Как следует из вышеизложенных статей, несмотря на закрепленное право работника на получение компенсации за неиспользованные основные отпуска за все рабочие годы, в отношении выплаты такой компенсации за дни дополнительного отпуска, полученные по основаниям, установленным законодательством, введено прямое ограничение.

Следует отметить, что, несмотря на важность права на отдых, закрепленного в Конституции и международно-правовых актах, оно не является абсолютным, и могут быть предусмотрены определенные ограничения в связи с механизмами осуществления этого права. Однако дискреция законодателя в данном вопросе не безгранична, и такие ограничения, как отмечалось выше, могут применяться в рамках конституционных требований и принципов.

Согласно статьям 3.3 и 3.4 Конституционного закона Азербайджанской Республики «О регулировании осуществления прав и свобод человека в Азербайджанской Республике», ограничения, налагаемые на права и свободы человека, не должны менять сути этих прав и свобод, должны быть направлены на достижение законной цели, предусмотренной Конституцией и настоящим Конституционным законом, и быть соразмерны этой цели.

Также статьей 8 Конституционного закона Азербайджанской Республики «О нормативных правовых актах» соразмерность, защита прав и свобод людей, их законных интересов и социальная справедливость отнесены к числу основных принципов нормотворческой деятельности.

С точки зрения вышеизложенных требований законодательства Пленум Конституционного Суда считает важным отметить, что установленное законодателем ограничение в отношении регулирования правил и условий использования провозглашённого Основным Законом права каждого на отдых, в том числе на трудовой

отпуск, может считаться обоснованным и допустимым лишь в том случае, если такое ограничение применяется для достижения легитимных целей, не затрагивая основной сути этого права, не приводит к утрате его содержания и отвечает требованиям принципа соразмерности.

Принцип соразмерности как составная часть верховенства права, отраженного в Преамбуле Конституции, требует, чтобы степень ограничения права была в пределах, необходимых и разумных для достижения законной цели. Поскольку данный основополагающий принцип обусловливает необходимость достижения справедливого баланса между общими интересами государства или общества и защитой конституционных прав личности при применении ограничения, несоблюдение такого баланса или чрезмерное лишение лица его прав может повлечь за собой нарушение соразмерности.

Пленум Конституционного Суда считает, что безоговорочное лишение работника, который по какой-либо причине, в том числе по зависящим от работодателя обстоятельствам, не смог использовать заработанные им дни дополнительного отпуска, также и права на компенсацию, призванную устранить последствия такой ситуации, в конечном итоге приводит к тому, что данное право утрачивает свою подлинную сущность и приобретает лишь формальный характер. По этой причине установление такого ограничения в отношении реализации права работника на трудовой отпуск не соответствует требованиям принципа соразмерности.

В связи с правом на равенство следует отметить, что, согласно требованиям частей I и III статьи 25 Конституции, все равны перед законом и судом. Государство гарантирует каждому равенство прав и свобод независимо от расы, этнической принадлежности, религии, языка, пола, происхождения, имущественного и служебного положения, убеждений, принадлежности к политическим партиям, профсоюзам и другим общественным объединениям. Запрещается ограничение прав и свобод человека и гражданина по признакам расовой, этнической, религиозной, языковой принадлежности, пола, происхождения, убеждений, политической и социальной принадлежности.

В соответствии с частью 1 статьи 16 Трудового кодекса в трудовых отношениях категорически запрещается допускать любую дискриминацию между работниками по иным факторам, не связанным с деловыми качествами, профессиональной компетентностью, результатами труда работника, устанавливать на почве этих факторов прямо или косвенно привилегии и льготы, а также ограничивать их права.

Необходимо отметить, что принцип равенства требует равного отношения к лицам, находящимся в одинаковом или сходном поло-

жении, то есть равенства прав и обязанностей для всех членов внутри одной группы. С этой точки зрения различие в отношении к лицам, находящимся в сходном положении, может привести к нарушению права на равенство. Вместе с тем не исключается применение законодателем льгот и привилегий к отдельным категориям субъектов. Такое регулирование может быть расценено как противоречащее праву на равенство и носящее дискриминационный характер лишь в том случае, если такое отношение не имеет объективного и разумного обоснования либо отсутствует разумная соразмерность между применяемыми средствами и преследуемой законной целью. Схожая правовая позиция выражена и в Постановлениях Пленума Конституционного Суда от 13 декабря 2010 года «О толковании статьи 71.1 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики» и от 25 февраля 2014 года по жалобе О.Герекмезли.

Таким образом, принцип равенства запрещает дифференциацию прав лиц, находящихся в сходном положении, при отсутствии легитимной цели, а также объективного и разумного обоснования.

На основании изложенного Пленум Конституционного Суда считает, что для определения соответствия оспариваемой нормы статье 25 Конституции необходимо выяснить, какие лица находятся в равном или сходном по определённым критериям положении, предусматривает ли данная норма равное или различное отношение к таким лицам, и имеется ли объективное и разумное основание для такого обращения.

С этой точки зрения следует отметить, что согласно части 2 статьи 135 Трудового кодекса, если работник по какой-либо причине не использовал трудовой отпуск в соответствующем рабочем году, ему выплачивается компенсация за неиспользованный трудовой отпуск за этот рабочий год (рабочие годы) в установленном порядке и размере. То есть согласно этой норме работнику, не имевшему возможности использовать трудовой отпуск в соответствующем рабочем году, предоставляется право на получение компенсации как за основной, так и за дополнительный отпуск без каких-либо различий.

Как видно, лица, указанные как в части 2 статьи 135, так и в части 3 статьи 144 Трудового кодекса, находясь в сходном положении, приобретают соответствующее право, то есть право на получение компенсации, по двум основным критериям:

обладание правом на трудовой отпуск;

невозможность использования данного права в силу какой-либо причины.

Единственным различием между этими двумя группами является продолжение трудовых отношений работниками первой группы, тогда как лица, относящиеся ко второй группе, прекращают трудо-

вые отношения. Однако эта особенность не может быть расценена как объективное и разумное основание для различного обращения с работниками, то есть для осуществления регулирования, при котором в первом случае компенсация выплачивается за неиспользованный как основной, так и дополнительный отпуска, а во втором случае — только за основной отпуск.

С другой стороны, следует учитывать, что законодательство установило различные правила и в отношении работников, трудовой договор с которыми расторгается. Так, как уже отмечалось выше, согласно статье 143 Трудового кодекса, при расторжении трудового договора с работником, не использовавшим отпуск за соответствующий рабочий год (годы) (за исключением случаев увольнения по основаниям, предусмотренным пунктами «a» и «ç» статьи 70 указанного Кодекса), по желанию работника ему предоставляется отпуск за этот рабочий год (годы), и в этом случае датой увольнения считается последний день отпуска.

То есть, несмотря на то что трудовой договор будет прекращен и работник более не будет осуществлять деятельность на этом предприятии, по желанию работника ему предоставляются дни как основного, так и дополнительного отпуска с осуществлением соответствующих выплат за эти периоды.

В данном случае работник, желающий продлить трудовой договор на количество дней неиспользованного отпуска в том числе дополнительного отпуска), фактически имеет возможность получить выплату за эти дни, тогда как работник, не желающий воспользоваться этим правом, а в некоторых случаях не имеющий возможности воспользоваться им по не зависящим от него причинам, полностью утрачивает право на получение компенсации за дополнительный отпуск, что приводит к дифференциации прав работников, находящихся в сходном положении, без объективного и разумного обоснования.

Следует отметить и то, что частью I статьи 149 Конституции провозглашено, что нормативные правовые акты должны основываться на праве и справедливости (равном отношении к равным интересам). Данная конституционная норма устанавливает необходимость соответствия каждого закона и его положений, а также соответствующих норм Трудового кодекса принципу справедливости, то есть правового регулирования, основанного на равном отношении к лицам, обладающим равными интересами.

Это требование нашло свое отражение и в части 3 статьи 2 Трудового кодекса. Защита интересов сторон трудовых отношений на основе справедливости и обеспечения верховенства закона определена в качестве основного принципа указанного Кодекса.

На основании изложенного Пленум Конституционного Суда считает, что такая правовая ситуация, порождающая неравенство

между работниками, трудовые отношения которых продолжаются, и работниками, трудовые отношения которых прекращены, и не соответствующая принципу справедливости, вступает в противоречие с требованиями частей I и III статьи 25 и части I статьи 149 Конституции.

Анализ законодательства ряда стран, в которых существует аналогичное регулирование в части разделения трудового отпуска на основной и дополнительный, в частности Российской Федерации (часть 1 статьи 127 Трудового кодекса), Казахстана (часть 2 статьи 96 Трудового кодекса), Узбекистана (статья 234 Трудового кодекса), также показывает, что в данном вопросе имеется подход, отличный от законодательства Азербайджанской Республики, и предусматривается выплата компенсации работником за все неиспользованные трудовые отпуска при прекращении трудового договора без установления каких-либо ограничений.

На основании вышеизложенного Пленум Конституционного Суда считает, что положение части 3 статьи 144 Трудового кодекса, предусматривающее «невыплату компенсации за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 указанного Кодекса, при прекращении трудовых отношений», не соответствует соответствующим нормам Конституции, устанавливающим принципы соразмерности, равенства и базирования нормативных правовых актов на справедливости.

В связи с частью 2 статьи 144 Трудового кодекса следует также отметить, что, поскольку данная статья предусматривает выплату компенсации за неиспользованный основной отпуск за все рабочие годы при прекращении трудового договора, признание данного положения утратившим силу привело бы к лишению работников возможности получения компенсации и за основной отпуск и к нарушению их прав.

Наряду с этим следует учитывать, что в соответствии с требованиями статей 63 и 66 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», постановление Пленума Конституционного Суда, содержащее вывод о несоответствии Конституции соответствующего положения части 3 статьи 144 Трудового кодекса, обладая обязательной юридической силой, исключает применение данного положения. В этой связи в целях недопущения возникновения нормативной неопределенности возникает необходимость внесения законодателем соответствующих изменений в части 2 и 3 статьи 144 Трудового кодекса (в связи с распространением требований части 2 также на работников, имеющих право на дополнительный отпуск по основаниям, указанным в статьях 115–117 и 118-1 Трудового кодекса).

Пленум Конституционного Суда также отмечает, что, учитывая, что настоящее Постановление повлечёт существенные изменения на практике, и в целях обеспечения стабильности трудовых правоотношений, настоящее Постановление подлежит применению не к уже завершённым правоотношениям, а к отношениям, возникающим в связи с прекращением трудовых договоров после вступления его в силу, а также к делам, находящимся в настоящее время в производстве судов.

На основании изложенного Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам:

положение части 3 статьи 144 Трудового кодекса о «невыплате компенсации за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 настоящего Кодекса» ввиду несоответствия требованиям принципов равенства и справедливости нормативных правовых актов, а также ввиду несоразмерного ограничения права на оплачиваемый трудовой отпуск, не соответствует частям I и III статьи 25, части II статьи 71 и части I статьи 149 Конституции, в связи с чем его применение подлежит приостановлению;

на основании правовых позиций, изложенных в описательно-мотивировочной части настоящего Постановления, в целях обеспечения выплаты компенсации за не использованные работником до дня увольнения дополнительные отпуска, указанные в статьях 115–117 и 118-1 Трудового кодекса, части 2 и 3 статьи 144 указанного Кодекса подлежат приведению в соответствие с требованиями частей I и III статьи 25, части II статьи 71 и части I статьи 149 Конституции;

до разрешения вопроса в законодательном порядке, с учетом требований статей 25 и 149 Конституции, в целях устранения существующего неравенства, при прекращении трудового договора должна быть обеспечена выплата работнику компенсации за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 Трудового кодекса, которые не были использованы им за все годы работы, исчисляемой в порядке и размере, установленными для компенсации за неиспользованный основной трудовой отпуск;

настоящее Постановление распространяется на правоотношения, возникающие в связи с прекращением трудовых договоров после вступления его в силу, а также на соответствующие дела, находящиеся в настоящее время в производстве судов.

Руководствуясь частями VII, IX и X статьи 130 Конституции, статьями 52, 62, 63, 65–67 и 69 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», частью I статьи 41-1 Внутреннего устава Конституционного Суда, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Положение части 3 статьи 144 Трудового кодекса Азербайджанской Республики о «невыплате компенсации за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 настоящего Кодекса» ввиду несоответствия требованиям принципов равенства и справедливости нормативных правовых актов, а также ввиду несоразмерного ограничения права на оплачиваемый трудовой отпуск, признать не соответствующим частям I и III статьи 25, части II статьи 71 и части I статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики, в связи с чем приостановить его применение.

2. На основании правовых позиций, изложенных в описательно-мотивировочной части настоящего Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики, в целях обеспечения выплаты компенсации за неиспользованные работником до дня увольнения дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 Трудового кодекса Азербайджанской Республики, части 2 и 3 статьи 144 указанного Кодекса привести в соответствие с требованиями частей I и III статьи 25, части II статьи 71 и части I статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики.

3. До разрешения вопроса в законодательном порядке, с учетом требований статей 25 и 149 Конституции Азербайджанской Республики, в целях устранения существующего неравенства, при прекращении трудового договора обеспечить выплату работнику компенсации за дополнительные отпуска, предусмотренные статьями 115–117 и 118-1 Трудового кодекса Азербайджанской Республики, не использованные им за все годы работы, в порядке и размере, установленными для компенсации за неиспользованный основной трудовой отпуск.

4. Настоящее Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики подлежит применению к правоотношениям, возникающим в связи с прекращением трудовых договоров после вступления его в силу, а также к соответствующим делам, находящимся в настоящее время в производстве судов.

5. Постановление вступает в силу со дня его опубликования.

6. Постановление опубликовать в официальных государственных газетах Азербайджанской Республики, в «Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики» и разместить на официальном сайте Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

7. Постановление окончательно, не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

Председатель **Фархад Абдуллаев**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ о толковании во взаимосвязи статей 148.6 и 447.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статей 28 и 60 Конституции Азербайджанской Республики

17 апреля 2026 года **город Баку**

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Умай Эфендиевой, Рауфа Кулиева, Отари Гваладзе, Фикрета Мамедова, Исы Наджафова, Рашида Рзаева, Фархада Тутаюка и Ханлара Велиева (судья-докладчик), с участием секретаря суда Фараида Алиева,

руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 27.2 и 33 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» и статьёй 39 Внутреннего устава Конституционного Суда Азербайджанской Республики, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики рассмотрел в судебном заседании в порядке письменной процедуры особого конституционного производства конституционное дело на основании обращения Бакинского апелляционного суда о толковании во взаимосвязи статей 148.6 и 447.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статей 28 и 60 Конституции Азербайджанской Республики.

Изучив и обсудив доклад судьи-докладчика Х. Велиева по делу, обращение заинтересованного субъекта – Бакинского апелляционного суда и заключение Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, заключения специалистов, представленные Верховным Судом Азербайджанской Республики, Прокуратурой Азербайджанской Республики, Сумгаитским апелляционным судом, Министерством внутренних дел Азербайджанской Республики, Центром правовой экспертизы и законодательных инициатив, Коллегией адвокатов Азербайджанской Республики, заключение эксперта – заведующей кафедрой уголовного процесса юридического факультета Бакинского государственного университета, доктора юридических наук, профессора Ф. Аббасовой и материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Бакинский апелляционный суд обратился в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный Суд) с просьбой о толковании статей 148.6 и 447.2 Уголовно-процессуаль-

ного кодекса Азербайджанской Республики (далее – Уголовно-процессуальный кодекс) во взаимосвязи со статьями 28 и 60 Конституции Азербайджанской Республики (далее – Конституция).

В обращении указано, что 5 декабря 2025 года в 21:00 Ю. Османов был задержан в качестве подозреваемого, после чего был привлечён в качестве обвиняемого, ему было предъявлено обвинение, и 7 декабря 2025 года в период с 11:00 до 11:30 он был допрошен. Ходатайство следователя об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу поступило в Насиминский районный суд города Баку 7 декабря 2025 года и было передано в производство соответствующего судьи, который в тот же день рассмотрел ходатайство и удовлетворил его.

Защитник обвиняемого по делу подал апелляционную жалобу с просьбой об отмене данного решения.

В обращении отмечается, что согласно статье 148.6 Уголовно-процессуального кодекса за исключением случая, предусмотренного статьей 148.7 настоящего Кодекса, задержание лица на основании подозрения в совершении им преступления не может продолжаться свыше 48 часов. До истечения этого срока задержанному должно быть предъявлено обвинение, а при наличии представления прокурора в связи с арестом, он должен быть доставлен в суд, который должен безотлагательно рассмотреть дело и вынести решение об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу или о его освобождении.

Бакинский апелляционный суд в обращении указал, что предусмотренная статьей 148.6 Уголовно-процессуального кодекса гарантия в отношении 48-часового срока направлена на то, чтобы лицо, в отношении которого возникли серьёзные подозрения и основания в совершении преступления, не подвергалось мерам процессуального принуждения в течение неопределённого времени, и чтобы возможность и законность избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу были проверены в порядке судебного контроля в максимально короткий срок.

Согласно статье 447.2 Уголовно-процессуального кодекса, ходатайства об избрании, продлении срока задержания в качестве меры пресечения в виде заключения по и об осуществлении оперативно-розыскной меры, а также о немедленном проведении следственного действия, предусмотренного статьёй 177.3.6 настоящего Кодекса, рассматриваются судом в течение 24 часов, а иные обращения - в течение 48 часов после их поступления в суд.

По мнению заявителя, правовая позиция, согласно которой 24-часовой срок, предусмотренный статьёй 447.2 Уголовно-процессуального кодекса, входит в 48-часовой срок, установленный статьёй 148.6 того же Кодекса в качестве предельного срока за-

держания, и суды обязаны рассматривать поступившие в производство ходатайства в течение 24 часов в соответствии со статьёй 447.2 Уголовно-процессуального кодекса, но в любом случае до истечения 48-часового срока, даже когда до его истечения остаются минуты, порождает серьёзные затруднения в судебной практике, в связи с чем правильность такого подхода обоснованно ставится под сомнение многими.

На основании изложенного Бакинский апелляционный суд пришёл к выводу о том, что в целях устранения неопределенности, возникшей в правоприменительной практике по вопросу о том, включен ли 24-часовой срок, предусмотренный статьёй 447.2 Уголовно-процессуального кодекса, в 48-часовой срок, предусмотренный статьёй 148.6 того же Кодекса, либо же он выступает в качестве дополнительного и самостоятельного срока помимо 48-часового срока, а также в целях обеспечения единообразного применения норм законодательства и принципа правовой определённости, необходимо обращение в Конституционный Суд для толкования перечисленных норм.

Пленум Конституционного Суда в связи с обращением отмечает следующее.

В соответствии со статьей 28 Конституции каждый имеет право на свободу. Это право, являясь одним из фундаментальных прав в системе прав человека, закреплено как в международных документах, так и в национальном законодательстве большинства государств.

Так, в Великой хартии вольностей (Magna Carta), статьях 3 и 9 Всеобщей декларации прав человека, статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статье 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) предусмотрены важные правовые гарантии защиты права лица на свободу и личную неприкосновенность.

Согласно части II статьи 28 Конституции, право на свободу может быть ограничено только в предусмотренном законом порядке путем задержания, заключения под стражу или лишения свободы.

Как видно, право на свободу, являясь одним из основных прав человека, не носит абсолютного характера и может быть ограничено только в случаях, предусмотренных законом. Однако такие ограничения должны соответствовать требованиям законности, в противном случае это приводит к нарушению права на свободу.

Такая позиция отражена во многих постановлениях Пленума Конституционного Суда, в том числе в Постановлении от 2 марта 2010 года «О проверке соответствия статьи 79.1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики частям I, II и III статьи 25, части II ста-

тьи 26, части I статьи 28, статьи 147 и частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики».

Согласно принципу правовой определённости, вытекающему из верховенства закона, условия и основания лишения свободы должны быть достаточно ясными, точными и предсказуемыми в национальном законодательстве.

Задержание как одно из оснований ограничения права на свободу лица при обеспечении гарантии этого права установлено в статье 14 Уголовно-процессуального кодекса.

Под задержанием понимается содержание лица в месте временного содержания с кратковременным ограничением его свободы в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим Кодексом (статья 7.0.39 Уголовно-процессуального кодекса).

Задержание как вид меры процессуального принуждения применяется только к лицу, подозреваемому в совершении преступления, к лицу, в отношении которого должно быть предъявлено обвинение, либо к обвиняемому, нарушившему условия избранной в его отношении меры пресечения, а также к осуждённому в целях решения вопроса о принудительной отправке его к месту исполнения приговора или иного итогового судебного решения либо о замене назначенного наказания другим видом наказания, а также отмене условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания или отсрочки отбывания наказания (статья 147.1 Уголовно-процессуального кодекса).

В случае возникновения подозрения в совершении лицом преступления его задержание осуществляется при непосредственном возникновении такого подозрения либо при наличии иных данных, дающих основание подозревать совершение им деяния, предусмотренного уголовным законом.

Согласно статье 148.6 Уголовно-процессуального кодекса, за исключением случая, предусмотренного статьей 148.7 настоящего Кодекса, задержание лица на основании подозрения в совершении им преступления не может продолжаться свыше 48 часов.

Также орган, осуществляющий уголовный процесс, не вправе держать задержанное лицо в положении подозреваемого свыше 48 часов, а подозреваемого, в отношении которого избрана мера пресечения, за исключением ареста, залога или домашнего ареста, - свыше 10 (десяти) дней с момента объявления ему постановления об избрании меры пресечения (статья 90.2 Уголовно-процессуального кодекса).

Как видно, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, ограничено установленным законом сроком, и единственным основанием для лишения права на свободу сверх указанного срока является избрание меры пресечения в виде заключения лица под стражу.

Задержанный подлежит освобождению органом, осуществляющим уголовный процесс, при не вынесении судом постановления об аресте в течение 7 (семи) дней с момента задержания для решения вопроса о принудительной отправке лица в место исполнения приговора или иного итогового судебного решения либо о замене назначенного наказания другим видом наказания, а также об отмене условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания или отсрочки отбывания наказания, а в остальных случаях - в течение (в течение периода продления задержания в случаях, установленных статьей 148.7 настоящего Кодекса) 48 часов с момента задержания (статья 153.3.4 Уголовно-процессуального кодекса).

Аналогичное регулирование закреплено также в статье 5.2 Закона Азербайджанской Республики «Об обеспечении прав и свобод лиц, содержащихся в местах лишения свободы».

Из содержания указанных норм следует, что в течение установленного законом срока в отношении лица должно быть проведено судебное разбирательство и принято соответствующее решение, либо по истечении этого срока оно подлежит освобождению.

Следует отметить, что установление 48-часового срока задержания в уголовно-процессуальном законодательстве представляет собой срок, предусмотренный для сбора доказательств и проведения иных первоначальных следственных действий органами, осуществляющими уголовное преследование, с целью избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, и служит предотвращению необоснованного ограничения права лица на свободу. С этой точки зрения особое значение приобретает осуществление судебного контроля за случаями ограничения права на свободу.

Судебный контроль осуществляет в рамках своих полномочий соответствующий суд первой инстанции по месту принудительного проведения следственных действий, применения меры процессуального принуждения, осуществления оперативно-розыскных мер или проведения предварительного расследования (статья 442.1 Уголовно-процессуального кодекса).

В рамках судебного контроля суд, как правило, выполняет две функции: обеспечение законности отдельных действий и решений органов и должностных лиц, уполномоченных на осуществление уголовного преследования; защита прав и свобод участников уголовного процесса (исключение необоснованного и незаконного ограничения, прекращение нарушения прав и восстановление нарушенных прав) (Постановление Пленума Конституционного Суда от 5 августа 2009 года «О толковании статьи 449.2.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики»).

Также, согласно части II статьи 60 Конституции, каждый имеет право на беспристрастное рассмотрение его дела в разумный

срок в рамках административного производства и судебного процесса.

Данное положение Основного Закона предусматривает государственную гарантию защиты прав и свобод человека и гражданина, а также особую ответственность государственных органов, имеет целью защиту лица от чрезмерных задержек в судебном процессе и в обеспечении осуществления правосудия без ущерба его эффективности и доверию к нему.

В постановлениях Пленума Конституционного Суда от 15 апреля 2011 года по жалобе В. Озерова и от 6 июня 2014 года по жалобе С. Исмайылзаде также отмечено, что право на судебную защиту, с одной стороны, определяет право каждого на обращение в суд в целях защиты нарушенных прав и свобод, а с другой стороны — возлагает на суды обязанность рассматривать такие обращения в разумный срок и выносить по ним справедливые решения, обеспечивая их своевременное исполнение.

В порядке судебного контроля ходатайства об избрании, продлении срока задержания в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу, об осуществлении оперативно-розыскной меры, а также о безотлагательном проведении следственного действия, предусмотренного статьёй 177.3.6 Уголовно-процессуального кодекса, рассматриваются судом в течение 24 часов, а иные обращения – в течение 48 часов после их поступления в суд (статья 447.2 Уголовно-процессуального кодекса).

В соответствии с подпунктом «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции, законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

В пункте 3 статьи 5 Конвенции указано, что каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «c» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

Следует отметить, что заключение под стражу, предусмотренное подпунктом «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции, должно быть законным и применяться в случаях, установленных законом.

Под установленными законом понимаются нормы внутреннего законодательства государства, и если такими нормами предусмо-

трен 48-часовой срок для доставления задержанного лица в суд и избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, то лишение свободы сверх этого срока повлечёт необоснованное ограничение прав данного лица.

Понятие «незамедлительно», используемое в статье 5 Конвенции, подразумевает рассмотрение судьями ходатайств, связанных с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в выходные, нерабочие и праздничные дни.

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда Азербайджанской Республики от 3 ноября 2009 года «О судебной практике рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста» (с изменениями от 30 апреля 2021 года), на основании статьи 447.2 Уголовно-процессуального кодекса ходатайство (представление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьёй в закрытом судебном заседании в течение 24 часов с момента его поступления в суд (при условии соблюдения срока задержания в качестве подозреваемого лица и независимо от того, поступило ли оно в нерабочий день или после окончания рабочего времени).

В то же время в пункте 4 статьи 5 Конвенции указано, что каждый, кто лишен свободы в результате задержания или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

Пленум Конституционного Суда подчёркивает, что обязанность безотлагательного рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренное статьёй 5 Конвенции и статьёй 148.6 Уголовно-процессуального кодекса, и установление для этого 24-часового срока статьёй 447.2 Уголовно-процессуального кодекса не могут рассматриваться как наличие противоречия между указанными нормами.

Так, основной целью установления требования о безотлагательном рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, является предотвращение необоснованного или чрезмерного ограничения права лица на свободу, а также обеспечение оперативного разрешения данного вопроса в рамках судебного контроля.

С другой стороны, 24-часовой срок, предусмотренный статьёй 447.2 Уголовно-процессуального кодекса, являясь максимальным сроком, установленным для исполнения судом возложенных на него обязанностей при рассмотрении ходатайств (статья 447.5 Уголовно-процессуального кодекса), не исключает требования о безотлагательном разрешении вопроса и выступает в качестве разумного срока, позволяющего реализовать данное требование.

Пленум Конституционного Суда также считает необходимым отметить, что при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды не должны ограничиваться лишь перечислением предусмотренных законом процессуальных оснований, а обязаны надлежащим образом проверить и оценить наличие обстоятельств, являющихся основанием для применения данной меры, и подтверждаются ли они доказательствами, содержащимися в материалах уголовного дела.

Так, при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд вправе вызывать и допрашивать лиц, подтверждающих или опровергающих ходатайство, а также истребовать документы и вещественные доказательства, необходимые для проверки его обоснованности (статья 447.5 Уголовно-процессуального кодекса).

Таким образом, из системного анализа статей 148.6 и 447.2 Уголовно-процессуального кодекса следует, что целью законодателя при установлении 24-часового срока для рассмотрения ходатайств судами является не продление срока лишения лица свободы, а, напротив, обеспечение полного и своевременного осуществления судебного контроля в рамках предусмотренного 48-часового срока задержания лица.

Следует ещё раз отметить, что 48-часовой срок задержания, установленный статьёй 148.6 Уголовно-процессуального кодекса, является предельным сроком задержания и выступает одной из основных гарантий права лица на свободу.

Иное толкование, то есть определение 24-часового срока в качестве дополнительного, привело бы к фактическому увеличению срока лишения свободы задержанного лица свыше 48 часов (до 72 часов, а в случаях, предусмотренных статьёй 148.7 Уголовно-процессуального кодекса, — до 120 часов).

Следует учитывать, что согласно правовой позиции, сформированной Пленумом Конституционного Суда, установленные в уголовно-процессуальном законодательстве сроки играют особую роль в осуществлении правосудия. Нормативные положения, связанные со сроками, представляют собой обязательные предписания, которые оказывают определяющее влияние на участников процесса, подчиняют их себе, не подлежат отрицанию и должны безусловно приниматься всеми.

Значение процессуальных сроков проявляется не только в исполнении процессуальных обязанностей, но и в обеспечении последовательности и непрерывности производства по уголовному преследованию, осуществляемому органом уголовного процесса.

Разделение уголовного процесса на стадии досудебного и судебного производства обусловило также разделение процессуаль-

ных сроков, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом, по соответствующим стадиям.

Так, уголовный процесс как на стадии судебного разбирательства, так и на стадии досудебного производства осуществляется в конкретных временных рамках, эти временные рамки включают в себя процессуальные сроки (Постановление Пленума Конституционного Суда от 10 октября 2011 года «О толковании некоторых положений статей 158.3, 158.4 и 290.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики»).

Наряду с изложенным, Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить, что статья 153.2.11 Уголовно-процессуального кодекса возлагает на орган, осуществляющий уголовное преследование, обязанность предварительно доставить задержанное лицо в суд для решения вопроса об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

Однако тот факт, что законодатель не установил срок для привода лица, в то время как задержание лица не может продолжаться более 48 часов, на практике часто приводит к тому, что ходатайства, поступившие незадолго до истечения этого срока, рассматриваются судами в крайне сжатые сроки, и в некоторых случаях решения выносятся без полного и всестороннего исследования обстоятельств.

В этой связи в целях устранения неопределённости и трудностей, возникших на практике, а также объективного и всестороннего исследования вопроса, связанного с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, как следственными органами, так и судами, представляется целесообразным установление разумного распределения времени между ними.

В практике ряда зарубежных государств данный вопрос урегулирован в законодательном порядке. Так, согласно пункту 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации задержание подозреваемого без судебного решения не может превышать 48 часов. В соответствии с частью 3 статьи 108 того же Кодекса, в случае возбуждения ходатайства в отношении подозреваемого, соответствующее постановление следственного органа и приложенные к данному ходатайству материалы должны быть представлены судье не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания.

Согласно пункту 5 статьи 128 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, исчисляется с момента фактического ограничения его свободы и не может превышать 72 часов. Кроме того, в соответствии с пунктом 3 статьи 147 того же Кодекса прокурор должен обратиться к судье с представлением об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, приложив копии

материалов уголовного дела, не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания.

Пленум Конституционного Суда считает целесообразным в целях обеспечения права лица на свободу, а также законности и обоснованности деятельности следственных и судебных органов осуществление разумного распределения времени между этими органами в пределах 48-часового срока. Однако это возможно исключительно посредством внесения соответствующих дополнений и изменений в законодательство. Согласно пункту 6 части I статьи 94 Конституции, установление общих правил, касающихся вопросов судопроизводства, относится к исключительной компетенции Милли Меджлиса Азербайджанской Республики.

На основании изложенного Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам:

- С точки зрения обеспечения права на свободу, предусмотренного статьёй 28 Конституции, а также на основании правовых позиций, выраженных в описательно-мотивировочной части настоящего Постановления, установленный в статье 447.2 Уголовно-процессуального кодекса 24-часовой срок для рассмотрения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не является дополнительным сроком, а охватывается 48-часовым сроком задержания в качестве подозреваемого, установленным статьёй 148.6 того же Кодекса.

- В соответствии со статьёй 60 Конституции, в целях объективного и всестороннего исследования вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу органами следствия и судами, Милли Меджлису Азербайджанской Республики рекомендуется установить разумное распределение времени между ними в рамках 48-часового срока и усовершенствовать законодательство в этом направлении.

Руководствуясь частями VI и IX статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65–67 и 69 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», частью I статьи 41-1 Внутреннего устава Конституционного Суда, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. С точки зрения обеспечения права на свободу, предусмотренного статьёй 28 Конституции Азербайджанской Республики, а также на основании правовых позиций, выраженных в описательно-мотивировочной части настоящего Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики, установленный в статье 447.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской

Республики 24-часовой срок для рассмотрения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не является дополнительным сроком, а охватывается 48-часовым сроком задержания в качестве подозреваемого, установленным статьёй 148.6 того же Кодекса.

2. В соответствии со статьёй 60 Конституции Азербайджанской Республики, в целях объективного и всестороннего исследования вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу органами следствия и судами, рекомендовать Милли Меджлису Азербайджанской Республики установить разумное распределение времени между ними в рамках 48-часового срока и усовершенствовать законодательство в этом направлении.

3. Постановление вступает в силу со дня его опубликования.

4. Постановление опубликовать в официальных государственных газетах Азербайджанской Республики, в «Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики» и разместить на официальном сайте Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

5. Постановление окончательно, не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

Председатель **Фархад Абдуллаев**

Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики, принятые в I полугодии 2026 года:

1. «О толковании в связи со статьями 14.2 и 228.1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статьи 80 Конституции Азербайджанской Республики» от 23 января 2026 года
https://constcourt.gov.az/az/decision/1510

2. «На основании обращения Бакинского Административного Суда относительно толкования статьи 22.7-1 Закона Азербайджанской Республики «О государственной службе» применительно к порядку исчисления выслуги лет (стажа службы) для назначения пенсии военнослужащим, лицам, имеющим специальные звания, и государственным служащим» от 26 января 2026 года
https://constcourt.gov.az/az/decision/1512

3. «О проверке соответствия частей 2 и 3 статьи 144 Трудового кодекса Азербайджанской Республики частям I и III статьи 25, части II статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики» от 18 февраля 2026 года
https://constcourt.gov.az/az/decision/1509

4. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 10 марта 2026 года «О проверке соответствия статьи 455.0.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики части I статьи 60, частям I, II, VI и X статьи 71, части IV статьи 127 и части IX статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1508

5. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 31 марта 2026 года «О толковании понятия «руководитель исполнительного органа юридического лица», предусмотренного статьёй 23.1.15-3 Налогового кодекса Азербайджанской Республики и статьёй 355-5.1 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики, с точки зрения требований статьи 73 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1506

6. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 10 апреля 2026 года «О толковании понятий «последнее место жительства», предусмотренного статьей 74.3, и «конечное место жительства», предусмотренного статьей 522.6 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики, с точки зрения статьи 62 Конституции Азербайджанской Республики во взаимосвязи со статьями 1, 2, 3 и 5 Закона Азербайджанской Республики «О регистрации по месту жительства и месту пребывания».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1505

7. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 14 апреля 2026 года «О толковании примечания к статье 321 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики в связи со статьей 321.1 данного Кодекса, статьей 606.3 и пунктом 2 примечания к статье 606 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках, а также со статьей 45 Закона Азербайджанской Республики «О воинской обязанности и военной службе» с точки зрения части I статьи 76 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1498

8. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 17 апреля 2026 года «Постановление Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 17 апреля 2026 года «О толковании в связи со статьями 148.6 и 447.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статей 28 и 60 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1504

9. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 5 мая 2026 года «О толковании в связи

со статьями 53.1.7 и 139 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках со статьями 141.1.3 и 142 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения части VII статьи 125 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1502

10. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 12 мая 2026 года «О толковании статьи 402 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики в связи с частью четвертой статьи 74 Закона Азербайджанской Республики «О нотариате»».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1531

11. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 25 мая 2026 года «О толковании статьи 79 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики в связи со статьей 41.2 данного Кодекса и статьей 173 Кодекса Азербайджанской Республики об исполнении наказаний с точки зрения статьи 80 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1539

12. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 16 июня 2026 года «О толковании в связи со статьями 329.1, 337.1 и 739.2 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения требований части I статьи 13 и частей I и II статьи 29 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1541

13. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 22 июня 2026 года «О толковании в связи со статьями 122.2.3 и 449.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения частей I и IV статьи 60 и статьи 71 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1545

14. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 23 июня 2026 года «О проверке соответствия статьи 14.2 Жилищного кодекса Азербайджанской Республики части III статьи 29 и частям I и II статьи 71 Конституции Азербайджанской Республики в связи с жалобой А. Шукюровой».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1543

15. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 24 июня 2026 года «О толковании статьи 420 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики в связи со статьями 65.1, 142.1 и 397 данного Кодекса с точки зрения части I статьи 132 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1544

16. Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 25 июня 2026 года «О толковании статьи 598.7 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках в связи со статьями 3.1 и 3.1.2 Закона Азербайджанской Республики «О борьбе с легализацией имущества, полученного преступным путем, и финансированием терроризма» с точки зрения требований части VIII статьи 71 и статьи 80 Конституции Азербайджанской Республики».

https://constcourt.gov.az/az/decision/1546

Кыргызская Республика

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
от 10 декабря 2025 года № 3-01 к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики»

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе председательствующего – Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Арзыматовой А.Дж.,

руководствуясь частью 1, пунктом 5 части 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республике» рассмотрел по письменной процедуре дело о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

Поводом и основанием к рассмотрению дела явилось представление Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова.

Заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 2 декабря 2025 года поступило представление Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

В справке-обосновании к проекту Закона обращается внимание на то, что статья 23 Конституции закрепляет права и свободы человека как высшие ценности Кыргызской Республики, а статья 20 отдельно выделяет детей в качестве одной из таких ценностей. Соответственно, законодательство, в частности статья 16 Кодекса о детях, возлагает на государство обязанность обеспечивать личную неприкосновенность ребенка, защищать его честь и достоинство и охранять от любых форм насилия. В документе также отмечается, что вопросы защиты жизни и половой неприкосновенности затрагивают не только детей, но и женщин, которые наряду с детьми рассматриваются как наиболее уязвимые группы, что обусловливает необходимость более внимательного и приоритетного подхода к обеспечению их безопасности.

Эти государственные обязательства согласуются с международными нормами, такими как Конвенция ООН о правах ребенка и Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которые ориентируют государства-участники на формирование эффективных механизмов предупреждения и пресечения насильственных преступлений.

Однако на сегодняшний день, как указано в приведенных статистических данных, подтверждается факт роста особо тяжких преступлений, связанных с убийствами и сексуальным насилием в отношении детей и женщин. Такая динамика свидетельствует о посягательствах на фундаментальные ценности, включая право на жизнь и половую неприкосновенность детей и женщин, относящиеся к числу высших и особо охраняемых прав.

В этой связи проект Закона предусматривает возможность установления смертной казни как исключительной меры наказания за изнасилование детей и за убийство, сопряженное с изнасилованием, путем внесения соответствующих изменений в статью 25 Конституции. В случае принятия предлагаемых изменений вопросы, связанные с международными обязательствами Кыргызской Республики, предполагается решать в рамках последующих правовых и иных необходимых процедур. Точнее, отменить Закон «О присоединении Кыргызской Республики ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, принятому резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года».

Указанное представление Президента Кыргызской Республики о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» подлежит рассмотрению Конституционным судом в силу прямого предписания пункта 5 части 2 статьи 97, части 4 статьи 116 Конституции и пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Ввиду чего определением судьи-докладчика К.А. Дуйшеева от 3 декабря 2025 года рассмотрение дела было назначено на 10 декабря 2025 года.

По рассматриваемому делу были запрошены правовые позиции Верховного суда Кыргызской Республики, Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики, Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, Министерства юстиции Кыргызской Республики и Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики.

Верховным судом было отмечено, что право на жизнь является неотъемлемым и абсолютным, принадлежит каждому человеку от рождения и составляет фундамент всей правовой системы государства.

В этой связи подчеркивается, что государство, провозгласившее в Конституции принцип уважения человеческой жизни, несет положительное обязательство по обеспечению ее защиты и неприкосновенности, что предполагает формирование такой государственной политики, которая ориентирована на максимальное сохранение человеческой жизни.

В своей правовой позиции Суд указал, что восстановление смертной казни, предполагающее намеренное и необратимое лишение жизни государством, представляет собой концептуальный отход от конституционных установлений и фактически изменяет направленность правового развития страны, основанного на гуманизме и ценности человеческой личности.

По мнению Верховного суда, предлагаемое восстановление смертной казни также не соответствует целям уголовного законодательства, поскольку ее исключительный карательный характер также противоречит гуманистической направленности правового регулирования. Суд подчеркнул, что эффективность предупреждения преступлений определяется не суровостью наказания, а его неотвратимостью.

Исходя из изложенного, Верховный суд выразил свою позицию о несовместимости восстановления смертной казни с принципами правового государства, конституционными ценностями, а также задачами уголовного законодательства.

Министерство иностранных дел в своей правовой позиции отмечает, что в соответствии со статьей 55 Конституции права и свободы человека и гражданина в Кыргызской Республике признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика.

В этом контексте указывается, что Кыргызская Республика 16 марта 2010 года присоединилась ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, принятому резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года.

Присоединение к указанному Протоколу повлекло принятие Кыргызской Республикой международно-правового обязательства окончательно отказаться от применения смертной казни, что нашло свое конституционное закрепление в виде императивного запрета смертной казни, установленного частью 1 статьи 25 Конституции.

При этом, Министерство особо отмечает, что Второй Факультативный протокол не относится к числу договоров, которые по своей природе подразумевают право на денонсацию, поскольку он кодифицирует в договорной форме универсальные и неотъемлемые права человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, что делает его обязательства постоянными и необратимыми.

Исходя из изложенного, Министерство иностранных дел подчеркивает, что представленный проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не только противоречит международным обязательствам страны, но и создает серьезные риски для ее международного положения, включая возможную изоляцию в мировом сообществе и блокирование глобальных инициатив Кыргызской Республики.

Генеральная прокуратура и Министерство юстиции выразили схожую с Министерством иностранных дел позицию.

Вместе с тем Министерство юстиции в дополнение отметило, что по преступлениям, совершенным в отношении детей, и по убийствам, сопряженным с изнасилованием, наказание должно предусматриваться исключительно в виде пожизненного лишения свободы, исключающего возможность смягчения наказания через применение помилования, амнистии или условно-досрочного освобождения.

Акыйкатчы (Омбудсмен) указал на приверженность Кыргызской Республики принципу неотъемлемости права на жизнь, а также на принятые ею международные обязательства воздерживаться от применения смертной казни при любых обстоятельствах.

Восстановление смертной казни, по мнению Омбудсмена, может вступить в противоречие не только с международными обязательствами Кыргызской Республики, но и с духом Конституции, основанной на принципах гуманизма и верховенства права. Акыйкатчы подчеркивает, что, несмотря на справедливое стремление общества к усилению мер ответственности за тяжкие преступления, решения должны приниматься с опорой на долгосрочные интересы общества, гарантии справедливого суда и уважение к человеческому достоинству. Особое внимание обращается на необратимые последствия возможных ошибок при применении смертной казни.

На основании изложенного Акыйкатчы (Омбудсмен) не поддерживает проект Закона «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

Министерство внутренних дел в своей правовой позиции обращает внимание на увеличение числа особо тяжких преступлений против детей, в том числе преступлений, сопряженных с насилием, что, по мнению ведомства, создает серьезную угрозу обществен-

ной безопасности и требует усиления эффективности уголовно-правового реагирования.

Для этого, Министерством, указывается на необходимость укрепления материально-технического и кадрового потенциала следственных органов и экспертных учреждений, расширения доступа к криминалистическим экспертизам, а также повышения качества расследования и судебного разбирательства по делам данной категории.

Кроме того, Министерство отмечает целесообразность введения специального предусмотренного законом срока между вынесением судебного решения и его исполнением по делам об особо тяжких преступлениях против детей. Такой срок, по их мнению, необходим для минимизации риска судебных ошибок и установления возможной причастности осужденного к иным преступлениям.

Государственный комитет национальной безопасности в своей правовой позиции отметил, что предложений и замечаний к проекту не имеет.

Конституционный суд, рассмотрев представление Президента Кыргызской Республики, обсудив позиции государственных органов, и, исследовав приложенные материалы, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд дает заключение к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию оценивая его на соответствие фундаментальным правам и свободам человека и гражданина, допустимости их ограничений, принципам демократического, правового, светского государства, предусмотренному статьей 116 Конституции порядку внесения изменений и дополнений в нее.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда Кыргызской Республики по данному делу является проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» следующего содержания:

«Закон Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики»

Статья 1.

Внести в Конституцию Кыргызской Республики, принятую референдумом (всенародным голосованием) Кыргызской Республики 11 апреля 2021 года, следующее изменение:

- часть первую статьи 25 изложить в следующей редакции:

«1. Каждый имеет неотъемлемое право на жизнь. Посягательство на жизнь и здоровье человека недопустимо. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Смертная казнь может быть установлена законом только за изнасилование детей, убийство, сопряженное с изнасилованием.».

Статья 2.

Настоящий Закон вступает в силу со дня официального опубликования.».

2. Конституция Кыргызской Республики является учредительным правовым актом высшей юридической силы, посредством которого народ как носитель суверенитета задает архитектуру публичной власти, фиксирует основы конституционного строя и гарантии прав и свобод человека и гражданина. Сама преамбула Конституции формулирует исходные ценностные координаты этого учредительного решения — верховенство права, справедливость и равноправие, приоритет защиты прав и свобод, общечеловеческих принципов, опору на духовно-нравственные основания, а также ответственность перед нынешними и будущими поколениями. Ее общеобязательность превращают конституционные предписания в общий правовой масштаб, обеспечивая преемственность и предсказуемость правового развития, формируя доверие к институтам и удерживая в границах права как публичную власть, так и общество в целом.

В силу этого Конституция выполняет не только регулятивную, но и ценностно-ориентирующую функцию: она выступает правовой мерой государства и критерием, по которому соизмеряются политика, законодательство и практика правоприменения. Тем самым Конституция является юридической опорной точкой правопорядка — нормативным центром, вокруг которого выстраивается система источников права и обеспечивается единство правового развития.

Стабильность Основного Закона выражает не неподвижность текста, а устойчивость фундаментальных правил, без которых право перестает быть надежной гарантией и утрачивает охранительную силу, превращаясь в переменную величину, зависящую от текущей конъюнктуры. Частый и упрощенный пересмотр Конституции неизбежно снижает ее авторитет, размывает принцип правовой определенности и создает угрозу произвольной перенастройки баланса властей и объема правовых гарантий. Отсюда следует, что стабильность Конституции является самостоятельной и важной конституционной ценностью: она поддерживает преемственность государственности и защищает конституционную идентичность — смысловой стержень, задающий пределы допустимых трансформаций.

3. Конституция, оставаясь устойчивой, не утрачивает качества живого правового инструмента, она должна сохранять способность отвечать на объективные изменения общественной жизни. Современный мир характеризуется ускорением технологического разви-

тия, трансформацией экономических моделей, новыми вызовами безопасности, изменением характера социальных коммуникаций и усилением взаимозависимости государств. Эти процессы могут порождать ситуации, когда прежние конституционные положения требуют уточнения или адаптации.

Однако сама возможность пересмотра не отменяет принципа исключительности конституционных поправок как меры последнего порядка. Поэтому внесение изменений в Конституцию оправдано лишь при наличии веских, проверяемых и объективно подтверждаемых оснований, вытекающих из глубоких и устойчивых изменений общественной жизни, когда цели конституционного развития невозможно достигнуть средствами обычного законодательства, институциональной модернизации либо конституционно согласованного толкования без риска затронуть базовые принципы и гарантии. В этом смысле поправка выступает *ultima ratio* — крайней юридической мерой, допускаемой для совершенствования конституционного порядка, но недопустимой как способ ситуативного реагирования, способный размыть смысловые основы, закрепленные в конституционных принципах.

Вследствие этого обращение к конституционным изменениям как к такой крайней мере предполагает, что их допустимость определяется не одним лишь соблюдением процедуры, а совокупностью взаимосвязанных процедурных и материальных пределов, образующих единую систему конституционных сдержек.

Процедурный предел выражается в строго определенном порядке внесения и принятия изменений, назначение которых обеспечить легитимность и взвешенность конституционного решения путем общественного обсуждения, соблюдение установленного круга субъектов инициативы, специальные кворумы и квалифицированное большинство, последовательность стадий рассмотрения. Процедура здесь не формальность, а гарантия от импульсивности, поскольку она создает фильтр и институциональную проверку мотивов, принуждая аргументы пройти испытание рациональностью и общественной верификацией.

Материальный предел, в свою очередь, означает, что даже безупречное соблюдение процедуры само по себе не легитимирует поправку, и не всякое формально возможное изменение является юридически допустимым. Конституционный текст способен обновляться, но не должен утрачивать защитную функцию по отношению к человеку и ограничениям публичной власти. Недопустимы также поправки, которые вступают в противоречие с базовыми принципами конституционного строя и нарушают внутреннюю согласованность Конституции как целостной системы, ослабляют фундаментальные гарантии прав и свобод, превращая их в условные обеща-

ния, ставят под сомнение добросовестность государства в исполнении международных обязательств и тем самым разрушают доверие как внутри страны, так и во внешних правовых отношениях.

Таким образом, институт конституционных поправок предполагает строгое различие между допустимой адаптацией и недопустимой трансформацией. Поправка может уточнять форму, совершенствовать механизмы и повышать эффективность конституционных гарантий, однако она не вправе разрушать их достигнутый уровень и обращать права и свободы вспять, поскольку в сфере основных прав действует логика недопустимости регресса, при которой изменение может иметь лишь созидательный, усиливающий вектор. Конституция допускает развитие, но не допускает утраты своих смысловых оснований, к числу которых относятся достоинство человека, верховенство права и ограниченность власти, и именно эти основания очерчивают предел, за которым поправка перестает быть обновлением и превращается в умаление.

4. Установив принцип исключительности конституционных поправок и систему взаимосвязанных пределов их допустимости, Конституция одновременно закрепляет институциональную гарантию, призванную придать этим требованиям практическую обязательность. В силу статьи 116 Конституции получение заключения Конституционного суда является обязательным элементом процедуры пересмотра, что превращает изменение Основного Закона в юридически проверяемое решение, соизмеряемое с конституционными основаниями и ограничениями, уже заданными самим конституционным порядком. Тем самым участие Конституционного суда выступает механизмом конституционного самоконтроля и самоограничения государства в целом, поскольку конституционная поправка не должна восприниматься как производная одной лишь политической воли или арифметики большинства. До завершения процедуры она обязана пройти независимую правовую оценку на соответствие конституционным основаниям и пределам. В этом проявляется простая идея конституционализма: власть может изменять правила, но не вправе освобождать себя от правила быть связанной правом. В связи с этим Конституция не ограничивается провозглашением принципов, а закрепляет юридически оформленный способ их применения к конкретному проекту поправок, передавая эту функцию Конституционному суду и определяя рамки его заключения законом.

Содержательное назначение такого заключения раскрывается в конституционном Законе «О Конституционном суде Кыргызской Республики», который определяет предмет оценки суда применительно к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию, в части соотношения фундаментальным правам и свободам

человека, гражданина, включая допустимость их ограничений, принципам демократического, правового и светского государства, а также требованиям статьи 116 Конституции относительно конституционно установленного порядка.

Конституционный суд, действуя как независимый и институционально нейтральный субъект, не отождествляет себя ни с инициаторами поправок, ни с органами публичной власти, ни с частными интересами; его задача — дать целостную оценку конституционной допустимости предлагаемых изменений в логике и пределах, уже сформулированных Конституцией и конституционным Законом. При этом заключение Конституционного суда не подменяет усмотрение субъектов конституционной инициативы, а устанавливает правовые границы, в которых такое усмотрение может быть реализовано без утраты учредительного смысла Конституции и без выхода за рамки конституционного правопорядка.

Как следствие, юридическое значение заключения Конституционного суда состоит не в консультативной рекомендации, а в обязательной конституционной предпосылке дальнейшего движения проекта. Положительное заключение подтверждает возможность конституционно необходимого условия для продолжения процедуры в установленном порядке. Отрицательное заключение, напротив, фиксирует отсутствие такого условия, когда предлагаемые изменения по своему правовому эффекту вступают в противоречие с основополагающими принципами и системной логикой Конституции, ведут к несоответствию и недопустимому снижению уровня конституционных гарантий прав и свобод, не согласуются с международными обязательствами Кыргызской Республики либо не укладываются в рамки статьи 116 как конституционно установленного порядка пересмотра. Исходя из этого дальнейшее продвижение проекта по процедуре внесения изменений в Конституцию исключается.

5. Развивая изложенное выше о предмете заключения Конституционного суда и о том, что допустимость конституционных изменений оценивается через их влияние на фундаментальные права и свободы человека и гражданина, следует подчеркнуть, что именно система прав и свобод образует ценностно-нормативный центр Конституции. Закрепляя права в тексте Основного Закона, народ превращает их из морального постулата в юридически обязательную гарантию, которая имеет двойную природу. С одной стороны, она утверждает за человеком сферу автономии и защищенности, с другой — устанавливает для государства пределы допустимого вмешательства и задает критерий, по которому оценивается правомерность как текущего регулирования, так и конституционного пересмотра. Поэтому в конституционном измерении важно не только

признание права, но и сохранение достигнутого уровня его охраны, поскольку право перестает быть гарантией тогда, когда оно становится переменной величиной, зависящей от изменчивого усмотрения.

В этой системе право на жизнь занимает первичное, конститутивное положение. Оно не сводится к одному из прав, а составляет онтологическое основание правового статуса личности, поскольку без существования человека невозможна реализация каких-либо иных свобод, интересов и гарантий. Поэтому оно является не просто одним из фундаментальных прав, а правом-предпосылкой, без которого совокупность прав и свобод утрачивает реальное содержание. Свобода, достоинство, неприкосновенность личности, доступ к правосудию, собственность, образование, участие в публичной жизни, все это предполагает существование человека как носителя прав. Поэтому жизнь в конституционном измерении выступает не объектом охраны, а условием самой возможности конституционного статуса личности, а именно она задает предел, за которым право перестает работать как механизм защиты и превращается в декларацию без адресата.

По этой причине конституционная охрана жизни означает больше, чем запрет произвольного лишения жизни. Она выражает обязанность государства строить правовой порядок так, чтобы жизнь защищалась максимально возможными правовыми средствами, а любые исключения из этой охраны допускались лишь при сохранении сущности права и при недопущении превращения жизни в предмет санкции. Смертная казнь в данном контексте является не одной из мер наказания повышенной строгости, а качественно иной правовой конструкцией, поскольку предполагает окончательное и необратимое лишение жизни по воле государства. Ее необратимость исключает возможность восстановления нарушенного права и делает ошибку правоприменения фатальной, что несовместимо с гарантийной природой Конституции, ориентированной на охрану человека и на минимизацию невосполнимых потерь.

Предлагаемая поправка затрагивает именно этот уровень конституционных гарантий. Проект Закона предусматривает изложение части первой статьи 25 в редакции, которая, наряду с провозглашением неотъемлемого права на жизнь и запретом произвольного лишения жизни, допускает установление смертной казни законом только за изнасилование детей и убийство, сопряженное с изнасилованием. Тем самым в конституционный текст вводится конструкция, переводящая охрану жизни в режим условной обратимости, зависимой от последующего законодательного усмотрения. Если Конституция в своей гарантийной функции призвана ограничивать возможность государства обращаться с жизнью как с объектом

санкции, то включение в нее оговорки о допустимости смертной казни означает институционализацию противоположного подхода, при котором лишение жизни допускается как юридически нормируемый инструмент уголовной политики. В результате меняется не частный элемент регулирования, а сама логика охраны права на жизнь, поскольку допускается окончательное лишение жизни в качестве легитимного действия государства.

Историко-правовое развитие Кыргызской Республики подтверждает, что ранее государством был осуществлен иной, последовательно оформленный выбор, направленный на усиление гарантий права на жизнь и гуманизацию и либерализацию уголовной политики. Установление моратория на исполнение смертных приговоров в 1998 году и его последующие продления завершились Указом Президента от 29 декабря 2005 года №667, которым мораторий был продлен до полной отмены смертной казни законодательным путем, а также были даны поручения по подготовке решений, обеспечивающих отмену смертной казни и присоединение к международным механизмам ее окончательной отмены. Дальнейшие шаги носили не ситуативный, а институциональный характер: в 2006 году была внесена конституционная поправка, отменяющая смертную казнь, в 2007 году последовали изменения уголовного законодательства, а Конституция 2010 и 2021 годов закрепила окончательный запрет смертной казни. Этот ряд решений выражает сформированный правопорядком более высокий уровень охраны права на жизнь, закрепленный не только в политической практике, но и в нормативных актах конституционного уровня. Он демонстрирует не временное ограничение применения смертной казни, а последовательное институциональное оформление гуманистического и либерального выбора государства, при котором приоритет права на жизнь и достоинства личности был закреплен через нормативные решения повышенного уровня. Следовательно, достигнутый уровень охраны жизни приобрел характер устойчивой конституционной гарантии.

Вследствие этого предлагаемое конституционное допущение смертной казни по своему правовому эффекту означает не уточнение конституционного регулирования, а снижение достигнутого уровня охраны права на жизнь и изменение самой направленности конституционной гарантии. Поправка переносит жизнь из сферы безусловной защиты в сферу условной обратимости, поскольку допускает окончательное лишение жизни как юридически нормируемый инструмент уголовной политики. В результате право на жизнь перестает выступать высшей конституционной гарантией и фактически ставится в зависимость от законодательного усмотрения, что не согласуется с его неотъемлемым, абсолютным характером

и с ролью статьи 25 как предельного конституционного барьера охраны личности.

Отсюда следует принципиальный вывод для оценки допустимости предлагаемого изменения. Поправка, вводящая смертную казнь в конституционный текст, по своему правовому эффекту означает снижение достигнутого уровня конституционной защиты права на жизнь и тем самым образует регресс (non-regression) в сфере фундаментальных прав. В логике конституционных ограничений, изложенной выше, подобное обратное движение/эволюция не может быть квалифицировано как допустимая адаптация, поскольку оно изменяет не форму и не механизм гарантий, а их смысловую направленность, ослабляя охранительную функцию самой Конституции как таковой. В сфере основных прав действует презумпция недопустимости регресса, при которой развитие может иметь только усиливающий, созидательный вектор, иначе такая поправка перестает быть обновлением и превращается в умаление.

Таким образом, Конституционный суд считает, что предлагаемая редакция части первой статьи 25, допускающая установление смертной казни, вступает в прямое противоречие с конституционным стандартом охраны права на жизнь и, допуская регрессивное снижение уровня его гарантированности, означает отступление от принципов демократического и правового государства, что исключает признание такой поправки конституционно допустимой.

6. Конституция, признавая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры частью правовой системы (часть 3 статья 6), фиксирует конституционный выбор правовой связности государства. Этим выбором на уровне Основного Закона закрепляется открытая (интегрированная) модель правовой системы, в рамках которой международные обязательства государства утрачивают характер внешнего, факультативного ориентира и приобретают внутрисистемную юридическую релевантность. Следовательно, государство обязано соизмерять внутренние решения с теми обязательствами, которые добровольно приняты на международном уровне.

Юридическое содержание данной конституционной установки проявляется, прежде всего, в ее обязывающем эффекте для всех ветвей власти.

Нормотворческие и управленческие решения органов государственной власти должны приниматься в соотнесении с ратифицированными и действующими международными договорами, поскольку их игнорирование образует не просто дефект политико-управленческого выбора, а конституционно значимое нарушение параметров правовой системы, в которую соответствующее обязательство уже включено.

В свою очередь, судебная власть реализует это требование, в том числе через конституционное судопроизводство. Конституционный суд, оценивая содержание, смысл и применение национальных актов, исходит из презумпции согласованности внутреннего регулирования с принятыми международными обязательствами. Он обязан обеспечивать такое толкование и такую юридическую квалификацию, которые исключают нормативный разрыв между конституционным порядком и международно-правовой ответственностью государства. В этом выражается не риторика, а сущность правового государства: право есть форма связности и последовательности публичного обещания, обеспечивающая предсказуемость поведения государства и удерживающая власть в горизонте ответственности.

При этом государство не может обосновывать неисполнение международного договора ссылками на особенности своего внутреннего правового регулирования. Данный императив закреплен Венской конвенцией о праве международных договоров: участник не может ссылаться на положения внутреннего права как на основание невыполнения договора (статья 27), а каждый действующий договор обязателен для участников и подлежит добросовестному исполнению (pacta sunt servanda) (статья 26).

Вместе с тем указанная Конвенция регулирует не только обязанность добросовестного исполнения, но и условия прекращения договора, его денонсации, выхода из него либо приостановления его действия. Эти юридические последствия наступают не по усмотрению государства, а лишь в результате применения положений самого договора или норм Конвенции, что закрепляет принцип продолжения договорной связности обязательства (статья 42). Поэтому, если договор не содержит положений о прекращении и не предусматривает денонсации или выхода, право на односторонний выход не предполагается и допускается лишь в строго исключительных случаях, когда установлено намерение участников допустить такую возможность либо право выхода подразумевается характером договора (статья 56).

А в случае, если внутреннее нормативное решение или практика его применения по своему правовому эффекту приведут к несовместимости с действующим международным обязательством либо к его фактическому неисполнению, такая ситуация может быть квалифицирована не только в плоскости международно-правовой ответственности, но и как нарушение конституционной добросовестности публичной власти, поскольку соответствующее обязательство уже закреплено в самой Конституции. Допущенное несоблюдение также может быть квалифицировано как существенное в смысле статьи 60 Венской конвенции, ввиду этого возникает риск

применения предусмотренных Конвенцией последствий для договорных отношений. В более широкой перспективе такая несогласованность способна ослабить предсказуемость государства как контрагента, подорвать кредит доверия к нему и, как следствие, может кардинально сузить пространство международного сотрудничества, в том числе в чувствительных сферах, включая права и свободы человека, безопасность и экономические связи.

7. Рассматриваемый проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» предусматривает изложение части первой статьи 25 в редакции, при которой, наряду с закреплением неотъемлемого права на жизнь, одновременно устанавливается, что смертная казнь может быть введена законом только за изнасилование детей и убийство, сопряженное с изнасилованием. Тем самым затрагивается не частный элемент уголовно-правовой политики, а сама конституционная конфигурация охраны права на жизнь в действующей модели конституционного регулирования, которая по своему назначению призвана сдерживать возможность государства прибегать к лишению жизни как к форме наказания, а не институционализировать такую возможность.

В силу природы указанного права и его места в системе фундаментальных гарантий такое изменение неизбежно приобретает значение и в международно-правовой плоскости — как в части универсальных стандартов охраны права на жизнь, так и в принятых Кыргызской Республикой договорных обязательств в данной сфере.

Международный стандарт охраны права на жизнь имеет устойчивое и общеизвестное выражение уже на уровне Всеобщей декларации прав человека, закрепляющей право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (статья 3). В договорном измерении тот же принцип получает юридически обязательную форму в Международном пакте о гражданских и политических правах, согласно которому право на жизнь признается неотъемлемым и подлежащим защите законом, а произвольное лишение жизни запрещается (статья 6).

Вместе с тем для Кыргызской Республики ключевое значение имеет то, что международно-правовая рамка в рассматриваемой сфере не исчерпывается общими стандартами. Кыргызская Республика присоединилась 6 декабря 2010 года ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни. Содержание этого Протокола исключает саму постановку вопроса об условиях допустимости смертной казни, поскольку устанавливает всеобщий для юрисдикции государства режим ее окончательного исключения из правопорядка и запрет казни как меры нака-

зания, осуществляемой государством. А точнее, согласно статьи 1 Протокола никто, находящийся под юрисдикцией государства-участника, не должен быть казнен, а государство обязано принять все необходимые меры к отмене смертной казни в пределах своей юрисдикции, то есть обеспечить исключение самой возможности ее назначения и исполнения в национальном правопорядке. Протокол допускает лишь строго очерченную оговорку военного времени (статья 2) и тем самым фиксирует, что речь идет не о вариативности применения смертной казни, а о режиме принципиального запрета, направленного на ее устранение как допустимого института наказания.

Конституционный суд считает также необходимым особо подчеркнуть, что Кыргызская Республика, присоединившись в 2010 году ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, приняла на себя договорное обязательство именно об окончательной отмене смертной казни, причем в форме режима, не предусматривающего односторонней денонсации (выхода). Комитет ООН по правам человека прямо указывает, что в тексте Второго факультативного протокола денонсационная оговорка была сознательно исключена, и в этой связи разъясняет, что государства-участники не могут его денонсировать. В логике такого договорного режима отмена смертной казни приобретает юридически необратимый характер, а ее повторное введение в национальном правопорядке не допускается.

Таким образом, проект, вводя в Конституцию формулу о возможности установления смертной казни законом, закрепляет на конституционном уровне допустимость ее восстановления как меры наказания, тогда как действующее международное обязательство Кыргызской Республики по Второму факультативному протоколу требует противоположного — окончательной отмены смертной казни и недопущения казни в пределах юрисдикции государства. В международно-правовом измерении это означает прямое отступление от действующего договорного режима отмены смертной казни и конституционное закрепление модели, объективно ведущей к нарушению принятого обязательства, с возникновением риска международно-правовой ответственности и предусмотримых последствий для договорных отношений государства.

В свою очередь, во внутригосударственном, конституционном измерении такое расхождение разрушает принцип внутренней согласованности правопорядка, поскольку часть 3 статьи 6 Конституции включает международные договоры в состав правовой системы Кыргызской Республики. Соответсвенно, речь идет не о внешней коллизии, а о конституционно значимом внутрисистемном противоречии, при котором предлагается закрепить в Кон-

ституции разрешение, несовместимое с действующим международным обязательством, уже включенным в правовой порядок самим Основным Законом. При таком соотношении Конституция превращалась бы в источник нормативного самопротиворечия, поскольку одновременно утверждала бы обязательность международного режима отмены и закрепляла бы возможность его преодоления внутренним законодательным усмотрением.

8. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» внесен по инициативе Президента Кыргызской Республики и предусматривает изменение нормы, относящейся ко второму разделу Конституции (статья 25). В силу статьи 116 Конституции такие изменения принимаются посредством референдума (всенародного голосования), назначаемого Президентом, при соблюдении конституционно установленной последовательности стадий и ограничений, включая запрет принятия Конституции и внесения в нее изменений в период чрезвычайного или военного положения.

Одним из элементов данной процедуры является заключение Конституционного суда Кыргызской Республики. В соответствии с частью 4 статьи 116 Конституции дача заключения Конституционного суда выступает обязательной частью механизма пересмотра и превращает конституционную поправку в юридически проверяемое решение, соразмеряемое с пределами и основаниями, заданными самой Конституцией. Как было раскрыто в пункте 4 настоящей мотивировочной части, такое юридическое значение заключения состоит в том, что оно является конституционно необходимой предпосылкой дальнейшего движения проекта: положительное заключение подтверждает наличие такого условия для продолжения процедуры, тогда как отрицательное заключение означает отсутствие этого условия в случаях, когда предлагаемые изменения по своему правовому эффекту вступают в противоречие с основополагающими принципами и системной логикой Конституции, ведут к недопустимому снижению уровня конституционных гарантий прав и свобод и (или) не согласуются с международными обязательствами Кыргызской Республики.

В рассматриваемом деле, как последовательно обосновано в пунктах 5–7 настоящей мотивировочной части, предлагаемый проект Закона по своему правовому эффекту, во-первых, ведет к регрессивному снижению достигнутого уровня конституционной охраны права на жизнь, и, во-вторых, закрепляет нормативную конструкцию, несовместимую с действующими международными обязательствами Кыргызской Республики в сфере окончательной отмены смертной казни, включенными в ее правовую систему. Указанные обстоятельства в их совокупности означают, что проект

вступает в противоречие с Конституцией Кыргызской Республики и не отвечает конституционно заданным пределам пересмотра. Следовательно, отсутствует конституционно необходимое условие для продолжения процедуры в порядке статьи 116, а потому дальнейшее продвижение проекта, включая инициирование и назначение референдума по данному вопросу, конституционно не допускается.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 5 части 2, частью 4 статьи 97, частью 4 статьи 116 Конституции Кыргызской Республики, статьями 38, 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики пришел к следующему

ЗАКЛЮЧЕНИЮ:

1. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не соответствует Конституции Кыргызской Республики.

2. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не может быть вынесен на референдум и все процедуры по реализации инициативы для его принятия подлежат прекращению с момента вступления в силу настоящего Заключения.

3. Заключение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его опубликования на официальном сайте Конституционного суда.

4. Заключение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Заключение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

Конституционный суд
Кыргызской Республики

РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
об официальном толковании статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года

17 февраля 2026 года **город Бишкек**

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе председательствующего – Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Аширматовой Ж.К.,

руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 38, 45, 48 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел по письменной процедуре дело об официальном толковании статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года в их системной взаимосвязи с соответствующими нормами Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года и положениями Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», принятого на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 года, вступившего в силу 5 мая 2021 года, а также порядком и сроками проведения очередных либо досрочных выборов Президента Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению дела явилось представление Президента Кыргызской Республики Садыра Нургожоевича Жапарова.

Заслушав информацию судьи-докладчика Шаршеналиева Ж.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 11 февраля 2026 года поступило представление Президента Кыргызской Республики Садыра Нургожоевича Жапарова о даче официального толкования статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года в их системной взаимосвязи с соответствующими нормами Конституции Кыргызской

Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года и положениями Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», принятого на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 года, вступившего в силу 5 мая 2021 года, а также порядком и сроками проведения очередных либо досрочных выборов Президента Кыргызской Республики.

В своем представлении Президент Кыргызской Республики отмечает, что необходимость обращения в Конституционный суд Кыргызской Республики обусловлена тем, что в общественно-политическом пространстве и экспертной среде в результате интенсивных публичных дискуссий сформировалось диаметрально противоположное понимание конституционных положений, регулирующих сроки осуществления полномочий действующего Президента Кыргызской Республики, а также порядок назначения очередных или досрочных президентских выборов.

Как следует из обращения, 10 января 2021 года в Кыргызской Республике состоялись выборы Президента Кыргызской Республики, по итогам которых был избран Глава государства. Данные выборы были проведены в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики в редакции

Закона Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года (далее - Конституция 2010 года), которая предусматривала избрание Президента сроком на шесть лет.

Президент Кыргызской Республики также указывает, что 11 апреля 2021 года, по итогам референдума (всенародного голосования) был принят Закон Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики». Развивая изложенное, приводятся положения статей 39 и 40 конституционного Закона Кыргызской Республики «О референдуме Кыргызской Республики», согласно которым решение, принятое на референдуме, является общеобязательным, не нуждается в дополнительном утверждении и действует на всей территории Кыргызской Республики, а его отмена или изменение возможны не иначе как путем принятия решения на новом референдуме, если самим решением не установлен иной порядок его отмены или изменения. В этой связи он обращается к положениям Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», вступившего в силу 5 мая 2021 года, регулирующим порядок избрания и срок полномочий Главы государства.

Так, статьей 67 Конституции в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года (далее - Конституция 2021 года) предусмотрено, что Президент избирается гражданами Кыргызской Республики сроком на пять лет и одно и то же лицо не может быть избрано более двух сроков, а частью 2 статьи 69 Конституции

установлено, что полномочия Президента прекращаются с момента вступления в должность вновь избранного Президента.

Вместе с тем Президент Кыргызской Республики обращает внимание на статью 3 вышеобозначенного Закона, содержащую специальное регулирование в отношении Президента, избранного в 2021 году, согласно которой он осуществляет полномочия в соответствии с Конституцией, при этом срок его избрания на шесть лет засчитывается как первый срок в соответствии с действующей редакцией Конституции. Однако, как отмечается в представлении, эти положения, по мнению ряда экспертов, создают коллизию и допускают неоднозначное толкование начала и продолжительности срока полномочий Президента, избранного в период действия Конституции 2010 года.

По утверждению Президента Кыргызской Республики, такие противоположные правовые позиции, высказываемые юристами, правоведами и общественными деятелями, свидетельствуют о возникновении конституционно-правовой неопределенности по вопросам, имеющим фундаментальное значение для стабильного и легитимного функционирования институтов публичной власти.

Ввиду чего, он подчеркивает, что указанная неопределенность напрямую затрагивает основы конституционного строя, принцип народовластия, верховенство и прямое действие Конституции, правовую определенность, порядок и сроки проведения выборов в соответствии с Конституцией, конституционными законами, а также избирательные права граждан нашего государства.

Также считает, что сохранение подобных разночтений в условиях высокой общественной чувствительности к вопросам власти и выборов способно перевести сугубо правовой спор в плоскость острой политической конфронтации, подорвать доверие общества к государственным институтам, создать риски для легитимности принимаемых органами власти решений и привести к эскалации социальной напряженности. Кроме того, сохраняется угроза возникновения споров относительно действий органов, обеспечивающих подготовку и проведение выборов и референдумов в Кыргызской Республике.

В связи с изложенным, в целях устранения конституционно-правовой неопределенности, исключения произвольного или расширительного толкования норм Основного закона, предотвращения возможного конституционного кризиса, обеспечения непрерывности и предсказуемости конституционного правопорядка, восстановления и поддержания доверия граждан к государственным институтам, а также гарантирования стабильности избирательного процесса, Президент Кыргызской Республики просит дать официальное толкование статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, ча-

сти 1 статьи 72 Конституции 2021 года в их системной взаимосвязи с соответствующими нормами Конституции 2010 года и положениями Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», принятого на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 года, а также порядком и сроками проведения очередных либо досрочных выборов Президента Кыргызской Республики и рассмотреть представление в первоочередном порядке.

Определением судьи-докладчика Шаршеналиева Ж.А. от 11 февраля 2026 года рассмотрение дела было назначено на 17 февраля 2026 года.

Конституционный суд, рассмотрев и обсудив представление Президента Кыргызской Республики, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд, рассматривая вопрос об официальном толковании положений Конституции, принимает решение по предмету, указанному в обращении, при этом не будучи связанным с доводами заявителя.

Предметом конституционного судопроизводства в настоящем деле является официальное толкование статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции 2021 года в их системной взаимосвязи со статьями 61, абзац второй части 2 статьи 62, части 1 и 2 статьи 63 Конституции 2010 года, частью 2 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», принятого на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 года и вступившего в силу 5 мая 2021 года, а также порядком и сроками проведения очередных либо досрочных выборов Президента Кыргызской Республики, следующего содержания:

«Конституция 2021 года

Статья 67.

1. Президент избирается гражданами Кыргызской Республики сроком на 5 лет.

2. Одно и то же лицо не может быть избрано Президентом более двух сроков.

Статья 68.

2. ...

Порядок выборов Президента определяется конституционным законом.

Статья 72.

1. Полномочия Президента могут быть прекращены досрочно в случае отставки по его заявлению, отрешения его от должности в предусмотренном Конституцией порядке, а также при невозмож-

ности осуществления полномочий по болезни или в случае его смерти.»;

2. «Конституция 2010 года

Статья 61.

1. Президент избирается на 6 лет гражданами Кыргызской Республики.

2. Одно и то же лицо не может быть избрано Президентом дважды.

Статья 62.

2. ...

Порядок выборов Президента определяется конституционным законом.»;

3. «Закон Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», принятого на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 года и вступившего в силу 5 мая 2021 года.

Статья 3.

1. Президент Кыргызской Республики, избранный в 2021 году на 6 лет, осуществляет полномочия в соответствии с Конституцией. Срок избранного Президента на 6 лет засчитывается как первый срок избрания в соответствии с настоящей Конституцией.».

2. На внеочередном заседании Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 16 октября 2020 года было заслушано заявление Президента Кыргызской Республики Сооронбая Шариповича Жээнбекова о досрочном сложении полномочий (добровольной отставке).

В соответствии с частью 2 статьи 135 Закона Кыргызской Республики «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» в редакции от 25 ноября 2011 года при отставке по собственному заявлению полномочия Президента считаются прекращенными с момента подачи письменного заявления в Жогорку Кенеш либо публичного заявления, сделанного им самим. На основании этой нормы заявление Президента С.Ш. Жээнбекова об отставке Жогорку Кенешем Кыргызской Республики было принято к сведению и оформлено Протоколом № 7 VIII сессии VI созыва от 16 октября 2020 года.

Тем самым, с указанной даты был зафиксирован юридический факт прекращения полномочий Президента Кыргызской Республики С.Ш. Жээнбекова, который обусловил необходимость запуска правового механизма назначения досрочных президентских выборов.

Соответствующие сроки и порядок проведения досрочных выборов Президента Кыргызской Республики были закреплены в части 2 статьи 48 конституционного Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» (далее – конституцион-

ный Закон), согласно которому они назначаются Жогорку Кенешем не позднее недельного срока со дня прекращения полномочий Президента и должны быть проведены в трехмесячный срок со дня прекращения полномочий действующего Президента.

Однако в пределах установленного срока Жогорку Кенешем Кыргызской Республики досрочные выборы Президента Кыргызской Республики назначены не были. В связи с этим Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики (далее – ЦИК), исходя из юридической презумпции «считаются назначенными», установленной частью 3 статьи 48 конституционного Закона, своим постановлением от 24 октября года №263 назначил дату проведения досрочных выборов на 10 января года.

10 января 2021 года состоялись досрочные выборы Президента Кыргызской Республики. Постановлением ЦИК «Об определении результатов досрочных выборов Президента Кыргызской Республики 10 января 2021 года» от 20 января 2021 года №26 досрочные выборы были признаны состоявшимися, а Садыр Нургожоевич Жапаров – избранным Президентом Кыргызской Республики.

28 января 2021 года избранный Президент принес присягу и вступил в должность. Указанное вступление в должность имело место в период действия Конституции Кыргызской Республики в редакции 2010 года.

Наряду с процедурами, связанными с назначением и проведением досрочных выборов Президента Кыргызской Республики, в указанный период был также инициирован процесс конституционной реформы, направленный на подготовку проекта новой Конституции Кыргызской Республики.

Указом исполняющего обязанности Президента Кыргызской Республики Т.Т. Мамытова от 20 ноября 2020 года было образовано Конституционное совещание по разработке проекта новой Конституции Кыргызской Республики.

По завершении нормотворческой и организационной деятельности Жогорку Кенеш Кыргызской Республики принял Закон Кыргызской Республики «О назначении референдума (всенародного голосования) по проекту Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» от 12 марта 2021 года №31.

В соответствии с данным Законом 11 апреля 2021 года состоялся референдум, по итогам которого проект Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» был одобрен народом, подписан Президентом Кыргызской Республики и вступил в силу 5 мая 2021 года.

4. Конституция – это, прежде всего, учредительная нормативная основа конструирования и функционирования публичной вла-

сти. По своей природе Конституция призвана быть устойчивой, поскольку обеспечивает единство и предсказуемость правового порядка, вместе с тем, она не утрачивает качество живого документа, способного отвечать на объективные изменения общественной жизни и корректировать механизмы организации власти в ответ на новые вызовы, не разрушая при этом ее фундаментальных начал.

Народ Кыргызстана, как единственный источник государственной власти, 11 апреля 2021 года по результатам референдума (всеобщего голосования) придал новой Конституции учредительную легитимность и определил архитектуру переустройства публичной власти.

В развитии государственности переход от одной конституционной модели к другой является объективно допустимым явлением. Ни одна конституционная модель не существует вне времени: изменения социально- политической реальности, преобразование институтов, эволюция общественных ожиданий могут обуславливать необходимость обновления конституционного регулирования.

Вместе с тем, сам факт допустимости конституционной трансформации не снимает требования к ее юридической корректности. Ключевым является не столько изменение текста Основного Закона, сколько способ и логика перехода от одной нормативной конструкции к другой. Конституционный разрыв, сопровождающийся неопределенностью правового режима, способен поколебать легитимность и поставить под сомнение устойчивость публичной власти, породить коллизионность, а также нарушить принцип правовой определенности. Следовательно, центральной задачей становится обеспечение правовой преемственности при смене конституционных ориентиров.

В связи с этим особое значение приобретает нормативное оформление переходного периода, поскольку именно в этот момент конституционный правовой порядок оказывается в состоянии повышенной уязвимости. Переходные положения выполняют функцию своеобразного правового стабилизатора, вводящего в действие комплекс материальных и процедурных гарантий, направленных на снижение турбулентности в период конституционной реформы. Материальные гарантии призваны определить пределы допустимого изменения правового статуса субъектов, недопустимость произвольного пересмотра уже возникших прав и обязанностей, а также обеспечить соблюдение принципа недопустимости регресса. Процедурные гарантии, в свою очередь, фиксируют последовательность и условия приведения законодательства, структуры органов власти и текущих процессов в соответствие с новым конституционным порядком.

Именно через такую систему взаимосвязанных гарантий обеспечивается управляемость перехода, функциональность и не-

прерывность публичной власти и предотвращается возникновение различного рода конфликтов. Переходный механизм должен не просто сопровождать смену конституционного текста, но и обеспечить правовую устойчивость в момент, когда прежняя модель уже утрачивает свою нормативную доминанту, а новая еще проходит стадию институционального становления.

Следовательно, значение переходных положений заключается в том, что они трансформируют потенциально кризисную фазу изменения Конституции в юридически организованный процесс, в рамках которого обновление Конституции осуществляется без подрыва легитимности публичной власти, без разрыва правового регулирования общественных отношений и без утраты доверия к государственным институтам.

5. Введенная в результате референдума 11 апреля 2021 года конституционная модель не ограничилась институциональным перераспределением полномочий и изменением конфигурации публичной власти, но затронула и правовой режим осуществления высшей государственной должности — Президента Кыргызской Республики.

Новая редакция Конституции 2021 года в статье 67 закрепила иные параметры воспроизводства президентской власти, установив пятилетний срок полномочий и предельное ограничение на пребывание в должности двумя сроками.

В прежней редакции Конституции 2010 года (статья 61) регулирование строилось по иной логике: Президент избирался сроком на шесть лет, при этом одно и то же лицо не могло быть избрано дважды. Такая конструкция фактически предполагала однократность осуществления президентских полномочий и иную продолжительность мандата.

Следовательно, произошла не только коррекция временного параметра осуществления полномочий, но и изменение самого нормативного подхода к ограничению президентского мандата — от модели единственного шестилетнего срока к модели пятилетнего срока с возможностью повторного избрания в пределах установленного конституционного ограничения.

Указанные изменения приобрели непосредственное практико-правовое значение в силу того, что введение в действие новой конституционной модели пришлось на период осуществления полномочий действующего Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова.

Так, Президент Кыргызской Республики был избран в условиях действия Конституции 2010 года и вступил в должность 28 января 2021 года на шестилетний срок полномочий при конституционном запрете повторного избрания одного и того же лица. Соответствен-

но, с даты вступления в силу Конституции 2021 года осуществление Президентом Кыргызской Республики своих полномочий продолжилось уже в рамках новой конституционной архитектуры публичной власти.

Вместе с тем, как было отмечено в представлении Президента, по прошествии пяти лет со дня избрания Президента Кыргызской Республики в общественном и экспертном дискурсе стали обозначаться различные подходы к вопросу о продолжительности его полномочий. Содержание обозначенной дискуссии сводится к определению того, распространяется ли установленный статьей 67 Конституции 2021 года пятилетний срок полномочий на президентский мандат, сформированный в период действия Конституции 2010 года, либо продолжительность данного мандата сохраняется в первоначально установленном объеме при одновременном применении Конституции 2021 года к порядку дальнейшего осуществления полномочий.

Прежде всего, Конституционный суд исходит из того, что избирательный мандат Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова представляет собой результат непосредственной реализации народом — носителем суверенитета — своей учредительной власти и возникает как завершенный юридический факт, который влечет устойчивое публично-правовое состояние.

Народ, участвуя в выборах, совершает акт высшего доверия, он делегирует власть во времени, рассчитывая, что его решение будет реализовано полностью. Смысл голосования состоит не только в выборе личности, но и в определении основных параметров мандата, заранее объявленных и понятных каждому - срока и порядка осуществления полномочий.

В конституционно-правовом смысле юридическое оформление мандата завершается вступлением в должность путем принесения присяги народу Кыргызской Республики. С указанного момента мандат подлежит обязательному признанию и соблюдению в тех исходных параметрах, в которых он был предоставлен народом в рамках действовавшего на тот момент конституционного порядка.

В условиях конституционного переустройства, как было указано выше в пункте 4, ключевое значение приобретает межвременное действие конституционных норм (интертемпоральность) как юридический механизм, обеспечивающий непрерывность публичной власти, предсказуемость правового порядка и сохранение легитимности публичных институтов в переходный период. Интертемпоральность в конституционном измерении, выполняя гарантийную функцию, означает, что новая Конституция не должна ретроактивно вмешиваться в уже возникшие и юридически оформленные публич-

но-правовые отношения между народом и властью, сформированные по прежним конституционным правилам. Конституционный переход не должен превращаться из инструмента преемственности в инструмент обесценивания результатов ранее свершившихся юридических фактов.

Из изложенного следует, что толкование, влекущее сокращение еще действующего мандата и срока полномочий Президента Кыргызской Республики на основании Конституции 2021 года, представляет собой ретроактивное изменение «правил игры» задним числом, что несовместимо с требованиями правовой определенности и легитимности выборов как конституционного механизма формирования высшей публичной власти.

Указанный интертемпоральный запрет ретроактивного сокращения срока получает прямое нормативное подтверждение в переходном регулировании, установленном при введении в действие Конституции 2021 года. Так, часть 1 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» четко закрепляет, что Президент, избранный в 2021 году на шестилетний срок, продолжает осуществление полномочий в соответствии с Конституцией 2021 года, при этом данный шестилетний срок засчитывается в качестве первого срока в рамках нового конституционного ограничения по количеству сроков.

Тем самым, вышеотмеченная норма Закона одновременно решает вопросы применения Конституции 2021 года к продолжающемуся осуществлению полномочий Президента и учета шестилетнего срока как первого в рамках нового конституционного правила о двух сроках.

При этом в части зачета срока Конституционный суд подчеркивает, что зачет шестилетнего срока как первого срока по Конституции 2021 года имеет значение исключительно правовой квалификации действующего мандата и не затрагивает его исходные параметры, включая продолжительность текущего срока и момент его завершения. Соответственно, зачет не порождает и не способен породить ни пересчета срока, ни какого-либо его уменьшения, он служит только для применения правила «не более двух сроков». Любое иное толкование юридически недопустимо, поскольку фактически влечет ретроактивное сокращение срока полномочий под видом зачета и, тем самым, приводит к незаконному и неправомерному изменению даты окончания мандата.

Таким образом, пятилетний срок полномочий, установленный статьей 67 Конституции 2021 года, не распространяется на президентский мандат, начавшийся в период действия Конституции 2010 года: начатый срок подлежит завершению в первоначально установленной продолжительности — шесть лет. В то же время

действующий Президент продолжает осуществление полномочий в соответствии с Конституцией 2021 года, а его шестилетний срок засчитывается как первый срок по правилу о двух сроках в силу части 1 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики».

Конституционный суд отмечает, что переходные положения, содержащиеся в указанном Законе, обладают тем же юридическим статусом, что и основной текст Конституции. Это связано с тем, что они были приняты одновременно с Конституцией тем же учредительным актом — на основании результатов референдума. Переходные положения находятся в органическом единстве с Конституцией и обладают равной с ней высшей юридической силой. Следовательно, закон, предусматривающий переходные положения, не может рассматриваться наравне с обычными законами.

6. Конституции 2010 и 2021 годов исходят из единой логики разграничения регулирования: параметры президентского мандата (срок полномочий и ограничение по числу сроков) закрепляются непосредственно в самой Конституции, а порядок организации и проведения выборов Президента (очередных и досрочных) прямо отнесен к предмету конституционного закона. В силу этого обращение к нормам Конституции 2010 года, а именно в части порядка выборов, не добавляет самостоятельного процедурного содержания. Прежняя и действующая Конституции закрепляют один и тот же подход — порядок выборов Президента определяется конституционным законом. Следовательно, при толковании абзаца второго части 2 статьи 62 Конституции 2010 года и абзаца второго части 2 статьи 68 Конституции 2021 года процедурный режим назначения и проведения очередных либо досрочных выборов подлежит раскрытию через конституционный закон в действующей редакции, который регулирует отношения, связанные с подготовкой и проведением выборов, и детализирует соответствующие процедурные стадии — от назначения выборов и совершения избирательных действий до определения их результатов.

Так, конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» устанавливает последовательность процедурных стадий очередных выборов Президента и тем самым обеспечивает предсказуемость избирательного цикла.

Согласно статье 48 конституционного Закона, очередные выборы Президента Кыргызской Республики проводятся в четвертое воскресенье января года, в котором истекает срок полномочий Президента, и назначаются Жогорку Кенешем не позднее чем за 4 месяца до дня выборов.

Далее конституционный Закон предусматривает последующие этапы избирательного процесса, включая выдвижение и регистра-

цию кандидатов, а также подготовку и сбор подписей (статьи 49-54). Эти этапы обеспечивают проведение голосования и подведение его итогов, поэтому, не останавливаясь на их детальном изложении, далее следует перейти к нормам, определяющим юридическое оформление результатов выборов и переход к вступлению избранного Президента в должность.

Статьей 55 конституционного Закона ЦИК не позднее 20 дней после дня голосования определяет результаты выборов Президента, если итоги голосования обжалованы, определение результатов приостанавливается до окончательного рассмотрения судом. А в случае, если ни один кандидат не избран, конституционный Закон предусматривает повторное голосование.

Решающее значение для исключения сомнений о правовом вакууме власти имеет статья 69 Конституции 2021 года и статья 58 конституционного Закона, которые закрепляют, что официальное опубликование результатов выборов Президента осуществляется ЦИК в течение 3 календарных дней, а избранный Президент в течение 30 календарных дней со дня официального опубликования результатов приносит присягу народу Кыргызстана.

Тем самым устанавливается процедурный коридор вступления в должность, а Конституция задает юридический критерий непрерывности власти: полномочия действующего Президента Кыргызской Республики прекращаются с момента вступления в должность вновь избранного Президента, то есть не по факту голосования и не по факту самого назначения очередных выборов.

Следует учитывать, что избирательный цикл выстроен таким образом, чтобы выборы и все процедуры вступления в должность завершались до истечения срока президентских полномочий. Однако это не является неизменной парадигмой. При наличии объективных обстоятельств (например, необходимости проведения повторного голосования, повторных выборов, судебных тяжб, организационных процедур, связанных с подведением итогов и инаугурацией) вступление в должность вновь избранного Президента может состояться уже после формального окончания срока полномочий предыдущего Президента. В таком случае выход отдельных процедур за календарную границу ранее установленного срока означает не продление и не изменение параметров президентского мандата, а лишь завершение предусмотренного законом избирательного процесса и обеспечение непрерывности высшей публичной власти. Следовательно, вступление в должность в период после формального окончания срока полномочий предыдущего Президента, обусловленное объективными и правовыми причинами, не может расцениваться как нарушение установленной Конституцией продолжительности президентского срока. Конституция закрепляет, что

полномочия действующего Президента Кыргызской Республики прекращаются только с момента вступления в должность вновь избранного Президента Кыргызской Республики. Тем самым, конституционный срок определяет меру мандата, тогда как технические и процессуальные этапы передачи полномочий обеспечивают его корректное и легитимное завершение.

Применительно к действующему Президенту Кыргызской Республики указанная конструкция работает следующим образом. Исходя из материалов дела, досрочные выборы состоялись 10 января 2021 года, а избранный Президент принес присягу и вступил в должность 28 января 2021 года, то есть в период действия Конституции 2010 года.

Как было раскрыто выше в пункте 5, вопрос продолжительности действующего срока и его зачета как первого уже разрешен, ввиду чего далее учитывается лишь то, что год истечения срока определяет режим очередных выборов по конституционному Закону.

При сохранении первоначальной продолжительности уже возникшего мандата шестилетний срок, исчисляемый с момента принесения присяги (28 января 2021 года), истекает 28 января 2027 года, если полномочия не прекращены досрочно на основании конституционных положений. Из этого прямо вытекает и режим очередных выборов, поскольку год истечения срока полномочий — 2027, очередные выборы подлежат проведению по конституционному Закону в четвертое воскресенье января 2027 года (24 января 2026 года), а их назначение должно быть осуществлено Жогорку Кенешем не позднее чем за четыре месяца до дня голосования (не позднее 24 сентября 2026 года).

В этой связи завершение срока полномочий действующего Президента Кыргызской Республики и проведение очередных выборов конституционно выстроены как единая модель правопреемства власти, то есть, прекращение полномочий действующего Президента связывается исключительно с моментом вступления в должность вновь избранного Президента, что соответствует требованию непрерывности осуществления высшей публичной власти и исключает любые правовые сомнения относительно вакуумов в период передачи полномочий.

6. По части досрочных выборов Конституционный суд подчеркивает, что наличие интенсивных публичных дискуссий и даже диаметрально противоположных подходов к вопросу о сроке полномочий Президента не образует и не заменяет конституционных оснований досрочного избирательного цикла.

Досрочные выборы Президента не служат способом корректировки мандата, они возможны лишь как правовое последствие досрочного прекращения полномочий по основаниям, исчерпыва-

ющe перечисленным в части 1 статьи 72 Конституции 2021 года: отставка по заявлению; отрешение от должности в установленном порядке; невозможность осуществления полномочий по болезни или в случае его смерти.

Этот перечень оснований закрытый, любое расширительное толкование означает введение не предусмотренного Конституцией основания прекращения полномочий и потому является неконституционным.

Только при наступлении указанных оснований применяется конституционный порядок временного исполнения полномочий Президента и реализуются в сроки и по процедуре назначения, и проведения досрочных выборов в соответствие с конституционным Законом. При отсутствии таких оснований сценарий досрочных выборов Президента юридически исключается и подлежит применению режим очередного избирательного цикла.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 38, 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

РЕШИЛ:

1. Конституционно-правовой смысл статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 в редакции Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» от 5 мая 2021 года, в их системной взаимосвязи со статьями 61, абзацем вторым части 2 статьи 62, частями 1, 2 статьи 63 Конституции в редакции Закона от 27 июня 2010 года, частью 1 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики», принятого на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля года и вступившего в силу 5 мая 2021 года, заключается в следующем:

1) пятилетний срок полномочий Президента Кыргызской Республики, предусмотренный частью 1 статьи 67 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» от 5 мая 2021 года, не подлежит применению к президентскому мандату, начавшемуся в период действия Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона от 27 июня 2010 года. Указанный мандат подлежит завершению в первоначально установленной продолжительности — шесть лет;

2) действующий Президент Кыргызской Республики осуществляет полномочия в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики «О Консти-

туции Кыргызской Республики» от 5 мая 2021 года, а шестилетний срок его мандата засчитывается как первый срок в силу части 1 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» от 5 мая 2021 года;

3) досрочные выборы Президента Кыргызской Республики допускаются только как следствие досрочного прекращения его полномочий по основаниям, исчерпывающе предусмотренным частью 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» от 5 мая 2021 года. При отсутствии таких оснований досрочные выборы Президента исключаются;

4) очередные выборы Президента Кыргызской Республики подлежат проведению в силу абзаца второго части 2 статьи 68 действующей Конституции Кыргызской Республики в соответствии с главой 10 конституционного Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» в четвертое воскресенье января 2027 года (24 января 2027 года),а их назначение должно быть осуществлено Жогорку Кенешем не позднее чем за четыре месяца до дня голосования (не позднее 24 сентября 2026 года).

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его опубликования на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

Конституционный суд
Кыргызской Республики

РЕЗЮМЕ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ от 18 февраля 2026 года о проверке конституционности части 6 статьи 271 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики

18 февраля 2026 года Конституционный суд Кыргызской Республики рассмотрел дело о проверке конституционности части 6 статьи 271 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК).

Заявитель указывает, что согласно оспариваемой норме, постановление следственного судьи по жалобе может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение пяти суток со дня его вынесения.

Однако, как указывает заявитель, на практике судами мотивированные постановления выдаются с задержкой — лишь на 4-й или 5-й день после их оглашения. В результате при установленном пятидневном сроке обжалования стороны фактически лишаются возможности подготовить мотивированную жалобу. По его мнению, указанная формулировка фактически связывает начало течения срока с моментом оглашения, а не получения мотивированного судебного акта, что создает неопределенность и препятствует реализации конституционных гарантий. Такая практика существенно ограничивает конституционное право граждан на судебную защиту, гарантированное частью 1 статьи 61 Конституции.

Конституционный суд пришел к выводу, что оспариваемая норма, предусматривающая, что постановление следственного судьи может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение 5 суток со дня его вынесения, не противоречит Конституции Кыргызской Республики.

При этом в своем Решении Конституционный суд подчеркнул, что конституционно значимым в настоящем деле является не сам по себе факт установления пятисуточного срока апелляционного обжалования, а то, выполняет ли данный срок в рамках действующего правового регулирования свое подлинное предназначение – обеспечение оперативного, но вместе с тем, реального и эффективного доступа к апелляционной инстанции.

Конституционный суд отметил особую роль следственного судьи, который обязан обеспечивать полноценную и содержательную судебную проверку жалоб на действия, бездействие и решения органов досудебного производства. Такая проверка не может носить формальный характер и должна включать оценку законности, обоснованности и соблюдения процессуальных гарантий участников процесса.

Оценивая оспариваемую норму, Конституционный суд указал, что установленный законом пятисуточный срок апелляционного обжалования сам по себе не противоречит Конституции. Вместе с тем конституционно-правовой смысл данной нормы не допускает ее применения таким образом, при котором участник процесса фактически лишается возможности своевременно ознакомиться с мотивированным постановлением следственного судьи и подготовить содержательную апелляционную жалобу.

Конституционный суд подчеркнул, что право на апелляционное обжалование предполагает возможность осмысленного оспаривания мотивов судебного акта, а не формальное выражение несогласия с его итогом. Поэтому своевременное изготовление и вручение мотивированного текста постановления является необходимым условием реализации права на эффективную судебную защиту. Также разъяснил, что, если мотивированное постановление изготовлено или вручено с опозданием по причинам, не зависящим от участника процесса, это должно рассматриваться как уважительная причина для восстановления срока апелляционного обжалования, то есть презумпция уважительности причин пропуска срока в подобной ситуации действует в пользу заявителя. Негативные последствия несвоевременного оформления судебного акта не могут возлагаться на участника процесса.

Решения Конституционного суда
Кыргызской Республики, принятые в I полугодии 2026 года:

1. От 28 января 2026 года по делу о проверке конституционности статьи 442 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики

https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya/chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2026/06/reshenie-po-obr-guseva-podpisannyj.pdf

2. От 17 февраля 2026 года об официальном толковании статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года

https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya/chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2026/02/o-tolkovanii-na-17-02-2026-prinyatoe.pdf

3. От 18 февраля 2026 года по делу о проверке конституционности части 6 статьи 271 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики

https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya/chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2026/02/proekt-resheniya_dzholdoshov-ot-18.02.26.pdf

4. От 7 апреля 2026 года по делу о проверке конституционности пункта 2-1 части 2 статьи 26 Закона Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики»

https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya/ chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2026/04/reshenie-ot-07.04.26.pdf

5. От 21 апреля 2026 года по делу о проверке конституционности части 1 статьи 10 Закона Кыргызской Республики «Об амнистии в связи с 30-летием принятия Конституции Кыргызской Республики и 75-летием Всеобщей декларации прав человека» от 9 февраля 2024 года и статьи 93 Уголовного кодекса Кыргызской Республики

https://constsot.kg/ru/category/akty/ resheniya/chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https:// constsot.kg/wp-content/uploads/2026/04/rez-chast-po-mambetkazievu.pdf

6. От 26 мая 2026 года по делу о проверке конституционности части 1 статьи 148 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики

https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya/chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2026/05/rezolyutivnaya-chast-resheniya-gushlenko-2.pdf

7. От 17 июня 2026 года по делу о проверке конституционности части 6 статьи 370 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики

https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya/chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://constsot.kg/wp-content/uploads/2026/06/reshenie-po-obr-guseva-podpisannyj.pdf

Монголия

ОБЗОР РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА МОНГОЛИИ от 28 марта 2025 года по делу о проверке конституционности положения части 1 статьи 72 Закона Монголии «О выборах в Великий Государственный Хурал Монголии» в части признания недействительными избирательных бюллетеней, в которых отмечено меньшее число кандидатов, чем число мандатов, распределяемых по соответствующему избирательному округу

Конституционный суд Монголии на своем заседании среднего состава от 28 марта 2025 года принял решение приостановить действие статьи 72.1 Закона «О выборах в Великий Государственный Хурал Монголии», принятого Великим Государственным Хуралом Монголии от 20 декабря 2019 года, в которой говорится, что «...бюллетени, в которых отмечено меньшее число кандидатов, чем число мандатов, распределяемых по соответствующему избирательному округу, признаются недействительными». Слова «... меньшее число» данного положения нарушают соответствующие положения Конституции Монголии.

Часть 1 статьи 14, пункт 9 статьи 16 и раздел 2 статьи 21 Конституции гарантируют принципы демократических выборов, включая всеобщее, свободное, равное и прямое избирательное право, а также тайное голосование, которые направлены на обеспечение основополагающего права граждан Монголии «...избирать и быть избранными в государственные органы...» и на обеспечение того, чтобы результаты выборов отражали свободное волеизъявление избирателей.

Принцип свободного выбора, предусмотренный частью 2 статьи 21 Конституции означает, что избиратели осуществляют свой выбор в пользу поддержки либо неподдержки кандидата, партии или коалиции в соответствии со своими собственными убеждениями и мнениями без принуждения, давления, запугивания или неправомерного внешнего воздействия, выражая этот выбор в избирательном бюллетене. Следовательно, избиратели не вправе отметить большее число кандидатов, чем количество мандатов, распределяемых в соответствующем избирательном округе. Вместе с тем они вправе не голосовать ни за одного кандидата либо отдать голоса только за тех кандидатов, которых поддерживают, если их число меньше количества распределяемых мандатов.

Положения части 1 статьи 72 Закона «О Выборах в Великий Государственный Хурал Монголии», согласно которым бюллетени, в которых отмечено число кандидатов меньше числа мандатов, вы-

деленных соответствующему избирательному округу, признаются недействительными, создают правовую ситуацию, при которой избиратели вынуждены отдавать голоса и за кандидатов, которых они не поддерживают, чтобы избежать признания своего бюллетеня недействительным.

Указанное положение нарушает принцип свободы выбора, поскольку не отвечает требованиям правовой определенности и целесообразности. То обстоятельство, что бюллетени, не содержащие отметок ни за одного кандидата, считаются действительными, тогда как бюллетени, в которых отмечено меньше кандидатов, чем количество мандатов, выделенных соответствующему избирательному округу, признаются недействительными, является внутренне противоречивым и способно ввести избирателей в заблуждение, создавая состояние правовой неопределенности. Оспариваемое положение, по-видимому, направлено на побуждение избирателя полностью заполнить бюллетень и тем самым максимально реализовать свое право голоса. Однако фактически оно не отвечает критериям необходимости и соразмерности, поскольку лишает избирателя возможности проголосовать только за тех кандидатов, которых он поддерживает, игнорирует выраженную им волю и, следовательно, не может рассматриваться как наименее ограничительное средство достижения указанной цели.

Закон, обязывающий избирателя голосовать за кандидата, которого он не поддерживает, не учитывает убеждения и взглядов избирателя, выражающиеся в несогласии с конкретным кандидатом, и, следовательно, нарушает свободу убеждений, закрепленную в пункте 16 статьи 16 Конституции.

Законодательное положение, признающее недействительными бюллетени в случае, если голоса отданы за число кандидатов меньше числа мандатов, предусмотренных для данного избирательного округа, необоснованно ограничивает право на свободное голосование за любого кандидата и искажает свободу выражения воли избирателей. Кроме того, для того чтобы голос избирателя за поддерживаемого им кандидата, считался действительным, закон обязывает его дополнительно голосовать за кандидата, которого он не поддерживает, что лишает его свободы мнения и убеждений и тем самым нарушает его абсолютное право на свободу убеждений и выражение мнения. Таким образом, оспариваемое положение необоснованно ограничивает право на свободное выражение собственного мнения, предусмотренное пунктом 1 статьи 19, а также право избирателей свободно выражать свою подлинную волю, предусмотренное пунктом (б) статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, и противоречит положению пункта 2 статьи 10 Конституции, согласно которому Монголия до-

бросовестно выполняет обязательства, принятые по международным договорам.

26 сентября 2025 года Великий Государственный Хурал Монголии на своем заседании рассмотрел заключение Конституционного Суда № 04 за 2025 год и принял Постановление № 93, которым отклонил указанное заключение.

В связи с наличием правовых оснований для повторного рассмотрения и окончательного разрешения спора в соответствии с частью 3 статьи 66 Конституции Монголии и пунктом 1 части 1 статьи 30 Закона Монголии о порядке рассмотрения споров в Конституционном Суде Председателем Конституционного суда было вынесено Постановление № 56 от 2025 года «О повторном рассмотрении спора», и настоящее время ведется подготовка к обсуждению спора на заседании полного состава Конституционного суда.

Данное изложение подготовлено с целью информирования общественности и не заменяет собой заключение Конституционного суда № 04 от 2025 года

ОБЗОР РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА МОНГОЛИИ от 22 октября 2025 года по делу о проверке конституционности отставки Премьер-Министра Монголии

Конституционный Суд Монголии на заседании полного состава 22 октября 2025 года принял окончательное решение, согласно которому при рассмотрении и принятии 16-17 октября 2025 года на заседании сессии Постановления № 95 «Об отставке Премьер-Министра Монголии» были нарушены принципы демократии и верховенства права, предусмотренные частью 2 статьи 1 Конституции и частью 1 статьи 43 и частью 1 статьи 70 Конституции. Также г-жа Х. Булгантуяа, председательствуя на заседании, проводила голосование по формулировке «Поддержим предложение Постоянного комитета по государственному строительству, которое не поддержало отставку Премьер-Министра», что повлекло нарушение указанных положений Конституции. Заключение Конституционного суда №08 от 2025 года занимает в общей сложности 37 страниц, а его обоснование 12 страниц. Таким образом, обоснование изложено кратко как с содержательной, так и с процессуальной точки зрения.

Основания для принятия решения:

1. Часть 1 статьи 43 Конституции гласит, что если не менее одной четверти членов Великого Государственного Хурала выступи-

ли с официальным предложением об отставке Премьер-Министра, Великий Государственный Хурал должен начать обсуждение по истечении трех дней и принять решение в течение десяти дней. Если большинство членов Великого Государственного Хурала поддержат предложение, постановление Великого Государственного Хурала об отставке Премьер-Министра считается принятым, и новый премьер-министр должен быть назначен в течение тридцати дней. Фраза «...Великий Государственный Хурал должен начать обсуждение по истечении трех дней...» означает, что предложение должно быть представлено членам сразу после его официального выступления в Великий Государственный Хурал. Однако официальное предложение «Об отставке Премьер-Министра Монголии», представленное 54 членами Великого Государственного Хурала в 7 октября 2025 года, было доведено до сведения членов лишь спустя три дня, 10-го числа того же месяца.

2. На заседании сессии Великого Государственного Хурала, где обсуждался вопрос об отставке Премьер-Министра, проводили голосование по формулировке «поддержим предложение, которое не поддержал Постоянный комитет по государственному строительству», было принято Постановление № 95, что нарушило часть 1 статьи 43 Конституции, которая гласит: «...если большинство членов Великого Государственного Хурала поддержат предложение, постановление Великого Государственного Хурала об отставке Премьер-Министра считается принятым...». Слово «предложение» из этого положения подлежит буквальному толкованию как «предложение об отставке Премьер-Министра», содержащееся в первом предложении этой части. Содержание данного положения по формулировке «поддержать отставку Премьер-Министра» было бы более согласующимся с «целью обеспечения независимости и стабильности исполнительной власти без подрыва принципа доверия парламентского большинства», содержащейся в части 1 статьи 43 Конституции.

Часть 6 статьи 27 Конституции устанавливает, что кворум сессии считается состоявшимся при явке подавляющего большинства членов Великого Государственного Хурала, а решение по вопросу принимается большинством голосов всех членов, участвующих в сессии. Однако часть 1 статьи 43 Конституции предусматривает, что «большинство всех членов» является более высоким порогом, чем простое большинство, поэтому, если ее толковать в совокупности с другими положениями, устанавливающими более высокий порог, это может быть истолковано в позитивном смысле как «поддержать отставку Премьер-Министра» и голосование пройдет по этой же формулировке.

Когда в 1992 году была принята Конституция, статья 43 содержала общие указания относительно того, кто может предложить от-

ставку правительства и в течение какого времени будет принято решение об этом. Однако поправки, внесенные в 2019 году, добавили пороговое значение и процедуру принятия решения и гласят следующее: «Если большинство всех членов Великого Государственного Хурала поддержат предложение, Премьер-Министр будет отправлен в отставку…». Согласно им президент должен будет принять решение о роспуске Великого Государственного Хурала, если новый Премьер-Министр не будет назначен в течение тридцати дней после отставки. Кроме того, Постановление №95 Великого Государственного Хурала 2025 года «Об отставке Премьер-Министра» отличается от предыдущих решений по аналогичным вопросам тем, что оно было издано впервые в соответствии с поправками к Конституции, внесенными в 2019 году (статья 43 Конституции).

3. Нарушение положений органического закона считается нарушением принципа верховенства права, если создаются условия, противоречащие принципам и концепциям Конституции. В данном споре тот факт, что посещаемость членов, присутствовавших на заседании сессии Великого Государственного Хурала 16 и 17 октября 2025 года, была объединена, и члены, присутствовавшие, но не голосовавшие, были признаны проголосовавшими против, нарушил часть 6 статьи 27, часть 1 статьи 43 Конституции и часть 2 статьи 6 Закона о порядке заседания сессий Великого Государственного Хурала Монголии и, следовательно, принцип «верховенства права», закрепленный в части 2 статьи 1 Конституции, был нарушен.

Обоснование процесса

1. В ходатайстве Премьер-Министра говорится, что заместитель председателя и член Великого Государственного Хурала г-жа Х. Булгантуяа, председательствовавшая на заседании сессии Великого Государственного Хурала 16 октября 2025 года, объявила о проведении голосования по формулировке «Поддержим предложение Постоянного комитета по государственному строительству, которое не поддержало отставку Премьер-Министра», что является нарушением Конституции. Затем объём требования ходатайства был увеличен следующим образом: на заседании сессии 17-го числа того же месяца было проведено голосование на основе предложения и заключения Постоянного комитета и принято Постановление №95 «Об отставке Премьер-Министра Монголии», что является нарушением Конституции.

Вопрос о том, нарушили ли действия заместителя председателя и члена Великого Государственного Хурала г-жи Х. Булгантуяа, а также обсуждение и утверждение Постановления №95 «Об отставке Премьер-Министра Монголии» на заседании сессии Великого Государственного Хурала 17 октября 2025 года соответствующие положения Конституции, является в основном спором о том, соответ-

ствуют ли Конституции действия по отставке Премьер-Министра. Требования, касающиеся этих вопросов, являются связанными между собой по содержанию и поэтому нет оснований рассматривать их отдельно. Следовательно, незамедлительно было возбуждено конституционное производство, эти требования были объединены в одно производство и рассмотрены в соответствии с частью 1 статьи 66 Конституции, частью 3 статьи 21 и пунктом 8 части 1 статьи 23 Закона о порядке рассмотрения споров в Конституционном суде.

2. В соответствии с частями 2 и 3 статьи 66 Конституции и частями 3, 4 статьи 3 Закона о порядке рассмотрения споров в Конституционном суде заседание Полного состава, на котором присутствуют от 7 до 9 членов, рассматривает вопрос о том, нарушил ли Конституцию спикер или член Великого Государственного Хурала, а заседание Среднего состава, на котором присутствуют 5 членов, рассматривает вопрос о том, нарушило ли Конституцию решение Великого Государственного Хурала, и представляет свое заключение Великому Государственному Хуралу. Если Великий Государственный Хурал отклоняет заключение Суда, тогда пересматривает его в Полном составе и принимает окончательное решение. Однако, поскольку спор полностью связан с тем, нарушает ли Конституцию отставка Премьер-Министра, целесообразно объединить требования и рассматривать их как единый спор. Также следует отметить, что, если бы спор был разделен и разрешен отдельно Средным и Полным составом, существовал бы риск того, что один и тот же вопрос был бы решен разными составами и были бы приняты разные решения. Кроме того, Конституционный суд в соответствии со статьей 64.1, статьей 65.1 и статьей 66.1 Конституции на своем заседании Полного состава рассматривает и разрешает споры, касающиеся нарушений Конституции, и принимает окончательное решение, если это необходимо для осуществления своих полномочий по осуществлению высшего контроля за исполнением Конституции.

3. Часть 2 статьи 64 Конституции гласит: «При исполнении своих обязанностей Конституционный суд и его члены подчиняются только Конституции, не зависят от любых организаций, должностных лиц, других людей». Следовательно, при неукоснительном соблюдении Конституции Конституционный суд и его члены независимы от законодательной и исполнительной власти и должностных лиц, и в случае конфликта между содержанием положений Конституции и конкретными положениями обычного закона должны применяться положения Конституции как вышестоящие нормы и принципы. Кроме того, поскольку Конституционный суд является единственным институтом, осуществляющим конституционный контроль и гарантирующим неукоснительное соблюдение Конституции,

он имеет полное право в рамках Конституции устанавливать и применять собственные процедуры и правила для разрешения споров, касающихся нарушений Конституции. Это также является распространенной практикой для конституционных судов в других странах.

4. Спор о конституционности отставки Премьер-Министра является особо сложным и неотложным вопросом, поэтому подготовка к заседанию началась незамедлительно. Разрешение данного спорного вопроса в кратчайшие сроки важно для назначения нового Премьер-Министра или роспуска Великого Государственного Хурала (часть 3 статьи 22 Конституции) до вынесения заключения о нарушении конституции и, следовательно, снижения риска политического кризиса. Кроме того, часть 2 статьи 23 Закона о порядке рассмотрения споров в Конституционном суде не уточняет, что подготовка к заседанию с момента возбуждения производства проводится в тридцатидневный срок и не устанавливает минимальный срок проведения заседания. В части 3 статьи 24 настоящего закона говорится: «Член Суда … по согласованию с Председателем Суда назначает место, дату и время заседания и оповещает об этом через центральный государственный орган печати за 7 дней до начала заседания, за исключением случаев, указанных в части 3 статьи 23». Несмотря на это, Конституционный суд как орган, осуществляющий высший контроль за исполнением Конституции и являющийся гарантом неукоснительного соблюдения Конституции, счел необходимым незамедлительно рассмотреть и разрешить спор, прежде чем это поставит под угрозу конституционный порядок. Иными словами, часть 1 статьи 61 Конституции имеет высшую юридическую силу по сравнению с положениями Закона о порядке рассмотрения споров в Конституционном суде.

5. Поскольку Конституционный суд является гарантом соблюдения Конституции, все решения, принятые Полным составом по вопросам нарушения Конституции, являются окончательными. Например, «...заключение Суда относительно должностного лица не подлежит пересмотру Великим Государственным Хуралом, а служит лишь основанием для принятия решения...» (Заключение Суда, 1995 г., № 01). Следовательно, данное заключение о том, что действия по отставке Премьер-Министра противоречат Конституции, является окончательным решением Конституционного суда, и Великий Государственный Хурал не выносит решение о согласии или несогласии. Также стоит отметить, что необходимо соблюдать положения части 4 статьи 66 Конституции, которая гласит: «Если Конституционный суд принял решение о несоответствии Конституции закона, указа и других решений Великого Государственного Хурала..., то … соответствующее решение считаются недействительными».

6. Конституционный суд предоставил сторонам равную возможность представить свои объяснения и документы по данному спорному вопросу и провел заседание Полного состава открыто и прозрачно. В частности, начиная с даты начала судопроизводства, то есть с 16 октября 2025 года, Конституционный суд неоднократно обращался к заместителю председателя и члену Великого Государственного Хурала г-же Х.Булгантуяа с целью дать ей возможность представить свои объяснения и документы и получить юридическую помощь (16.10.2025, № 2/591; 17.10.2025, № 2/595), однако она не воспользовалась этим правом и не представила свои объяснения и документы в письменной форме. Кроме того, член Конституционного суда направил в Великий Государственный Хурал официальное письмо № 2/599 от 20 октября 2025 года «О назначении доверенного представителя и предоставлении разъяснений», однако письменных разъяснений до начала заседания Полного состава Конституционного Суда предоставлено не было. Отмечается, что во время заседания Полного состава, а именно 22 октября 2025 года в 10:13, доверенные представители Великого Государственного Хурала представили свое официальное письмо «О предоставлении разъяснений» (УИХ-03/12089), не дав членам заседания времени для предварительного ознакомления с разъяснениями и отражения его в докладе.

7. Хотя положение части 1 статьи 4 Закона о порядке рассмотрения споров в Конституционном суде регламентирует, что заседания Конституционного суда ведутся открыто, это не означает, что весь процесс заседания должен транслироваться в прямом эфире. Скорее, гражданам, желающим участвовать в заседании, должна быть предоставлена возможность открытого участия, что соответствует передовой практике конституционных судов в других странах. Открытость обеспечивалась тем, что гражданам, желающим участвовать в заседании Полного состава 22 октября 2025 года, разрешалось участвовать в порядке их прибытия в зависимости от вместимости зала заседания. Кроме того, в рамках обеспечения открытости, в зависимости от вместимости зала заседания, оборудования и технических условий, было предоставлена возможность транслировать в прямом эфире для публики открытие и закрытие заседания, при этом дебаты и другие этапы заседания не транслируются в прямом эфире. Эта процедура направлена на всестороннее и объективное рассмотрение обстоятельств, имеющих отношение к разрешению спора, предоставление сторонам возможности для осуществления равноправия и права на состязательность и поддержание порядка заседания.

8. Заключение №08 заседания Полного состава Конституционного суда от 22 октября 2025 года о неконституционности отставки

Премьер-Министра было опубликовано на сайте Конституционного суда 23 числа того же месяца, что оперативно обеспечило соблюдение принципа прозрачности.

Данное изложение подготовлено с целью информирования общественности и не заменяет собой заключение Конституционного суда № 08 от 2025 года

Заключения и постановления Конституционного суда Монголии, принятые в I полугодии 2026 года:

1. Заключение №01 Конституционного суда Монголии от 23 января 2026 года по делу о проверке соответствия статье 14 Закона Монголии «О порядке рассмотрения и разрешения споров в Конституционном суде» Конституции Монголии.

Үндсэн хуулийн цэцэд маргаан хянан шийдвэрлэх ажиллагааны тухай хуулийн 14 дүгээр зүйл Монгол Улсын Үндсэн хуулийг зөрчсөн эсэх маргааныг хянан шийдвэрлэсэн тухай

2. Заключение №02 Конституционного суда Монголии от 27 февраля 2026 года по делу о проверке соответствия отдельных положений Закона Монголии «О правовом положении профессиональных союзов» Конституции Монголии.

Мэргэжлийн нэгдсэн холбооны эрх зүйн байдлын тухай хуулийн зарим зохицуулалт Монгол Улсын Үндсэн хуулийг зөрчсөн эсэх маргааныг хянан шийдвэрлэсэн тухай

3. Заключение №03 Конституционного суда Монголии от 1 апреля 2026 года по делу о проверке соответствия части 6 статьи 1.4 Закона Монголии «О правонарушениях» Конституции Монголии.

Зөрчлийн тухай хуулийн 1.4 дүгээр зүйлийн 6 дахь хэсэг Монгол Улсын Үндсэн хуулийг зөрчсөн эсэх маргааныг хянан шийдвэрлэсэн тухай

4. Заключение №04 Конституционного суда Монголии от 8 мая 2026 года по делу о проверке соответствия части 1 статьи 6 Закона Монголии «О Президенте Монголии» Конституции Монголии.

Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн тухай хуулийн 6 дугаар зүйлийн 1 дэх хэсэг Монгол Улсын Үндсэн хуулийг зөрчсөн эсэх маргааныг хянан шийдвэрлэсэн тухай

5. Заключение №05 Конституционного суда Монголии от 24 июня 2026 года по делу о проверке соответствия части 15.2 статьи 15 Закона Монголии «Об авторском праве» Конституции Монголии.

Зохиогчийн эрхийн тухай хуулийн 15 дугаар зүйлийн 15.2 дахь хэсэг Монгол Улсын Үндсэн хуулийг зөрчсөн эсэх маргааныг хянан шийдвэрлэсэн тухай

6. Постановление №01 Конституционного суда Монголии от 13 марта 2026 года по делу о рассмотрении в порядке конституционного контроля вопроса о том, были ли вновь введены по своему содержанию положения Закона Монголии «О парламентском контроле» и Закона Монголии «О Регламенте заседаний Великого Государственного Хурала Монголии», утратившие силу на основании Постановления Конституционного суда Монголии №01 от 2024 года.

Үндсэн хуулийн цэцийн 2024 оны 01 дүгээр тогтоолоор хүчингүй болсон Монгол Улсын Их Хурлын хяналт шалгалтын тухай хууль, Монгол Улсын Их Хурлын чуулганы хуралдааны дэгийн тухай хуулийн холбогдох заалтыг агуулгаар нь дахин сэргээсэн эсэх маргааныг хяналтын журмаар хянан шийдвэрлэсэн тухай

7. Постановление №02 Конституционного суда Монголии от 15 мая 2026 года по делу о рассмотрении в порядке конституционного контроля вопроса о том, было ли Постановлением Общего собрания судей Верховного суда Монголии № 11 от 2022 года вновь воспроизведено по своему содержанию регулирование, утратившее силу на основании Постановления Конституционного суда Монголии № 01 от 2021 года.

Улсын дээд шүүхийн нийт шүүгчийн хуралдааны 2022 оны 11 дүгээр тогтоол Үндсэн хуулийн цэцийн 2021 оны 01 дүгээр тогтоолоор хүчингүй болгосон зохицуулалтыг агуулгаар нь дахин сэргээсэн эсэх маргааныг хяналтын журмаар хянан шийдвэрлэсэн тухай

8. Постановление №03 Конституционного суда Монголии от 27 мая 2026 годапо делу о рассмотрении в порядке конституционного контроля вопроса о том, были ли вновь воспроизведены по своему содержанию соответствующие положения Закона Монголии «О правовом статусе судей», утратившие силу в соответствии с Заключением Конституционного суда Монголии № 12 от 2016 года.

Үндсэн хуулийн цэцийн 2016 оны 12 дугаар дүгнэлтийн дагуу хүчингүй болсон Шүүгчийн эрх зүйн байдлын тухай хуулийн холбогдох заалтыг агуулгаар нь дахин сэргээсэн эсэх маргааныг хяналтын журмаар хянан шийдвэрлэсэн тухай

Республика Армения

РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ от 11 ноября 2025 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и данного ему в правоприменительной практике толкования на основании обращения Александра Саакяна

11 ноября 2025 года состоялось слушание по делу гражданина Александра Саакяна о соответствии Конституции пункта 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и данного ему в правоприменительной практике толкования.

Гражданин А. Саакян в своем обращении оспаривал конституционность пункта 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения, озаглавленной «Определения, подлежащие обжалованию». Пункт 3 части 1 указанной статьи гласит:

«1. Обжалованию в апелляционном порядке подлежат следующие определения суда первой инстанции:

…

3) определение об отклонении ходатайств о применении меры по обеспечению иска, применении встречного обеспечения, об отмене обеспечения иска,

…».

Заявитель утверждает, что из-за безосновательных задержек в его деле и необоснованных судебных толкований, противоречащих Конституции РА и международным документам, он более двух лет лишен возможности каким-либо образом осуществлять свое право на общение с сыном. Более того, непредусмотрение возможности рассмотрения правомерности указанного вопроса в порядке апелляции и кассации приводит к нарушению гарантированных Конституцией РА и международными документами таких прав Заявителя, как доступность суда, судебная защита, справедливое судебное разбирательство, возможность эффективной правовой защиты, уважение и неприкосновенность семейной жизни, защита прав родителей и детей, обеспечение организационных механизмов для реализации основных прав, соразмерность, определенность, нерушимость сущности основных прав, учет международной правовой практики, обеспечение государственной политики создания благоприятных условий для детей.

Для оценки конституционности положения, оспариваемого в обращении, и того, как оно толкуется в правоприменительной

практике, Конституционный Суд счел необходимым рассмотреть, в частности, следующий вопрос:

- Соответствует ли толкование, данное правоприменительной практикой, пункту 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и исключающее возможность обжалования определения об отказе в удовлетворении ходатайства об изменении меры по обеспечению иска, части 1 статьи 61 Конституции Республики Армения, гарантирующей право на эффективную судебную защиту, во взаимосвязи со статьей 75 Конституции, предусматривающей обязанность установления организационных механизмов и процедур, необходимых для осуществления основных прав и свобод?

Конституционный Суд подчеркнул, что именно посредством реализации права на эффективную судебную защиту обеспечивается полноценная защита других конституционных прав и свобод, гарантируется их жизнеспособность, а также предотвращается их превращение в декларативные положения.

Конституционный Суд также констатировал, что одной из гарантий конституционно-правовой эффективности права на судебную защиту является право на обжалование судебного акта. С одной стороны, данное право обеспечивает полноценную судебную защиту индивидуальных прав посредством использования предусмотренных законом механизмов выявления и исправления судебных ошибок как средства восстановления нарушенных прав. С другой стороны, оно гарантирует действенность механизма самоконтроля судебной системы.

Конституционный Суд пришел к выводу, что возможность обжалования судебного акта, являясь своеобразным механизмом «внутреннего контроля» судебной системы, обеспечивает непрерывный надзор за осуществлением правосудия в соответствии с требованиями прав человека. Именно посредством этого механизма восстановление нарушенного права получает своё полноценное и окончательное конституционно-правовое выражение.

Принимая во внимание вышеизложенное, Конституционный Суд констатировал, что в результате сложившегося в правоприменительной практике толкования рассматриваемого положения лицо было лишено возможности реализовать право на обжалование судебного акта, который, согласно воле законодателя, подлежал обжалованию. Тем самым было ограничено гарантированное частью 1 статьи 61 Конституции право Заявителя на эффективную судебную защиту.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, часть 1 статьи 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 69 Конституционного закона «О Конституционном Суде», Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Пункт 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции в том толковании, согласно которому определение об отклонении ходатайства о замене одной меры по обеспечению иска другой мерой или ее видоизменении подлежит обжалованию в апелляционном порядке.

2. Согласно части 10 статьи 69 Конституционного закона «О Конституционном Суде» вынесенный в отношении Заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру в установленном законом порядке на основании вновь открывшегося обстоятельства, принимая во внимание, что пункт 3 части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения применен в отношении Заявителя в толковании, отличном от указанного в настоящем Постановлении.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

11 ноября 2025 года
ПКС-1802

РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
от 24 марта 2026 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3, пункта 8 части 1 статьи 5 (в части контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или в общинных учреждениях), части 3 статьи 7 (в части осуществления контрольных функций в сферах, подлежащих контролю со стороны органов местного самоуправления) Закона «О государственной контрольной службе» и части 6 статьи 95 Закона «О местном самоуправлении» (в части осуществления контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или в общинных организациях, в порядке, установленном Законом «О государственной контрольной службе») на основании обращения мэра города Еревана

24 марта 2026 года на основании обращения мэра города Еревана (далее – Заявитель) состоялось слушание по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3 и пункта 8 части 1 статьи 5, части 3 статьи 7 Закона «О государственной контроль-

ной службе» и части 6 статьи 95 Закона «О местном самоуправлении».

Пункты 3 и 8 статьи 5 Закона «О государственной контрольной службе», озаглавленной «Полномочия государственной контрольной службы», гласят:

«1. В установленных настоящим Законом целях Служба в порядке, установленном настоящим Законом, осуществляет:

(…)

3) осуществляет контроль в органах местного самоуправления в целях оценки законности управления предоставленными субсидиями, субвенциями или дотациями, а также достоверности информации, послужившей основанием для их предоставления.

(…)

8) осуществляет в органах местного самоуправления, государственных или общинных учреждениях контроль за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок.

(…) ».

Часть 3 статьи 7 Закона, озаглавленной **«Правомочия Государственной контрольной службы»**, гласит:

«3. В случае возникновения необходимости осуществления контрольных функций в сферах, находящихся под контролем органов системы государственного управления и органов местного самоуправления, Служба информирует об этом Премьер-министра, что может послужить основанием для соответствующего поручения или предложения уполномоченному органу осуществить возложенный на данный орган законом и вытекающий из его полномочий контроль с последующим уведомлением Службы о результатах.

(…)».

Часть 6 статьи 95 Закона «О местном самоуправлении», озаглавленной **«Основные принципы контроля за осуществлением полномочий органов местного самоуправления»**:

“6. В отношении бюджетной или финансово-хозяйственной деятельности, осуществляемой органами местного самоуправления, осуществляется финансовый контроль в установленных Законом Республики Армения «О бюджетной системе Республики Армения» случаях и порядке, а контроль за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или общинных учреждениях, осуществляется в порядке, установленном Законом «О государственной контрольной службе.

(…)».

Заявитель выдвинул перед Конституционным Судом следующие вопросы:

а) Вытекает ли осуществление Государственной контрольной службой (далее также – Служба) как органом, реализующим контрольные полномочия Премьер-министра, контроля в органах местного самоуправления (а также в подконтрольных им сферах и общинных учреждениях) конституционным правомочиям Премьер-министра?

б) Соответствуют ли полномочия, предоставленные Государственной контрольной службе по части осуществления контроля в органах местного самоуправления (а также в подконтрольных им сферах и общинных учреждениях), требованиям, установленным статьей 188 Конституции Республики Армения касательно правового и профессионального контроля за осуществлением полномочий органов местного самоуправления?

Заявитель, ссылаясь на национальные и международные правовые регулирования, а также на правовые позиции Конституционного Суда, в частности, отметил, что органы местного самоуправления наделены правом местного самоуправления, которое подразумевает решение общественных вопросов, имеющих общинное значение, под собственную ответственность, исходя из интересов жителей общины. Самостоятельность органов местного самоуправления также закреплена в Конституции, согласно которой последние осуществляют закрепленные за ними полномочия под собственную ответственность, что запрещает государству вмешиваться в осуществление полномочий органов местного самоуправления.

Премьер-министр не может обладать контрольными полномочиями касательно оценки законности управления субсидиями, субвенциями или дотациями в органах местного самоуправления, достоверности информации, послужившей основанием для их предоставления, а также соблюдения требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления и общинных учреждениях, поскольку указанные полномочия не вытекают из установленных частью 1 статьи 152 Конституции правомочий Премьер-министра, а из содержания статьи 188 Конституции становится очевидно, что контроль за осуществлением полномочий органов местного самоуправления могут осуществлять только уполномоченные органы Правительства.

Заявитель считает, что отношения между государственными органами и органами местного самоуправления основаны на принципе невмешательства государства и его органов в дела общины, а осуществление контроля за управлением дотациями нарушает право органов местного самоуправления самостоятельно и под собственную ответственность решать вопросы, имеющие значение для общины.

Конституционный Суд, рассматривая данное дело, пришел к выводу, что вмешательство государственного контрольного орга-

на под формулировкой «оценка законности управления» дотациями является неприемлемым, поскольку оно приводит к нарушению принципа финансовой и организационной самостоятельности органов местного самоуправления.

Конституционный Суд сделал заключение, что предоставление законодателем Службе полномочий по осуществлению контроля над органами местного самоуправления в целях оценки достоверности информации, служащей основанием для предоставления субсидий, субвенций или дотаций, является оправданным и не является проблематичным с точки зрения конституционности. Этот контроль направлен не на вмешательство в конституционную самостоятельность деятельности органов местного самоуправления, свободу принятия решений на уровне общин, а на проверку законности и обоснованности оснований для предоставления средств из государственного бюджета на начальном этапе их распоряжения, что вытекает из обязанности государства гарантировать общественные интересы в обеспечении законного и целенаправленного использования государственных финансов.

Конституционный Суд также пришел к выводу, что законодатель четко определил функциональные границы Службы, исключив возможность осуществления ею самостоятельных контрольных полномочий в сферах, отнесенных к компетенции органов местного самоуправления. Таким образом, Служба вправе лишь информировать Премьер-министра о необходимости осуществления контрольных функций, следовательно, ее роль в указанном контексте ограничивается исключительно информационными и инициативными действиями, без самостоятельного осуществления надзорных полномочий, тогда как само осуществление надзора остается в исключительной компетенции органа, которому оно отведено.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь частью 1 статьи 167, пунктом 1 статьи 168, частями 1 и 4-5 статьи 170 Конституции, а также принимая за основание статьи 63, 64 и 70 Конституционного закона «О Конституционном Суде», Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Пункт 8 части 1 статьи 5 Закона «О государственной контрольной службе» в части предоставления Государственной контрольной службе полномочия по осуществлению в установленном тем же Законом порядке контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок, в органах местного самоуправления или в общинных учреждениях и часть 6 статьи 95 Закона «О местном самоуправлении» в части осуществления упо-

мянутого контроля в порядке, установленном Законом «О государственной контрольной службе», признать противоречащими части 1 статьи 60 и статье 188 Конституции и недействительными.

2. Пункт 3 части 1 статьи 5 Закона «О государственной контрольной службе» в части предоставления Государственной контрольной службе полномочия по осуществлению в установленном тем же Законом порядке контроля в органах местного самоуправления с целью оценки законности управления предоставленными субсидиями, субвенциями или дотациями, признать противоречащим части 1 статьи 60 и статье 188 Конституции и недействительным.

3. Пункт 3 части 1 статьи 5 Закона «О государственной контрольной службе» в части предоставления Государственной контрольной службе полномочия по осуществлению в установленном тем же Законом порядке контроля в органах местного самоуправления с целью оценки достоверности информации, являющейся основанием для предоставления субсидий, субвенций или дотаций, соответствует Конституции.

4. Часть 3 статьи 7 Закона «О государственной контрольной службе» в части осуществления контрольных функций в сферах, подлежащих контролю со стороны органов местного самоуправления, соответствует Конституции.

5. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

24 марта 2026 года
ПКС-1822

РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
от 1 апреля 2026 года по делу об определении вопроса соответствия Конституции предложения, представленного Президенту Республики в решении Высшего Судебного Совета от 12 марта 2026 года номер ВСС-27-Р-24, на основании обращения Президента Республики

1 апреля 2026 года на основании обращения Президента Республики состоялось слушание по делу о соответствии Конституции представленного ему предложения в решении Высшего судебного совета от 12 марта 2026 года номер ВСС-27-Р-24.

Конституционный спор в настоящем деле сводился к вопросу об обоснованности предложения Высшего судебного совета, внесенного Президенту Республики, о назначении кандидата на ва-

кантную должность судьи при наличии консультативного, но отрицательного заключения Комиссии по предупреждению коррупции относительно добропорядочности данного кандидата.

Президент Республики (далее – Заявитель) в своем обращении отмечает, что из представленного ему предложения, содержащегося в решении Высшего судебного совета от 12 марта 2026 года номер BCC-27-P-24, неясно, на каких фактических обстоятельствах Высший судебный совет основывал свое решение. В таких условиях сомнения, высказанные Президентом Республики в своем возражении, не были и не могли быть развеяны.

Для оценки соответствия оспариваемого предложения Конституции Конституционный Суд счел необходимым рассмотреть, в частности, следующий вопрос:

- соответствует ли Конституции предложение, представленное Президенту Республики решением Высшего судебного совета от 12 марта 2026 года номер BCC-27-P-24, при наличии соответствующего заключения Комиссии по предупреждению коррупции о добропорядочности кандидата на должность судьи, в той мере, в какой указанное предложение не содержит надлежащего и мотивированного обоснования?

Конституционный Суд пришел к выводу, что при наличии заключения Комиссии по предупреждению коррупции о добропорядочности кандидата на должность судьи предложение Высшего судебного совета, представленное Президенту Республики соответствующим решением, вместе с результатами письменного квалификационного экзамена и собеседования должно содержать достаточные фактические и правовые основания. Иными словами, решение Высшего судебного совета должно представлять собой комплексный мотивированный анализ, отражающий аргументированную позицию Высшего судебного совета.

Конституционный Суд счел, что мотивированное решение должно позволять как компетентным органам, так и беспристрастному наблюдателю удостовериться в легитимности предложения Высшего судебного совета, исходя из конституционно значимой идеи о том, что вопросы, возникающие между уполномоченными органами в процессе назначения судьи, не должны ставить под сомнение его безупречную репутацию, честь и достоинство, поскольку это способно привести к снижению общественного доверия как к конкретному судье, так и к судебной власти в целом. Общественность должна обладать уверенностью в том, что лицо, претендующее на должность судьи, достойно высокого статуса судьи и соответствующей ему миссии. В противном случае будет подорвано общественное доверие к судебной власти и легитимность правосудия в целом.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь частью 1 статьи 167, статьей 168, частями 1, 4 и 5 статьи 170 Конституции, а также принимая за основание пункт 4 части 1 статьи 169 Конституции, статьи 63, 64 и 86 Конституционного закона «О Конституционном Суде», Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Предложение, представленное Президенту Республики в решении Высшего судебного совета от 12 марта 2026 года номер ВСС-27-Р-24, признать противоречащим пункту 2 части 1 статьи 175 Конституции.

2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

1 апреля 2026 года
ПКС-1823

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального собрания

29 апреля 2026 года **г. Ереван**

Конституционный суд в составе председательствующего: Армана Диланяна, судей: Артака Зейналяна, Давида Хачатуряна, Ерванда Хундкаряна, Овакима Овакимяна, Эдгара Шатиряна, Седы Сафарян, Артура Вагаршяна (докладчик), Владимира Варданяна, с участием секретаря суда Фараида Алиева,

с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания (далее также – Заявитель),

представителя Заявителя – депутата Арцвика Минасяна,

ответчика – Национального Собрания (далее также – Ответчик)

представителя Ответчика – начальника Юридического управления Аппарата

Национального Собрания Мари Степанян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 2 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 68 Конституционного закона «О Конституционном Суде»,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело «Об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 236 Уголовного кодекса РА на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания».

Изучив обращение и прилагаемые к нему документы, письменные объяснения, позиции Заявителя и Ответчика, консультативное заключение Венецианской комиссии CDL-AD (2025)037, вспомогательное заключение Защитника прав человека РА, а также проанализировав оспариваемые и другие относимые положения закона, Конституционный Суд

УСТАНОВИЛ:

А. Производство в Конституционном Суде

1. Уголовный кодекс Республики Армения (далее также – Кодекс) принят Национальным Собранием 5 мая 2021 года, подписан Президентом Республики 27 мая 2021 года и вступил в силу 1 июля 2022 года.

2. Часть 2 статьи 236 Кодекса, озаглавленной «Воспрепятствование проведению собрания или участию в нем либо принуждение к участию в собрании, а также создание материальной стимулирование заинтересованности в участии в собрании или отказе от участия в собрании», устанавливает:

«2. Принуждение к участию в законном или незаконном собрании под угрозой применения насилия в отношении лица, его близкого родственника или близкого лица, уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо путем шантажа, а также создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании либо отказе от участия в собрании – наказывается штрафом от десятикратного до тридцатикратного размера, или общественными работами продолжительностью от ста до двухсот часов, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, или ограничением свободы на срок от одного года до трех лет, или краткосрочным лишением свободы на срок от одного до двух месяцев, или лишением свободы на срок не свыше трех лет».

(…)

Б. Позиции Заявителя

14. По убеждению Заявителя, свобода собраний может привести к нарушению общественных интересов или прав других лиц исключительно в тех случаях, когда нарушаются закрепленные Конституцией основополагающие положения, создается угроза правам и свободам других лиц и/или их защите и гарантированию, что ни-

как не связано с предполагаемой целью запрета создания материальной заинтересованности у участников собрания. Подобная цель никоим образом не установлена в источниках как национального, так и международного права. Более того, международная практика однозначно свидетельствует, что создание формальной материальной заинтересованности у участника собрания в определенных случаях не только является распространенным явлением, но и носит строго регламентированный характер.

15. Согласно Заявителю, Уголовным кодексом РА запрещено и даже установлена уголовная ответственность за деяние, которое в силу статьи 44 Конституции законом, призванным регулировать отношения, непосредственно связанные со свободой мирных собраний, вообще не рассматривается как запрещенное деяние.

16. Заявитель утверждает, что «Конституция не предусматривает какой-либо цели, направленной на исключение в контексте свободы мирных собраний создания интереса к участию в собрании, в том числе посредством создания материальной заинтересованности. Особенно с учетом многозначности словосочетания «материально заинтересовать» становится еще более очевидным, что положения уголовного законодательства, касающиеся собраний и свободы собраний, должны содержать такие регулирования, которые созвучны предусмотренной Конституцией РА гарантии свободы собраний и никоим образом не ограничивают ее».

17. Заявитель, обращаясь к вопросу общественной опасности создания материальной заинтересованности как установленного Конституцией основания ограничения свободы, отмечает, что любое собрание предполагает также определенную заинтересованность, в том числе материальную. Более того, призывы, предложения и обещания, высказываемые в ходе собраний, могут также иметь характер создания материальной заинтересованности. В качестве примера Заявитель приводит призывы к снижению либо полной отмене различных налогов, пошлин, штрафов и платежей, к применению амнистии в отношении них, к повышению заработной платы и пенсий, которые, по его мнению, также содержат обязательные элементы состава деяния, описанного в оспариваемой норме, «(...) в то время как вследствие этого лица неправомерно и противоречащим Конституции образом лишаются возможности заниматься политической деятельностью и лишаются свободы действий».

18. Заявитель также отмечает, что термин «создание материальной заинтересованности» в целях участия в собрании либо отказа от участия в собрании является проблематичным также в плане того, что любые действия организатора собрания, направленные на материальное содействие участию в собрании, которые по существу носят организационный характер (например, возмещение или

компенсация транспортных расходов, обеспечение питания и иных потребностей и др.), могут быть квалифицированы как преступления, поэтому с точки зрения ответственного поведения представляется разумным и, следовательно, недопустимым формирование такого законодательства, которое, не учитывая указанные обстоятельства, выходит за рамки принципов субсидиарности и целесообразности и/или противоречит им.

19. Заявитель утверждает, что термин «создание материальной заинтересованности» сам по себе является неопределенным. В условиях такой неопределенности возможна ситуация, при которой лицо будет подвергнуто уголовному преследованию и привлечено к ответственности даже тогда, когда материальная заинтересованность толкуется как любое содействие – обеспечение транспортом, организация питания и проживания, вплоть до изготовления и предоставления плакатов, что выходит за рамки разумного, а с правовой точки зрения является неопределенным, в связи с чем ее адресаты не в состоянии проявить соответствующее поведение.

20. Ссылаясь на ряд выраженных Конституционным Судом правовых позиций, Заявитель отмечает, что оспариваемая норма предусматривает пассивное и неопределенное вмешательство в основное право человека на личную свободу, сформулирована настолько неопределенно, что не позволяет понять ее смысл, вследствие чего может привести к непредсказуемому, следовательно, также к произвольному применению, и допускает расширение границ преступления в связи с отсылкой к конституционным нормам, характеризующимся чрезвычайно высокой степенью абстрактности.

21. Заявитель приходит к выводу, что высокая степень неопределенности сама по себе не была бы настолько проблематичной, если это проявление диспозиции состава преступления было бы сформулировано четко и позволяло бы разумно идентифицировать способ выражения описываемого деяния. В то время как при такой формулировке лицо, реализуя свои конституционные права, организуя и проводя собрание или занимаясь подобными подготовительными работами, может быть подвергнуто уголовному преследованию за дачу обещаний или представление программ до начала собрания или в ходе его проведения в случае, когда они имеют материальную основу или непосредственно взаимосвязаны с социально-правовыми вопросами, либо лицо может быть подвергнуто уголовному преследованию в случае, когда в качестве организатора несет определенные естественные, разумно предполагаемые и предсказуемые расходы.

22. Заявитель считает, что высокая степень неопределенности нормы, очевидная несоразмерность установленной ответственности, ее проявление в правоприменительной практике существенно

влияют и на другие гарантированные Конституцией основные права человека, в том числе на свободу выражения мнения, свободу объединений и др., которые фактически оказываются заблокированными, подрывая конституционные и конвенционные гарантии основных прав и свобод человека.

23. Заявитель в результате анализа ряда международных документов приходит к выводу, что предусмотренная статьей 236 Уголовного кодекса РА оспариваемая норма о «создании материальной заинтересованности в участии в собрании» не соответствует Конституции, поскольку не преследует ни одну из предусмотренных Конституцией целей, и предусмотренное данной нормой ограничение выходит за пределы ограничений, установленных ОБСЕ, а также не учитывает практику органов, действующих на основании международных договоров Республики Армения о правах человека.

В. Позиции Ответчика

(…)

26. По мнению Ответчика, принуждение лиц к участию в собрании посредством создания материальной заинтересованности ставит под сомнение сам факт подлинности такого собрания. Иными словами, если лицо участвует в собрании только по причине «получения вознаграждения», то подрываются природа и идея участия в собраниях на основе личных убеждений и собрания в целом. Таким образом, любая попытка заставить или принудить человека к участию в мирном собрании нарушает его конституционные права и подрывает добровольный характер собраний и объединений.

27. Ответчик приходит к выводу, что осуществление лицом своего установленного статьей 44 Конституции конституционного права является вопросом его собственного усмотрения. Склонение лица посредством создания материальной заинтересованности к реализации своего права на участие в собраниях либо принуждение к реализации этого права уже представляет собой вмешательство в конституционное право лица. Учитывая добровольный характер собраний, сущность, идею и цель их проведения и/или принимая во внимание конституционные права человека на свободу самовыражения, свободу выражения мнения и свободу участия в собраниях, и исходя из рисков возможных нарушений эффективной реализации этих прав, законодатель криминализировал это деяние, чтобы исключить и/или предотвратить принудительное участие лица в собраниях либо выражение им в ходе собраний ложных убеждений.

28. Ответчик утверждает, что в целях гарантирования возможности свободно пользоваться правом, предусмотренным статьей 44 Конституции, а также во избежание возможных препятствий реализации этого права частью 2 статьи 236 Кодекса четко

предусмотрено, что принуждение к участию в законном или незаконном собрании, а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в нем наказываются.

29. Ответчик отмечает, что обещания, данные во время мирных собраний, акции протеста или демонстрации обычно отражают требования, недовольства или стремления, пожелания участников. Такие обещания различаются в зависимости от конкретного контекста и/или поднятых проблем и вопросов.

30. Согласно Ответчику, любой мотив может оказывать влияние на истинное убеждение лица. Следовательно, в целях предотвращения вмешательства в конституционное право лица на свободу собраний законодатель предусмотрел уголовную ответственность во всех случаях, когда лицо принуждают к участию в собрании, а также когда его материально заинтересовывают в участии в собрании либо в отказе от участия в нем. «Такой подход не является самоцелью, призван гарантировать беспрепятственную реализацию конституционного права лица, предотвращая выражение лицом мнимого мнения либо его вынужденное участие в собрании вследствие обремененности определенным обстоятельством или нахождения в зависимости от определенного обстоятельства».

(...)

32. Ответчик приходит к выводу, что в контексте оспариваемого положения понятие «создать материальную заинтересованность» означает такое обстоятельство, используя которое либо будучи заинтересованным или обремененным которым лицо участвует в собрании либо отказывается от участия в нем, и необходимо различать обещание (создать материальную заинтересованность), данное за участие в собрании или отказ от участия в нем, от обещания, выражающего твердую готовность осуществить в будущем определенные реформы.

33. Таким образом, основания и пределы ограничений должны быть сформулированы с достаточной степенью определенности, чтобы носители и адресаты соответствующих прав и свобод могли согласовывать с ними свое поведение, то есть правовое регулирование должно быть максимально четким и обеспечивать предсказуемость.

34. Словосочетание «создать материальную заинтересованность» употребляется также в статьях 46 и 210 Кодекса, и толкование рассматриваемого понятия в контексте этих статей раскрывает также смысл понятия «создать материальную заинтересованность», используемого в оспариваемой статье. Употребленное в оспариваемой норме понятие само по себе является однозначным, определенным, его смысл раскрыт и не создает неопределен-

ности. Согласно Ответчику, оспариваемое положение не ограничивает лицо в формировании своего поведения или в предвидении того, какими могут быть действия публичной власти и какие последствия могут наступить вследствие применения данного правового регулирования, то есть лицо не лишено возможности привести свое поведение в соответствие с требованиями положения.

35. Ответчик считает, что часть 2 статьи 236 Кодекса с точки зрения определенности не является проблематичной, не проблематична она также с точки зрения соответствия принципу соразмерности, так как оспариваемым положением установлены такие меры, которые являются соразмерными в вопросе наказания за посягательство, направленное против осуществления конституционного права лица свободно участвовать в мирных, безоружных собраниях и организовывать их. Ответчик утверждает, что в указанной статье вмешательство в основное право необходимо, поскольку поставленная цель не может быть достигнута иным, но столь же эффективным путем, который в меньшей степени ограничивал бы защищенное соответствующим основным правом правовое благо.

36. По мнению Ответчика, оспариваемое положение соответствует Конституции.

Г. Рамки конституционно-правового спора

37. Рассмотрение дела в рамках осуществляемого по настоящему конституционному спору абстрактного конституционного контроля в пределах представленных Заявителем обоснований будет касаться конституционности установленной частью 2 статьи 236 Кодекса законодательной формулировки преступного деяния – создания материальной заинтересованности в участии в собрании либо отказе от участия в собрании – в контексте соответствия праву на свободу собраний, закрепленному статьей 44 Конституции, а также принципу правовой определенности, гарантированному статьей 79 Конституции.

Д. Вопросы, подлежащие выяснению в рамках дела

38. С целью оценки конституционности оспариваемого по настоящему делу положения Конституционный Суд считает необходимым обратиться, в частности, к следующим вопросам:

А) Соответствует ли предусмотрение уголовной ответственности за создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании конституционным регулированиям относительно свободы собраний, закрепленным в статье 44 Конституции?

Б) Сформулировано ли оспариваемое правовое регулирование в соответствии с критериями правового государства, с достаточной степенью определенности и точности, позволяющей понять требование законодателя, предвидеть его последствия и привести пове-

дение лица в соответствие с этими требованиями, в свете принципа правовой определенности, закрепленного в статье 79 Конституции?

(…)

Ж. Правовые позиции Конституционного Суда

а) Относительно содержания конституционных положений основного права на свободу собраний и их системного соотношения

43. Для разрешения настоящего конституционного спора важное значение имеет раскрытие правового содержания основного права на свободу собраний, закрепленного статьей 44 Конституции, а также соотношения оснований и порядка ограничения этого права.

44. Из буквального содержания части 1 статьи 44 Конституции вытекает, что право на свободу собраний предполагает две отдельные правовые возможности: (1) каждый имеет право свободно, мирно и без оружия участвовать в собраниях (право на участие в собраниях); (2) каждый имеет право свободно организовывать мирные собрания без оружия (право на организацию собраний).

45. Из Конституции следует, что носителем основного права на участие в собраниях является каждое лицо, обязанными перед которым субъектами являются все и каждый, а также публичная власть. В соответствии с этим части 2 и 3 статьи 6 Закона «О свободе собраний» от 14 апреля 2011 года (далее – Закон) устанавливают, что участником собрания является лицо, которое во время проведения собрания находится в месте собрания с целью участия в собрании, и никто не вправе принуждать лицо к участию в каком-либо собрании или препятствовать его участию в каком-либо собрании.

46. Условиями реализации конституционного субъективного права на участие в собраниях являются мирный характер собрания, отсутствие оружия у его участников и свободное участие, то есть участие должно проходить мирно или иметь мирный характер, без оружия, а решение об участии должно приниматься лицом на основании свободного волеизъявления или свободного выражения, иными словами, участие субъекта в собрании должно быть свободным от принуждения, угроз, шантажа и иных форм воздействия на свободу волеизъявления.

47. Следовательно, адресаты права на участие в собраниях – другие лица и публичная власть – обязаны воздерживаться от препятствования участию в собраниях, а также от принуждения к участию в них (угрозы, шантаж и т.д.) или от обеспечения участия либо неучастия иными представляющими общественную опасность способами.

48. Субъектом, обладающим конституционным правом на организацию собраний, является организатор собрания. Согласно части

1 статьи 7 Закона организатором собрания может являться каждое лицо, имеющее право на участие в собрании, а также любое юридическое лицо. В соответствии с частью 2 той же статьи 7 Закона организатор собрания является руководителем собрания, если им руководство собранием не поручено другому лицу.

49. Основной стороной, обязанной перед организатором собрания как правообладателем, является публичная власть, которая несет обязанность обеспечивать конституционное право организатора на проведение собрания в соответствии с установленными Конституцией критериями и предусмотренным законом порядком. Условия реализации этого правоотношения те же – мирно, без оружия и свободно. Однако в случае права на свободу организации собраний конституционное понятие «свободное» приобретает новый смысл и направлено на гарантирование свободной процедуры организации собрания, чтобы организаторы могли беспрепятственно осуществлять свое право на организацию собрания.

50. Если в случае права на свободное участие в собраниях конституционное понятие «свободное» в первую очередь предполагает автономию и свободу воли участника, то в случае права на организацию собраний оно в первую очередь означает свободную процедуру проведения собрания, гарантом обеспечения которого является публичная власть, обязанная установить такой порядок организации собрания, который позволит свободно, без лишних запретов и препятствий организовать и провести собрание.

51. Конституционный Суд считает необходимым уделить особое внимание раскрытию конституционно-правового содержания, закрепленного в части 1 статьи 44 Конституции термина «свободное», исходя из того, что это обладающее богатым правовым содержанием ключевое понятие, включающее важнейшие конституционные условия, определяющие объем и пределы права на свободу собраний, а также порядок его осуществления.

52. В соответствии с философией свободы как основной конституционной ценности прав человека структура содержания установленного частью 1 статьи 44 Конституции термина «свободное» включает реальные возможности совершения определенных действий, составляющих содержание субъективного конституционного права, свободу от нелегитимного вмешательства других лиц при реализации этого права, а также автономию воли и самоопределение правообладателя, что, как целостность внутренних и внешних элементов, составляет ядро конституционно-правового содержания права на свободу собраний.

53. Конституционный Суд в соответствии с вышеуказанной методологией в конституционном содержании одного из элементов права на свободу собраний – права на свободное участие в собра-

ниях (права на участие в собраниях) – выделяет как минимум три аспекта свободы правообладателя: позитивную свободу, негативную свободу и свободу воли.

54. **В конституционной формуле права на участие в собраниях понятие «свободное» предполагает позитивную свободу (status activus),** что означает свободу делать что-то, свободу действия, которая в объективном праве выражается в праве на участие в собрании и иных вытекающих из него субъективных правах, предполагая практическую поведенческую свободу лица как носителя субъективного права, при которой оно обладает реальной возможностью совершать определенные действия, в конкретном случае – участвовать в собраниях, выражать свою точку зрения и т.д.

55. **В конституционной формуле права на участие в собраниях понятие «свободное» предполагает негативную свободу (status negativus),** которая выражается в статусе индивида, свободного от создаваемых другими субъектами препятствий и ограничений, а также от насилия, и юридически закрепляется как гарантия равноправия, запрета дискриминации, личной безопасности, автономии личности и т.д. Негативная свобода порождает для других лиц и публичной власти обязанность воздерживаться от нарушений прав и интересов субъекта, участвующего в собрании. Публичная власть одновременно исполняет также обязанность гаранта негативной свободы права на участие в собраниях.

56. В структуре права на участие в собраниях негативная свобода касается той правовой и фактической среды, в которой лицо может действовать и реализовать свое право, что, в числе прочего, включает: (1) отсутствие несоразмерного вмешательства со стороны публичной власти, в соответствии с чем она обязана воздерживаться от излишнего вмешательства (например, необоснованные запреты, административные препятствия и т.д.); (2) исключение произвольных ограничений, предусматривающее недопустимость таких административных или законодательных регулирований, которые по своему характеру либо своим применением являются произвольными и несоразмерно ограничивают основное право; (3) равный доступ, а именно – право должно реализовываться без дискриминации: понятие «свободное» включает конституционно-правовое требование, согласно которому каждый должен иметь равные возможности для участия в собраниях, независимо, в числе прочего, от своих политических или иных убеждений и взглядов; (4) обеспечение благоприятных условий для реализации права, предусматривающее, что понятие «свободное» не ограничивается лишь требованием невмешательства, оно включает также позитивную обязанность государства обеспечивать такую среду, в которой свобода участия в собраниях может быть эффективно реализована

(например, обеспечение безопасности, предотвращение столкновений противоположных групп и т.д.).

57. **В конституционной формуле права на участие в собраниях понятие «свободное» предполагает свободу воли (status libertas voluntatis),** которая является внутренней характеристикой индивида и характерным ему как человеку естественным свойством. Законодатель в первую очередь обусловливает свободу воли правосубъектностью лица. Так, согласно части 4 статьи 8 Закона лица в возрасте до 14 лет могут организовывать собрание только с письменного согласия их законных представителей. Однако необходимым проявлением свободы воли носителя права являются его самоопределение, независимость и автономия как человека, а также возможность мыслить и действовать, в том числе участвовать в собраниях по собственной воле, без воздействия внешних негативных факторов на его волю.

58. В процессе осуществления права на участие в собраниях свобода воли сводится к внутренней автономии лица – в моделирование своего поведения без внешнего давления и иных негативных воздействий, что предполагает: (1) автономию воли: конституционно-правовое качество «свободное» предполагает, что решение об участии в собрании принимается лицом без принуждения, угроз или иных негативных факторов аналогичного характера. Ключевое значение здесь имеет свобода формирования воли как предпосылка реализации права; (2) свободу самовыражения: собрание как форма коллективного выражения предполагает, что лицо может свободно выражать свое мнение, позицию или требования. Понятие «свободное» в данном контексте обеспечивает, чтобы такое выражение не было заранее обусловлено или ограничено идеологической цензурой либо иным обстоятельством; (3) неприкосновенность внутренних убеждений: лицо свободно не только в участии или неучастии в собрании, но и в формировании и сохранении своих убеждений без воздействия со стороны государства или иных субъектов.

59. Таким образом, термин «свободное», закрепленный в части 1 статьи 44 Конституции, следует рассматривать как качественную характеристику права каждого лица на участие в мирных собраниях без оружия, как свободу лица совершать правомерные действия, не подвергаясь негативному воздействию, а также свободу добровольного участия. Публичная власть, взявшая на себя обязательство по непрерывному развитию демократии, должна проводить комплексную правовую и практическую политику, центром которой должно стать формирование благоприятной среды для действительно свободного осуществления лицом права на участие в собраниях и их организацию, где автономия воли человека будет реальной, действенной и эффективно гарантированной.

60. Публичная власть, выступая в качестве обязанной стороны в правоотношениях, связанных с участием в собраниях, исполняет обязанность гаранта конституционных условий права на свободу собраний – их мирного характера и отсутствия оружия, а также трех аспектов свободы этого права, из чего следует, что публичная власть должна формировать комплекс таких гарантий и механизмов (включая правовые), которые обеспечили бы конституционные условия свободы участия в собраниях, вплоть до установления юридической ответственности за общественно опасные деяния, посягающие на свободу участия.

61. Часть 2 статьи 44 Конституции касается права на свободу организации собраний, а часть 4 провозглашает, что условия и порядок осуществления и защиты свободы собраний устанавливаются законом. Таким образом, основные положения содержания основного права на свободу собраний, закрепленного в статье 44 Конституции, в качестве границ субъективного права зафиксированы в частях 1 и 2 указанной статьи и детализированы в Законе. В частях 3 и 5 статьи 44 Конституции закреплены общие и особые правовые регулирования ограничения основного права на свободу собраний, которые, однако, не имеют содержательной и системной связи со статьей 236 Кодекса как с запрещающим правовым положением. Указанное правовое регулирование – это не способ ограничения конституционного содержания основного права, являющегося предметом настоящего рассмотрения, а уголовно-правовая гарантия принципа «свободы», являющегося частью конституционного содержания указанного основного права.

62. Принимая за основу указанный исходный вывод, Конституционный Суд считает, что с этой точки зрения необоснованными являются аргументы Заявителя, согласно которым часть 2 статьи 236 Кодекса в части установления ответственности за создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в нем представляет собой ограничение основного права и как таковое противоречит статье 44, принципу соразмерности, закрепленному в статье 78, а также статье 81 Конституции[1].

63. Подводя итог, Конституционный Суд констатирует, что преступные деяния, закрепленные в части 2 статьи 236 Кодекса, в частности «создание материальной заинтересованности (...) в участии

[1] Конституционный Суд считает необходимым отметить, что ссылки на международные договоры и консультативные документы, содержащиеся на страницах 14-21 обращения, а также приведенные из них, равно как и из решений Европейского суда по правам человека по делам «Ашугян против Армении» от 17 июля 2008 года и «Мкртчян против Армении» от 11 июля 2007 года выдержки относятся к вопросам свободы организации и проведения собраний либо свободы участия в собраниях к аспекте status activus или status negativus, но не затрагивают элемент status libertatis voluntatis.

в собрании или в отказе от участия в собрании», являются уголовно-правовыми гарантиями конституционного условия свободы участия в собраниях.

б) В части криминализации создания материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании

64. Конституционный Суд, рассматривая статью 236 Кодекса не как проявление ограничения конституционного содержания основного права, являющегося предметом рассмотрения по настоящему делу, а как гарантию принципа «свободы», составляющего элемент конституционного содержания данного основного права, считает необходимым обратиться в данном контексте к вопросу о конституционных обязанностях публичной власти гарантировать закрепленные Конституцией основные права.

65. Конституционное закрепление права на свободу собраний предполагает как негативные (negative), так и позитивные (positive) обязанности публичной власти сделать его гарантированным, реальным и эффективным. Публичная власть обязана воздерживаться от вмешательства в процесс организации и проведения мирных собраний при отсутствии конституционно обоснованной мотивировки подобного вмешательства. Однако практическая реализация любого права, эффективность его осуществления требуют также позитивной, то есть активной роли государства. Если негативная обязанность государства в аспекте гарантирования свободы собраний сводится к определению пределов вмешательства публичной власти, то позитивная обязанность охватывает правовые, идеологические, институциональные, материальные и процедурные элементы и условия жизнеспособности данного права, призванные обеспечить предсказуемую и прозрачную идеологическую, правовую и административную (организационную) среду для его осуществления. Одним из ключевых элементов позитивной обязанности является защита участников собрания от вмешательства третьих лиц.

66. Таким образом, без эффективных законодательных механизмов и гарантий, обеспечивающих уважение и защиту основных прав, они превратятся в декларативные и практически неосуществимые права. При этом публичная власть в лице законодателя может предпочесть уголовно-правовой инструментарий гарантирования и защиты основных прав.

67. Конституционный Суд считает, что необходимость защиты всех аспектов свободы, являющихся неотъемлемой частью конституционного содержания права на участие в собраниях, и особенно свободы воли как конституционных ценностей, несомненно, является правовой аксиомой, поэтому, исходя из этой правовой логики, законодатель признал преступлением «воспрепятствование проведению собрания или участию в нем либо принуждение к участию

в собрании, а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании», а также в части 2 статьи 236 Кодекса «принуждение к участию в законном или незаконном собрании под угрозой применения насилия в отношении лица, его близкого родственника или близкого лица, уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо путем шантажа, а также создание материальной заинтересованности лица в участии в собрании или в отказе от участия в собрании» закреплено в качестве деяния, запрещенного под угрозой наказания.

68. Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд приходит к выводу, что установление правовой ответственности за деяния, посягающие на конституционные условия реализации основного права, не может рассматриваться как нарушение законодателем основного права. В то же время Конституционный Суд обращает внимание на то, что объективное основание криминализации, а именно необходимость уголовно-правовой защиты определенных конституционных ценностей, обусловлена также уровнем политико-правового сознания общества, степенью зрелости демократических институтов, социальными и экономическими особенностями, предшествующим политическим опытом и множеством других факторов.

69. В условиях недостаточного социально-экономического развития общества общественные отношения нередко характеризуются высоким уровнем материальной зависимости. В такой среде значительная часть членов общества, будучи социально необеспеченной, обладает более высокой уязвимостью перед внешними воздействиями, что может привести также к вовлечению в общественные и политические процессы посредством создания материальной заинтересованности. В этом контексте создание материальной заинтересованности в участии в собраниях или отказе от участия в них перестает быть «невинной» формой стимулирования и превращается в инструмент, способный подорвать сущность демократических институтов. В результате свобода собраний как форма автономного и свободного волеизъявления трансформируется в управляемое и искусственно стимулируемое «участие», что фактически подрывает подлинность публичного обсуждения.

70. В демократическом обществе участие в собраниях предполагает не принудительное, непосредственно оплачиваемое участие, а осознанное, самостоятельное и свободное волеизъявление. Когда участие обусловлено материальной заинтересованностью, происходит искажение воли, превращающее ее в предмет рыночного обмена, что является недопустимым. Данное явление объективно порождает ряд системных угроз, в том числе снижение легитимности общественных и политических процессов, поскольку выражаемое на собраниях общественное мнение перестает отражать реальные

настроения общества, лица, располагающие более значительными финансовыми ресурсами, приобретают несоразмерное влияние на процесс осуществления основного права, снижается уровень общественного доверия к публичным институтам.

71. В свете вышеизложенного Конституционный Суд приходит к выводу, что в случае создания материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании действительно существуют общественно опасные угрозы и риски, делающие уязвимым конституционный императив свободного волеизъявления. Общественно-политические процессы могут обусловливаться «финансовыми манипуляциями», которые в конечном итоге могут привести к утрате конституционной сущности и содержания свободы собраний. В этих условиях криминализация: (1) выступает не как ограничение права на участие в собраниях, а как средство гарантирования и сохранения его подлинного конституционного содержания; (2) направлена на преодоление тенденций, угрожающих конституционным основам государства, идущего по пути демократии, а именно коммерциализации общественно-политических процессов, эксплуатации социальной уязвимости и искажения сущности демократии; (3) преследует цель не ограничения или запрета участия в собраниях, а обеспечения подлинности такого участия, предотвращая превращение социально уязвимых групп в политический инструмент посредством материального вознаграждения.

72. Конституционный Суд, обращаясь в ранее выраженных правовых позициях к конституционно-правовому содержанию достоинства человека как высшей ценности[2] и принимая за основу фундаментальное положение Преамбулы Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому «права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства», пришел к выводу, что «(...) достоинство человека, являясь основой всех прав и свобод, предопределяет как содержание прав и свобод, так и пределы их осуществления» (Постановление Конституционного Суда ПКС-1612), а также что одним из ключевых элементов достоинства человека является «(...) избегание нравственных страданий, обусловленных индивидуальными особенностями» (Постановление Конституционного Суда ПКС-1121)[3]. В этом контек-

[2] См. Постановления Конституционного Суда ПКС-649 от 4 октября 2006 года, ПКС-913 от 14 сентября 2010 года, ПКС-1121 от 5 ноября 2013 года и ПКС-1612 от 5 октября 2021 года.

[3] Европейский суд по правам человека также обращался к вопросу раскрытия правового содержания достоинства человека. В частности, Суд отметил, что сформированное им право относительно статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в целом признает важное значение частной жизни и связанных с ней ценностей. К числу таких ценностей, помимо прочего, относятся психологическое благополучие и человеческое достоинство (Beizaras

сте, по оценке Конституционного Суда, вышеуказанные общественные опасности и угрозы посягают на закрепленный во втором предложении статьи 3 Конституции конституционный принцип, согласно которому «неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод», а также противоречат основополагающему положению статьи 23 Конституции – «достоинство человека не подлежит умалению».

73. Подводя итог вышеизложенному, Конституционный Суд считает, что установление частью 2 статьи 236 Уголовного кодекса уголовной ответственности за создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в нем вытекает из принципов провозглашенного статьей 1 Конституции демократического государства, а также из принципов неотчуждаемости и невозможности умаления достоинства человека, закрепленных статьями 3 и 23 Конституции, и призвано гарантировать право на свободное участие в мирных собраниях без оружия, установленное статьей 44 Конституции.

в) В части определенности уголовно-правовой формулировки «создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в нем»

74. Конституционный принцип правовой определенности посредством предъявления к правовым нормам требований четкости, доступности и предсказуемости является ключевой гарантией материализации в правовой системе идей верховенства права и правовой безопасности, вытекающих из основ конституционного строя правового государства, важность чего неоднократно подчеркивалось в постановлениях Конституционного Суда (Постановления от 18 апреля 2006 года ПКС-630, от 13 мая 2008 года ПКС-753, от 18 апреля 2014 года ПКС-1148, от 3 мая 2016 года ПКС-1270). В соответствии с правовыми позициями, сформулированными в указанных Постановлениях, позиции, разработанные созвучно принципу правовой определенности, выраженному в решениях Европейского суда по правам человека, требуют, чтобы соответствующие правовые нормы были сформулированы с достаточной степенью ясности и точности, что позволило бы адресатам скорректировать свое поведение в соответствии с ними и предвидеть правовые последствия, которые могут наступить в результате их действия.

75. Конституционный Суд считает необходимым отметить, что: (1) в реализации либо в отказе от реализации ряда конституционных прав и свобод существенную роль нередко играет материальный интерес или создание материальной заинтересованности, а в от-

and Levickas v. Lithuania, жалоба № 41288/15, 14.01.2020, окончательное решение от 14.05.2020, § 117), а также физическая и психическая неприкосновенность личности (Söderman v. Sweden, жалоба № 5786/08, 12.11.2013, § 80).

дельных политических и правовых процессах это зачастую является естественно и правомерно предполагаемым. Мирные собрания могут преследовать самые различные цели, включая выражение взглядов, предполагающих определенные материальные ожидания, защиту интересов и прав. Например, организатор собрания или проводящее собрание лицо может агитировать за участие в собрании либо за отказ от участия в нем, одновременно продвигая определенные материальные выгоды и интересы в качестве цели проведения собрания или ожидаемого от него результата; (2) с другой стороны, необходимо учитывать риски, возникающие вследствие возможного расширенного толкования, на что указывает Венецианская комиссия в своем Консультативном заключении CDL-AD(2025)037, отметив в пункте 25, что такие формы материально-технического (логистического) обеспечения, как транспортировка участников демонстрации, обеспечение их питанием и размещением либо возмещение расходов основных выступающих, являются стандартными процессами организации мирного собрания.

76. Конституционный Суд, оценивая в своем Постановлении от 29 апреля 2022 года ПКС-1646 конституционность уголовно-правовой формулировки с точки зрения принципа правовой определенности, констатировал: *«В то же время Конституционный Суд подчеркивает, что правовую определенность не следует абсолютизировать. Само по себе правовое регулирование не является проблематичным вследствие наличия оценочных понятий, в условиях чего задача восполнения объема определенности и миссия придания правовым положениям необходимого и достаточного для их применения содержания отведена правоприменителю».* В указанном Постановлении Конституционный Суд также пришел к выводу, что общий и оценочный характер терминов и формулировок, содержащихся в правовых положениях, не нарушает принцип правовой определенности, следовательно, *«(...) Содержание имеющих общий характер формулировок, содержащихся в оспариваемом положении, должно раскрываться в рамках правоприменительной практики с учетом каждого конкретного случая и его особенностей (...)».*

77. В этой связи устоявшуюся правовую позицию имеет также Европейский суд по правам человека, согласно которой, хотя определенность формулировок крайне желательна, в то же время необходимо избегать их чрезмерной жесткости - право должно быть способно адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. По этой самой причине часто в законах имеются термины, которые более или менее неопределенны. Их толкование и применение являются вопросами судебной практики (The Sunday Times v. the United Kingdom, Application no. 6538/74, 26.04.1979, §49).

78. Конституционный Суд констатирует, что законодательной формулировке состава преступления «создание материальной за-

интересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании» не присуща неопределенность, обусловленная неясностью и неточностью. Проблема заключается в ее оценочном характере, обусловленном абстрактностью формулировки, что, однако, не нарушает принцип правовой определенности. Надлежащим способом обеспечения требуемой для правовой определенности точности, предсказуемости и доступности содержащегося в части 2 статьи 236 Кодекса создания материальной заинтересованности как абстрактного правового положения, является его толкование и применение во взаимосвязи со всеми элементами состава преступления (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона).

79. Таким образом, задача надлежащего толкования понятия «создание материальной заинтересованности», используемого в законодательной формулировке состава преступления «создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании», и обусловленный этим вопрос наличия или отсутствия преступного деяния, исходя из сопоставительного анализа всех фактических обстоятельств данного дела, находится в сфере оценки правоприменительной практики, то есть органа, осуществляющего производство по делу, в том числе трехступенчатой судебной системы. Правоприменительные и судебные органы должны руководствоваться императивом формирования единой практики применения оспариваемого положения, что будет способствовать повышению правовой предсказуемости и уточнению пределов усмотрения при оценке абстрактных понятий.

80. *«Даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Необходимость разъяснения правовых положений и приведения их в соответствие с изменяющимися обстоятельствами – развивающимися общественными отношениями - существует всегда. Следовательно, определенность и четкость законодательных регулирований не могут быть абсолютизированы – даже недостаточная четкость может быть восполнена толкованиями суда»* (Постановление Конституционного Суда от 3 мая 2016 года ПКС-1270).

81. Следовательно, Конституционный Суд считает, что правовая определенность является конституционным критерием, к которому должны постоянно стремиться не только правотворческие органы (законодатель), но и правоприменительная практика, толковательные правовые позиции которой в рамках каждого состава преступления должны строиться на вытекающих из конституционного принципа правовой определенности четких методологических основах оценки и толкования законодательной характеристики преступного деяния, обеспечивая в первую очередь соблюдение и защиту основополагающих прав и свобод человека.

82. Конституционный Суд считает необходимым отметить, что **«создание материальной заинтересованности»** не может квалифицироваться как правомерная материальная выгода, ожидаемая от преследуемых проведением собрания целей и результатов, а также необходимые в ходе подготовки и проведения собрания организационные расходы. Субъекты применения права обязаны ограничивать являющуюся предметом рассмотрения формулировку только таким поведением, которое оказывает влияние на формирование воли лица и тем самым нарушает свободу волеизъявления индивида при принятии решения, превращая участие в собрании либо отказ от участия в нем в фактически «купленное» поведение.

83. Правоприменительная практика должна руководствоваться такой логикой, что не всякий материальный стимул является уголовно запрещенным, а лишь тот, который: (1) может повлиять на выбор поведения; (2) охватывается умыслом, направленным на создание материальной заинтересованности с целью формирования воли участника относительно участия в собрании либо отказа от участия в нем, нарушая принцип свободы принятия такого решения.

84. Следовательно, организационные и текущие расходы, связанные с участием в собрании, которые целенаправленно не обусловливают участие лица в собрании, фактически не нарушают свободу его волеизъявления относительно участия в таком собрании и не могут рассматриваться как «создание материальной заинтересованности в участии в собрании либо в отказе от участия в собрании» по смыслу части 2 статьи 236 Кодекса. В объективной стороне указанного преступного деяния «создание материальной заинтересованности» имеет место лишь в том случае, когда материальный стимул по своему характеру и интенсивности может оказать влияние на свободную волю лица.

По результатам абстрактного контроля соответствия Конституции, в рамках представленных Заявителем обоснований, исходя из результатов рассмотрения дела и на основании пункта 1 статьи 168, пункта 2 части 1 статьи 169, частей 1 и 5 статьи 170 Конституции, а также статей 63, 64 и 68 Конституционного закона «О Конституционном Суде», Конституционный Суд

ПОСТАНОВИЛ:

1. Положение части 2 статьи 236 Уголовного кодекса Республики Армения «а также создание материальной заинтересованности в участии в собрании или в отказе от участия в собрании» соответствует Конституции.

2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ **А. ДИЛАНЯН**

29 апреля 2026 года
ПКС-1826

Постановления Конституционного Суда Республики Армения, принятые в I полугодии 2026 года:

1. От 16 января 2026 г. ПКС – 1811 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Кредитном соглашении между Республикой Армения и Международным банком реконструкции и развития по Программе развития туризма и региональной инфраструктуры Армении
https://concourt.am/decision/resume/697092854311e_1811.pdf

2. От 3 февраля 2026 г. ПКС – 1812 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном 27 июня 2025 года в Минске Соглашении об экономическом партнерстве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Объединенными Арабскими Эмиратами, с другой стороны
https://www.concourt.am/decision/resume/6992beafe4558_1812.pdf

3. От 3 февраля 2026 г. ПКС– 1813 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном 30 июня 2025 года Рамочном соглашении о присоединении к Международному альянсу по защите больших кошек
https://www.concourt.am/decision/resume/6992bebb5b89e_1813.pdf

4. От 3 февраля 2026 г. ПКС – 1814 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанной 18 сентября 2014 года в Маглингене/Маколинуме Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями
https://concourt.am/decision/resume/6992bec821fa5_1814.pdf

5. От 3 февраля 2026 г. ПКС – 1815 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Кредитном соглашении между Республикой Армения и Международным банком реконструкции и развития «Программа улучшения ирригационных услуг и водоснабжения в Армении: Этап 1»
https://www.concourt.am/decision/resume/6992bed85e048_1815.pdf

6. От 24 февраля 2026 г. ПКС – 1816 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном Обязательства, закрепленные в подписанном 19 сентября 2025 года между Республикой Армения и Европейским банком реконструкции и развития Кредитном соглашении «Ереванский таможенный и логистический центр»

https://www.concourt.am/decision/resume/69a53d03db0ca_1816.pdf

7. От 24 февраля 2026 г. ПКС – 1817 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Нагойском протоколе регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии ООН

https://concourt.am/decision/resume/69a53da382ab3_1817.pdf

8. От 24 февраля 2026 г. ПКС – 1818 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Соглашении между Правительствами Исламской Республики Иран, Султаната Оман, Государства Катар, Туркменистана и Республики Узбекистан о создании международного транспортного и транзитного коридора (Ашхабадское соглашение) и в являющемся его неотъемлемой частью Меморандуме о взаимопонимании между Правительствами Исламской Республики Иран, Султаната Оман, Государства Катар, Туркменистана и Республики Узбекистан по реализации Соглашения о создании международного транспортного и транзитного коридора

https://concourt.am/decision/resume/69a53ddb63afa_1818.pdf

9. От 12 марта 2026 г. ПКС – 1819 по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта «в» статьи 17, части 2.1 статьи 27, частей 1-3 статьи 52.1 закона «Об энергетике» и части 9 статьи 36 закона «Об органе по регулированию общественных услуг» на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания Республики Армения

https://concourt.am/decision/resume/69cccc7b28ebe_1819.pdf

10. От 17 марта 2026 г. ПКС – 1820 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Дополнении к подписанному 14 октября 2014 года Многостороннему соглашению компетентных органов об автоматическом обмене информацией о финансовых счетах

https://www.concourt.am/decision/resume/69cccca1f3351_1820.pdf

11. От 17 марта 2026 г. ПКС – 1821 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном 26 мая 2025 года Протоколе о внесении изменений

и дополнений в Соглашение от 28 мая 2018 года между Правительством Республики Армения и Правительством Республики Франция о создании и деятельности Французского агентства развития (FDA) и Общества содействия и участия для экономического сотрудничества (PROPARCO) в Армении

https://concourt.am/decision/resume/69ccccca7b1e6_1821.pdf

12. От 24 марта 2026 г. ПКС – 1822 по делу об определении вопроса соответствия Конституции пункта 3, пункта 8 части 1 статьи 5 (в части контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или в общинных учреждениях), части 3 статьи 7 (в части осуществления контрольных функций в сферах, подлежащих контролю со стороны органов местного самоуправления) закона «О государственной контрольной службе» и части 6 статьи 95 закона «О местном самоуправлении» (в части осуществления контроля за соблюдением требований законодательства, регламентирующего процесс закупок в органах местного самоуправления или в общинных организациях, в порядке, установленном законом «О государственной контрольной службе») на основании обращения мэра города Еревана

https://concourt.am/decision/resume/69ccccecc4d48_1822.pdf

13. От 1 апреля 2026 г. ПКС – 1823 по делу об определении вопроса соответствия Конституции предложения, представленного Президенту Республики в Решении Высшего Судебного Совета от 12 марта 2026 года номер БДХ-27-О-24, на основании обращения Президента Республики

https://concourt.am/decision/resume/69d7993ff094b_1823.pdf

14. От 21 апреля 2026 г. ПКС – 1824 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанной 3 июля 2016 года в Сен-Дени Конвенции Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей

https://concourt.am/decision/resume/69e8a944a2554_1824.pdf

15. От 28 апреля 2026 г. ПКС – 1825 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Рамочном соглашении номер CAM 1029 между Республикой Армения и Французским агентством развития о предоставлении неподтвержденной кредитной линии

https://concourt.am/decision/resume/69f35a9fd4884_1825.pdf

16. От 29 апреля 2026 г. ПКС – 1826 по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 236 Уголовного кодекса РА на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального собрания

https://concourt.am/decision/full_text/6a4f80709888a_1826.pdf

17. От 6 мая 2026 г. ПКС – 1827 по делу об определении вопроса соответствия Конституции статьи 22 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения с учетом данного ей в правоприменительной практике толкования на основании обращения Армине Тер-Аветисян

https://concourt.am/decision/resume/6a01859ae163d_1827.pdf

18. От 19 мая 2026 г. ПКС – 1828 по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 1 статьи 361 Гражданского процессуального кодекса РА на основании обращения Сержа Йовнаняна

https://concourt.am/decision/resume/6a10532a3ff42_1828.pdf

19. От 26 мая 2026 г. ПКС – 1829 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных Конвенции ЮНЕСКО 2001 года об охране подводного культурного наследия https://concourt.am/decision/resume/6a16dafdab633_1829.pdf

20. От 26 мая 2026 г. ПКС – 1830 по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 3 статьи 237 Гражданского процессуального кодекса РА с учетом данного ей в правоприменительной практике толкования на основании обращения Арамануш Арутюнян

https://concourt.am/decision/resume/6a1d446699b3f_1830.pdf

21. От 16 июня 2026 г. ПКС – 1831 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в Уставе Азиатского альянса культурного наследия

https://concourt.am/decision/resume/6a34d8f148782_1831r.pdf

22. От 16 июня 2026 г. ПКС – 1833 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном 21 ноября 2025 года Соглашении между Правительством Республики Армения и Правительством Республики Казахстан о взаимном предоставлении земельных участков для строительства зданий дипломатических представительств Республики Армения в Республике Казахстан и Республики Казахстан в Республике Армения

https://concourt.am/decision/resume/6a34d9115b81b_1833r.pdf

23. От 16 июня 2026 г. ПКС – 1834 по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 123 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения постольку, поскольку не предусматривает процедуру объединения в одно производство взаимосвязанных дел, находящихся в производстве разных судей суда общей юрисдикции первой инстанции, на основании обращения Кнарик Саакян

https://concourt.am/decision/resume/6a34d93545a35_1834r.pdf

24. От 4 июля 2026 г. ПКС – 1835 по делу об определении вопроса соответствия Конституции части 2 статьи 15 закона РА «О закуп-

ках» на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА

https://concourt.am/decision/resume/6a50c39a78435_1835r.pdf

25. От 7 июля 2026 г. ПКС – 1836 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном 21 декабря 2025 года в Санкт-Петербурге Соглашении о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Индонезия, с другой стороны

https://concourt.am/decision/resume/6a50c3bf2d601_1836r.pdf

26. От 28 июля 2026 г. ПКС – 1837 по делу об определении вопроса соответствия Конституции обязательств, закрепленных в подписанном 10 октября 2025 года в Душанбе Договоре о порядке организации и проведения международной контролируемой поставки компетентными органами государств-участников Содружества Независимых Государств

https://concourt.am/decision/resume/6a6c5d3b4ad84_1837r.pdf

Республика Беларусь

РЕЗЮМЕ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ от 12 марта 2026 года № ПР-9/2026 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»

Конституционный Суд рассмотрел в судебном заседании вопрос о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь. Руководствуясь статьями 22 и 24 Кодекса о судоустройстве и статусе судей, статьями 174–176 Закона «О конституционном судопроизводстве», Конституционный Суд принял Послание Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь», в котором на основании системного анализа законодательства, документов программно-стратегического характера, рассмотренных дел и материалов пришел к следующим выводам и предложениям по совершенствованию правовой системы государства и деятельности государственных органов.

1. Деятельность государственных органов свидетельствует об утверждении в нормотворческой и правоприменительной практике верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь, о соблюдении надлежащего баланса властных функций органов государственной власти во исполнение конституционного принципа разделения властей.

Конституционный Суд констатирует, что должный режим конституционной законности обеспечивается всеми субъектами конституционных отношений, которые действуют в соответствии со своими конституционными полномочиями, поддерживая конституционный правопорядок в стране. Признанные неконституционными правовые нормы, а также выявленные конституционно значимые пробелы в законодательном регулировании общественных отношений являются единичными, что свидетельствует об отсутствии системной несогласованности законодательных норм и Конституции. Законодательное регулирование в Республике Беларусь в должной мере обеспечивает реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина.

2. Конституционный Суд обращает внимание государственных органов и граждан на то, что незыблемость конституционного строя в политико-правовой системе Республики Беларусь выступает определяющим условием поступательного развития государства и общества и достижения основополагающих конституционных целей: утверждения прав и свобод человека и гражданина, устоев правового государства и социально справедливого общества, уста-

новления мира и гражданского согласия, благополучия граждан, народовластия, независимости и процветания Республики Беларусь. Обеспечение незыблемости конституционного строя является важнейшей функцией всех государственных органов, а его защита всеми доступными средствами – главной задачей их деятельности и обязанностью каждого гражданина.

Основы идеологии белорусского государства, утвержденные Директивой Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12, являются руководством к действию для всех государственных органов и организаций при реализации ими своих полномочий. Конституционный Суд рассматривает Основы идеологии белорусского государства как программный политико-правовой документ, который аккумулирует многовековой опыт духовного, социального, политического и экономического развития народа Беларуси, устанавливает морально-нравственные императивы формирования белорусского общества как объединения свободных и равных в своих правах граждан, а также определяет мировоззренческий базис поступательного развития Республики Беларусь как суверенного демократического социального правового государства на долговременную перспективу. В этом качестве Основы идеологии белорусского государства содержательно развивают положения Конституции.

3. Сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны является особым направлением государственной политики, призванным обеспечить гражданское согласие, единство народа, социальный мир и солидарность белорусского общества. Наряду с этим сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь.

Конституционный Суд отмечает, что уровень общественного сознания и правовой культуры, созидательная творческая активность граждан Беларуси свидетельствуют об эффективной деятельности государственных и общественных институтов по формированию объективных исторических знаний, сохранению исторической правды и памяти в целях воспитания конституционного патриотизма.

Конституционный Суд считает, что для выработки и поддержания в обществе иммунитета к попыткам искажения и фальсификации исторической правды требуется организация дальнейшей системной работы по сохранению и популяризации знаний об истории нашей страны во взаимодействии с институтом семьи, учреждениями образования, государственными органами, научными и общественными организациями, средствами массовой информации,

гражданами. Юридическими средствами противодействия искажению исторической правды служат законы Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», «О недопущении реабилитации нацизма», которые следует рассматривать как политико-правовые скрепы общественного согласия и устойчивости государства.

4. Развитие белорусского конституционализма идет по пути неуклонного расширения демократических форм участия граждан в управлении делами государства и общества. Значимой вехой конституционного развития Республики Беларусь является придание конституционного статуса Всебелорусскому народному собранию – высшему представительному органу народовластия Республики Беларусь, определяющему стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающему незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

19 декабря 2025 г. Всебелорусское народное собрание, реализуя свои конституционные полномочия, утвердило Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы. Конституционный Суд отмечает, что в центре Программы социально-экономического развития находится человек, его права и свободы. Соответственно, при разработке нормативных правовых актов во исполнение указанной Программы уполномоченным государственным органам необходимо руководствоваться конституционными нормами, закрепляющими права и свободы личности как высшие ценности и цели общества и государства и устанавливающими гарантии их реализации.

5. Современная международная обстановка стремительно осложняется новыми геополитическими вызовами и угрозами. В мире перманентно возникают масштабные военные и иные конфликты, разрушаются основы международного правопорядка, нивелируется роль международного права.

Республика Беларусь, стоявшая у истоков образования Организации Объединенных Наций, на конституционном уровне признала приоритет общепризнанных принципов международного права и взяла на себя обязательство обеспечивать соответствие национального законодательства указанным принципам. Такой подход способствует поддержанию международного правопорядка и, по мнению Конституционного Суда, содействует всестороннему укреплению международного права как универсального регулятора международных отношений.

В указанном контексте Конституционный Суд отмечает значимость активного участия Республики Беларусь в развитии международно-правовых механизмов обеспечения мира и безопасности, в выработке на международном уровне консолидированных под-

ходов к соблюдению общепризнанных принципов международного права и укреплению роли императивных норм международного права. Конституционный Суд обращает внимание на безусловную важность мирных средств урегулирования международных споров, исключения из международной практики применения силы или угрозы силой и любых форм вмешательства во внутренние дела государств, какими бы причинами и целями такое вмешательство ни оправдывалось.

6. Статья 51 Конституции, обязывающая государство содействовать развитию научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов, определяет базовые условия современного развития, в том числе цифровизации общественных отношений и внедрения технологий искусственного интеллекта в жизнедеятельность государства, общества и граждан.

В развитие данного конституционного положения Конституционный Суд отмечает, что правовое регулирование цифровой сферы должно осуществляться на основе принципов соблюдения прав и свобод, уважения достоинства личности, безопасности инноваций для человека и окружающей среды, обеспечения режима «цифровой гигиены», запрета на изменение цифровыми технологиями социально-биологической природы человека и на манипулирование человеческим сознанием, комплексной и системной защиты персональных данных от противоправного использования, обеспечения кибербезопасности и информационного суверенитета Республики Беларусь.

Конституционный Суд констатирует, что фактически сложившиеся общественные отношения в цифровой сфере значительно опережают нормативно-правовое регулирование, создавая предпосылки для возникновения пробелов, противоречий, несовершенства законодательства, имеющих прямое отношение к защите гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина. Данные обстоятельства требуют адаптации нормотворчества и правоприменения к новым социально-экономическим реалиям в целях достижения баланса между развитием инновационных технологий и защитой гарантированных прав и свобод человека и гражданина.

7. В качестве судебного органа конституционного контроля Конституционный Суд осуществляет особые конституционно значимые функции, обеспечивая конституционную законность и конституционный правопорядок посредством конституционного судопроизводства.

С учетом практики конституционного судопроизводства Конституционный Суд полагает, что в Закон «О конституционном судопроизводстве» требуется внести изменения, направленные на оптимизацию критериев допустимости конституционных жалоб в части

исчерпания всех других средств судебной защиты, определяющие в целях восстановления нарушенных прав граждан правовые последствия выявления конституционно значимых пробелов и правовой неопределенности в правовых предписаниях, устанавливающие правовые механизмы надлежащего исполнения заключений и решений Конституционного Суда. Данные законодательные новеллы будут способствовать повышению эффективности конституционного контроля и укреплению правового режима конституционной законности.

8. Предоставление гражданам эффективной судебной защиты их прав и законных интересов обеспечивается вынесением законного, обоснованного и справедливого судебного постановления по делу, что связано в том числе с разрешением вопроса о конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении дела.

Направление в Конституционный Суд судами общей юрисдикции запросов о проверке конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении судом конкретного дела на любой стадии судопроизводства, служит дополнительной государственной гарантией реальной защиты конституционных прав и свобод личности, является действенным инструментом воплощения принципа верховенства Конституции в правоприменительной практике и в целом способствует укреплению конституционной законности.

В целях дальнейшей конституционализации правоприменения представляется необходимой действенная реализация прокурорами права на заявление ходатайства о проверке конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению в конкретном деле, как лицами, уполномоченными обеспечивать верховенство права, законность и правопорядок, защищать права и законные интересы граждан.

9. Неуклонное соблюдение в жизни общества и государства правового режима конституционной законности, при котором государство, все его органы, должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства, неизбежно влечет установление конституционного правопорядка как системы общественных отношений, основанных на верховенстве Конституции, гарантированном обеспечении конституционных прав и свобод личности, полноте народовластия. Поддержание устойчивого конституционного правопорядка – ключевое условие поступательного развития государства и общества, достижения гражданского согласия и народного единства, благополучия и высокого качества жизни граждан, незыблемости конституционного строя, независимости и процветания Республики Беларусь.

РЕЗЮМЕ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ от 26 мая 2026 года № Р-1311/2026 «О конституционности подпункта 14.3 пункта 14 статьи 731, подпункта 1.10 пункта 1 статьи 213, абзаца первого и подпункта 7.1 пункта 7 статьи 214 Налогового кодекса Республики Беларусь по жалобе гражданина Стонько Виктора Ивановича»

Дело о проверке конституционности подпункта 14.3 пункта 14 статьи 73^1 и подпункта 1.10 пункта 1 статьи 213 (в редакции Закона Республики Беларусь от 31декабря 2021 г. № 141-З), абзаца первого и подпункта 7.1 пункта 7 статьи 214 (в редакции Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 230-З) Налогового кодекса рассмотрено по конституционной жалобе гражданина Стонько В.И.

По мнению заявителя, обжалуемые нормы Налогового кодекса не соответствуют статьям 7, 13, 44, 56 и другим Конституции в той мере, в какой они допускают в случае проведения камеральной проверки соответствия расходов доходам физического лица возложение на него обязанности по уплате подоходного налога от суммы превышения расходов над доходами по ставкам, установленным не на дату фактического получения дохода, а на дату составления акта камеральной проверки.

По результатам рассмотрения и разрешения данного дела Конституционный Суд признал указанные нормы Налогового кодекса в их взаимосвязи соответствующими Конституции Республики Беларусь.

Конституционный Суд в принятом решении пришел к следующим выводам.

Обжалуемые нормы не распространяют свое действие на прошлые налоговые или отчетные периоды, а применяются со дня составления акта камеральной проверки, то есть с момента наступления события, которое произошло уже после вступления в силу норм, касающихся определения механизма проведения камеральной проверки, и которое породило новые правоотношения. При этом установление Налоговым кодексом повышенных налоговых ставок при выявлении превышения расходов над доходами заключается в том, чтобы обеспечить на момент завершения камеральной проверки выполнение ранее нарушенного налогового обязательства физическим лицом (плательщиком налогов) с учетом издержек, возникших у государства и общества.

Рассматриваемое правовое регулирование, определяющее порядок проведения камеральной проверки соответствия расходов доходам физического лица, направлено на предупреждение злоупотреблений со стороны недобросовестных плательщиков налогов

и на противодействие незаконному сокрытию доходов. В этой связи обжалуемые нормы Налогового кодекса не могут рассматриваться как создающие правовую неопределенность и, соответственно, не могут быть признаны нарушающими конституционные права заявителя.

Исходя из конституционно-правового смысла обжалуемых норм Налогового кодекса, Конституционный Суд полагает, что во взаимосвязи с пунктом 7 статьи 3 Налогового кодекса и статьей 66 Закона «О нормативных правовых актах» обжалуемые заявителем нормы отвечают конституционным принципам верховенства права, равенства всех перед законом, справедливости, соразмерности ограничения прав; конституционному требованию законного установления налогов; конституционной обязанности граждан Республики Беларусь уплачивать налоги, пошлины и иные платежи; конституционной гарантии не быть понужденным к исполнению обязанностей, не предусмотренных Конституцией и законами, что соответствует частям первой и третьей статьи 7, частям второй, третьей и четвертой статьи 13, статье 22, части первой статьи 23, части третьей статьи 44, статьям 56 и 58 Конституции.

Дело по конституционной жалобе Стонько В.И. рассмотрено и разрешено с использованием письменной формы конституционного судопроизводства с участием в судебном заседании полномочных представителей государственных органов в Конституционном Суде.

Республика Казахстан

РЕЗЮМЕ
НОРМАТИВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
от 8 июня 2026 года № 81-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 2) части первой и абзаца третьего части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года»

Конституционный Суд рассмотрел обращение гражданина о проверке на соответствие Конституции положения статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан, устанавливающего годичный срок обращения в суд по трудовым спорам. Поводом для обращения стало применение данной нормы судами при рассмотрении иска о взыскании оплаты за сверхурочную работу, вследствие чего требования заявителя были удовлетворены лишь за один год ввиду пропуска предусмотренного законом срока обращения в суд.

По мнению субъекта обращения, установленный Трудовым кодексом годичный срок обращения в суд по требованиям о взыскании заработной платы и иных выплат, связанных с оплатой труда, нарушает конституционные гарантии права на судебную защиту, вознаграждение за труд, защиту собственности и принцип равенства перед законом и судом. Заявитель указал, что по сравнению с общим трехлетним сроком исковой давности, предусмотренным гражданским законодательством, сокращенный срок необоснованно ограничивает возможность работников защищать свои имущественные права.

По результатам проверки Конституционный Суд отметил, что право на судебную защиту, право на вознаграждение за труд и гарантии защиты собственности относятся к числу фундаментальных конституционных ценностей. Законодатель вправе устанавливать специальные сроки обращения в суд по отдельным категориям споров, однако такие сроки должны быть объективно оправданными, соразмерными и не создавать необоснованных препятствий для эффективной защиты нарушенных прав работников.

Конституционный Суд указал, что срок обращения в суд и срок исковой давности являются взаимосвязанными, но самостоятельными правовыми институтами. Годичный срок обращения в суд, установленный Трудовым кодексом, регулирует процессуальный порядок обращения за судебной защитой, тогда как общий трехлетний срок исковой давности, предусмотренный Гражданским кодексом, определяет период, в пределах которого может быть удовлетворено имущественное требование. Отождествление этих инсти-

тутов способно привести к необоснованному ограничению права работников на получение причитающейся им заработной платы и иных обязательных выплат.

Конституционный Суд подчеркнул, что требования о выплате заработной платы, включая оплату сверхурочной работы, имеют особую правовую природу, поскольку связаны с реализацией конституционного права на вознаграждение за труд и нередко обусловлены длящимся нарушением работодателем своих обязанностей. Работник зачастую не располагает полной информацией о порядке начисления и размере причитающихся выплат, что требует предоставления ему реальной возможности для судебной защиты имущественных прав. В связи с этим положение статьи 160 Трудового кодекса не может толковаться как исключающее возможность применения общего трехлетнего срока исковой давности к требованиям о взыскании заработной платы и иных обязательных выплат, связанных с оплатой труда.

Конституционный Суд также отметил необходимость совершенствования трудового законодательства в части дифференциации сроков обращения в суд по различным категориям трудовых споров. Особое регулирование должно быть предусмотрено для требований о взыскании заработной платы и иных обязательных выплат, поскольку данные требования непосредственно затрагивают конституционные гарантии права на труд и являются основным источником существования работника.

На основании изложенного Конституционный Суд признал подпункт 2) части первой и абзац третий части пятой статьи 160 Трудового кодекса соответствующими Конституции Республики Казахстан в истолковании, согласно которому годичный срок обращения в суд не препятствует реализации права работника на судебную защиту по требованиям о взыскании заработной платы и иных обязательных выплат, связанных с оплатой труда, включая оплату сверхурочной работы, в пределах общего трехлетнего срока исковой давности, установленного гражданским законодательством. Одновременно Правительству Республики Казахстан рекомендовано в течение одного года инициировать внесение изменений в Трудовой кодекс, предусматривающих выделение данной категории трудовых споров и установление разумного срока обращения работников в суд.

РЕЗЮМЕ
НОРМАТИВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
от 9 июня 2026 года № 83-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 1-2 статьи 41-1 Закона Республики Казахстан от 5 июля 2004 года «О связи»

Конституционный Суд рассмотрел обращение гражданина о проверке на соответствие Конституции пункта 1-2 статьи 41-1 Закона Республики Казахстан «О связи».

Согласно оспариваемой гражданином норме Закона в случаях, не терпящих отлагательств и могущих привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, подготавливаемых и совершаемых преступной группой, Председатель Комитета национальной безопасности, его заместители или начальники территориальных органов либо лица, их замещающие, вправе приостанавливать работу сетей и (или) средств связи, оказание услуг связи, доступ к интернет-ресурсам и (или) размещенной на них информации в интересах всех субъектов оперативно-розыскной деятельности с последующим уведомлением уполномоченных органов в областях связи, масс-медиа и Генеральной прокуратуры в течение двадцати четырех часов. Порядок принятия этих мер определяется совместным нормативным правовым актом субъектов оперативно-розыскной деятельности и уполномоченных органов в областях связи, масс-медиа по согласованию с Генеральной прокуратурой.

В ночь с 4 на 5 января 2022 года в г. Алматы у заявителя отсутствовал доступ к услугам связи и Интернету. По его мнению, данные ограничения были введены незаконно, поскольку противоречили положениям Указа Президента Республики Казахстан от 5 января 2022 года № 725 «О введении чрезвычайного положения в городе Алматы».

По мнению заявителя, оспариваемая норма нарушает его конституционные права на свободу слова и творчества, свободное получение и распространение информации любым, не запрещенным законом способом, ознакомление с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации, а также препятствует реализации права каждого на судебную защиту.

Суды всех трех инстанций отказали заявителю в удовлетворении его исков и жалоб.

По результатам рассмотрения обращения Конституционный Суд отметил следующее.

Возможность ограничения права на получение и распространение информации, а также права на ознакомление с документами,

решениями и источниками информации прямо предусмотрена пунктом 3 статьи 39 Конституции и общепризнанными международными правовыми нормами в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

Ограничения, предусмотренные оспариваемой субъектом обращения нормой, Конституционный Суд считает допустимыми, поскольку они установлены законом, преследуют конституционно значимые цели, являются необходимыми и соразмерными для защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, достижения законной цели с использованием минимальных ограничительных средств.

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд не усмотрел противоречия пункта 1-2 статьи 41-1 Закона «О связи» с положениями Конституции, указав, что предусмотренные законом ограничения направлены не на произвольное ограничение права свободного получения информации, а на защиту конституционного строя, охрану общественного порядка, прав и свобод человека, жизни и здоровья граждан. Данная мера носит временный характер и применяется для оперативного предотвращения или пресечения противоправных действий, не лишая человека права на свободное получение и распространение информации, гарантированного Конституцией.

Вместе с тем Конституционный Суд отметил, что оценочное понятие «могущих привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений», содержащееся в пункте 1-2 статьи 41-1 Закона «О связи», не раскрывает степени вероятности наступления таких преступлений, не содержит критериев для объективной оценки угрозы их совершения. Понятие «в случаях, не терпящих отлагательств» не до конца позволяет определить, какой уровень угрозы считается достаточным и какая причинно-следственная связь должна быть между ограничением связи и предотвращением или пресечением преступления.

Таким образом, орган конституционного контроля рекомендовал Правительству рассмотреть вопрос о совершенствовании законодательства в области связи с учетом правовых позиций Конституционного Суда, изложенных в нормативном постановлении.

РЕЗЮМЕ
НОРМАТИВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
от 12 июня 2026 года № 87-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 1 постановления акимата города Алматы от 8 апреля 2016 года № 2/122 «Об ограничении въезда транспортных средств на отдельных территориях города Алматы»

Конституционный Суд рассмотрел обращение гражданки о проверке на соответствие Конституции пункта 1 постановления акимата города Алматы от 8 апреля 2016 года № 2/122, которым ограничен въезд транспортных средств на территорию особо охраняемой природной зоны урочища «Шымбулак», за исключением электромобилей, а также специальной техники и транспортных средств коммунальных, оперативных и экстренных служб.

По мнению субъекта обращения, установленное ограничение нарушает ее конституционные права на свободу передвижения, равенство перед законом и право собственности. Заявитель проживает в урочище «Туюксу», доступ к которому возможен только через территорию урочища «Шымбулак». При этом использование электромобиля в условиях горной местности фактически невозможно, вследствие чего запрет на въезд автомобилей с двигателями внутреннего сгорания лишает ее возможности беспрепятственно пользоваться принадлежащим ей жилым домом.

По результатам проверки Конституционный Суд указал, что охрана окружающей среды и особо охраняемых природных территорий является конституционно значимой целью, а государство вправе устанавливать ограничения, направленные на обеспечение экологической безопасности и снижение негативного воздействия на окружающую среду. Вместе с тем любые ограничения конституционных прав должны вводиться исключительно законом либо уполномоченным законом государственным органом, отвечать требованиям правовой определенности, необходимости и соразмерности.

Конституционный Суд отметил, что законодательством действительно предусмотрена возможность ограничения въезда транспортных средств на отдельные территории в экологических целях. Однако Экологический кодекс прямо относит полномочия по введению таких ограничений к компетенции местных представительных органов (маслихатов), а не местных исполнительных органов. Следовательно, акимат города Алматы не был наделен законом полномочием самостоятельно устанавливать подобные ограничения посредством принятия нормативного правового акта.

Конституционный Суд также проанализировал нормы законодательства, регулирующие деятельность акиматов в сфере охраны окружающей среды, особо охраняемых природных территорий и дорожного движения, и пришел к выводу, что они предусматривают участие акиматов в реализации государственной экологической политики и исполнении установленных законом ограничений, однако не предоставляют им права самостоятельно вводить новые ограничения конституционных прав граждан нормативными правовыми актами.

Кроме того, Конституционный Суд подчеркнул, что право свободного передвижения и право собственности, включая возможность беспрепятственного доступа к принадлежащему лицу жилищу, могут ограничиваться лишь при соблюдении требований статьи 39 Конституции. Несмотря на то, что ограничение движения транспортных средств на особо охраняемых природных территориях преследует легитимную цель охраны окружающей среды, оно должно обеспечивать справедливый баланс между публичными интересами и правами граждан. В рассматриваемом случае применение оспариваемой нормы к лицам, для которых проезд через урочище «Шымбулак» является единственным способом доступа к месту проживания, фактически затрудняет реализацию права пользования жилищем и права на свободное передвижение, что свидетельствует о несоблюдении принципа соразмерности.

На основании изложенного Конституционный Суд признал не соответствующим Конституции Республики Казахстан пункт 1 постановления акимата города Алматы от 8 апреля 2016 года №2/122 «Об ограничении въезда транспортных средств на отдельных территориях города Алматы», поскольку он принят государственным органом вне пределов предоставленной законом компетенции и устанавливает ограничение конституционных прав с нарушением требований статьи 39 Конституции.

РЕЗЮМЕ
НОРМАТИВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
от 12 июня 2026 года № 88-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан абзацев первого и второго части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года и статьи 455 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года»

Конституционный Суд рассмотрел обращения граждан С. и Г.А.М. о проверке на соответствие Конституции абзацев первого и второго части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан (далее – Трудовой кодекс), устанавливающих трехмесячный срок обращения в суд по спорам о восстановлении на работе для отдельных категорий работников, а также статьи 455 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – ГПК), регулирующей основания пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

По мнению субъектов обращения, оспариваемые положения Трудового кодекса необоснованно ограничивают право на судебную защиту, устанавливая сокращенный срок обращения в суд по делам о восстановлении на работе для работников, имеющих право обращаться непосредственно в суд без прохождения согласительной комиссии. Кроме того, заявители указали, что статья 455 ГПК не предусматривает возможности пересмотра судебного решения в случаях, когда после его вступления в законную силу другим судебным актом установлены обстоятельства, опровергающие фактические основания ранее принятого решения, что препятствует эффективному восстановлению нарушенных прав.

По результатам проверки Конституционный Суд отметил, что право на судебную защиту и право на труд относятся к числу фундаментальных конституционных гарантий. Законодатель вправе устанавливать процессуальные сроки обращения в суд, однако такие ограничения должны иметь объективное и разумное обоснование, отвечать требованиям справедливости, соразмерности и не создавать чрезмерных препятствий для восстановления нарушенных прав.

Конституционный Суд указал, что споры о восстановлении на работе затрагивают наиболее значимые социальные права работника, поскольку увольнение влечет утрату источника дохода, профессионального статуса и социальных гарантий. Вместе с тем законодатель установил для отдельных категорий работников трехмесячный срок обращения в суд, тогда как по другим трудо-

вым спорам действует годичный срок. Суд пришел к выводу, что такая дифференциация не обусловлена характером служебных ограничений и не имеет достаточного конституционно значимого обоснования. Особенно это касается сотрудников правоохранительных органов и иных лиц, которые обращаются в суд уже после прекращения службы, когда специальные ограничения, связанные с исполнением должностных обязанностей, утрачивают свое значение.

Конституционный Суд также проанализировал регулирование пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам. Суд отметил, что часть первая статьи 455 ГПК закрепляет общий принцип пересмотра судебных актов при наличии юридических фактов, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела, однако части вторая и третья данной статьи содержат исчерпывающий перечень оснований такого пересмотра. В результате лицо лишается возможности добиться пересмотра судебного решения, если после его вступления в законную силу другим судебным актом установлены обстоятельства, опровергающие фактические основания первоначального решения. Подобное регулирование не обеспечивает в полной мере реализацию права на эффективную судебную защиту, не позволяет устранить противоречия между судебными актами и ограничивает возможность восстановления нарушенных прав.

Конституционный Суд подчеркнул, что обязательная сила вступивших в законную силу судебных актов предполагает необходимость их учета не только при рассмотрении новых дел, но и при пересмотре ранее принятых решений, если установленными впоследствии обстоятельствами опровергаются фактические основания этих решений. Отсутствие соответствующего процессуального механизма не отвечает принципам справедливого правосудия, равенства всех перед законом и судом и правовой определенности.

На основании изложенного Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции абзацы первый и второй части пятой статьи 160 Трудового кодекса в части установления трехмесячного срока обращения в суд по спорам о восстановлении на работе для работников, имеющих право обращаться непосредственно в суд. До внесения изменений в законодательство предписано применять к указанной категории работников годичный срок обращения в суд, предусмотренный абзацем третьим части пятой статьи 160 Трудового кодекса.

Конституционный Суд также признал соответствующей Конституции часть первую статьи 455 ГПК, одновременно признав не соответствующими Конституции части вторую и третью данной статьи

в той мере, в какой они не предусматривают возможность пересмотра судебного акта на основании вступившего в законную силу другого судебного акта, которым установлены обстоятельства, опровергающие фактические основания ранее принятого решения и имеющие существенное значение для правильного разрешения дела. До внесения соответствующих изменений в ГПК судам предписано руководствоваться Конституцией и частью первой статьи 455 ГПК.

Правительству Республики Казахстан рекомендовано в шестимесячный срок инициировать внесение изменений в трудовое и гражданское процессуальное законодательство с учетом правовых позиций, изложенных в настоящем нормативном постановлении.

Нормативные постановления Конституционного Суда Республики Казахстан, принятые в I полугодии 2026 года

1. От 18 марта 2026 года № 77-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 4 статьи 50 Закона Республики Казахстан от 31 августа 1995 года «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан».

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/984608?lang=ru

2. От 30 апреля 2026 года № 78-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан Конституционного закона Республики Казахстан «О специальном правовом режиме города Алатау».

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1005762?lang=ru

3. От 18 мая 2026 года № 79-НП о проверке конституционности пункта 1 статьи 196, пункта 2 статьи 202, подпункта 2) пункта 3 статьи 204 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года и части пятой пункта 5 Правил исчисления (определения) размеров, назначения, осуществления, приостановления, перерасчета, возобновления, прекращения и пересмотра решения о назначении (отказе в назначении) государственной базовой пенсионной выплаты, пенсионных выплат по возрасту, утвержденных приказом Заместителя Премьер-Министра – Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22 июня 2023 года № 232.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1013205?lang=ru

4. От 18 мая 2026 года № 80-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй статьи 50 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1013209?lang=ru

5. От 8 июня 2026 года № 81-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 2) части первой и абзаца третьего части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1023078?lang=ru

6. От 9 июня 2026 года № 82-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан абзаца первого пункта 9 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 2 октября 2015 года № 6 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания».

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1023861?lang=ru

7. От 9 июня 2026 года № 83-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 1-2 статьи 41-1 Закона Республики Казахстан от 5 июля 2004 года «О связи».

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1023865?lang=ru

8. От 9 июня 2026 года № 84-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 2) пункта 1-1 статьи 52 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1023866?lang=ru

9. От 10 июня 2026 года № 85-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части первой статьи 136, части четвертой статьи 140, части первой статьи 153 и частей первой, второй, третьей и четвертой статьи 342 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1024707?lang=ru

10. От 11 июня 2026 года № 86-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй пункта 1 статьи 118 Закона Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» и абзаца третьего примечания к размерам оплаты деятельно-

сти частного судебного исполнителя, утвержденным приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 27 июня 2023 года № 416 «Об утверждении размеров оплаты деятельности частного судебного исполнителя».

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1025491?lang=ru

11. От 12 июня 2026 года № 87-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 1 постановления акимата города Алматы от 8 апреля 2016 года № 2/122 «Об ограничении въезда транспортных средств на отдельных территориях города Алматы».

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1026173?lang=ru

12. От 12 июня 2026 года № 88-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан абзацев первого и второго части пятой статьи 160 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года и статьи 455 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1026176?lang=ru

13. От 7 июля 2026 года № 89-НП об официальном толковании пункта 1 статьи 43, пунктов 2 и 3 статьи 72, пункта 1 статьи 83 и пункта 3 статьи 84 Конституции Республики Казахстан.

https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/1038621?lang=ru

Республика Узбекистан

РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН от 12 июня 2026 года № КСҚ-4 о соответствии Конституции Республики Узбекистан абзаца пятого части третьей статьи 3 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре»

1. Предмет конституционного рассмотрения

Постановлением Конституционного суда Республики Узбекистан от 12 июня 2026 года № КСҚ-4 рассмотрен вопрос о соответствии Конституции Республики Узбекистан абзаца пятого части третьей статьи 3 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре».

Дело было рассмотрено по обращению Национального центра Республики Узбекистан по правам человека. В обращении был поставлен вопрос о том, не приводит ли оспариваемая норма к ограничению права физических и юридических лиц, включая субъекты предпринимательства и негосударственные некоммерческие организации, на получение квалифицированной юридической помощи.

Конституционный суд рассмотрел дело в открытом судебном заседании в составе председательствующего М. Абдусаломова, судей К. Камилова, Ж. Балкибаевой, К. Давлетовой, Р. Исмайлова, А. Рахимова и А. Рахманова, с участием представителей Национального центра по правам человека, Законодательной палаты Олий Мажлиса, Министерства юстиции, Палаты адвокатов, членов Научно-консультативного совета при Конституционном суде и иных участников процесса.

2. Конституционно-правовая основа позиции Суда

В центре правовой позиции Конституционного суда находились статьи 29, 65 и 141 Конституции Республики Узбекистан. Эти нормы закрепляют право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, гарантии равноправия и правовой защиты всех форм собственности, а также конституционное значение адвокатуры как института оказания квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам.

Суд особо подчеркнул, что законы и иные нормативно-правовые акты принимаются на основе и во исполнение Конституции, а потому ни один закон или иной нормативно-правовой акт не может противоречить принципам и нормам Основного закона. В этом смысле конституционный контроль выступает не только механизмом проверки нормы, но и инструментом укрепления доверия к праву, защиты достоинства человека и обеспечения устойчивости правовой системы.

3. Содержание спорной нормы и ее толкование

Оспариваемая норма допускает осуществление адвокатом деятельности на договорно-правовой основе в качестве работника юридической службы государственных органов, органов хозяйственного управления, государственных учреждений и организаций. Национальный центр по правам человека обратил внимание на то, что в норме прямо не упоминаются предпринимательские субъекты и негосударственные некоммерческие организации.

Конституционный суд пришел к выводу, что указанное обстоятельство не может рассматриваться как запрет для адвоката оказывать юридическую помощь иным физическим и юридическим лицам, в том числе субъектам предпринимательства и негосударственным некоммерческим организациям. Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения об оказании юридической помощи, имеющего гражданско-правовой характер.

Суд отметил, что деятельность адвоката на договорно-правовой основе в юридической службе государственного органа или организации не является трудовой деятельностью в смысле трудового договора и не образует статуса работника или государственного служащего. Адвокат привлекается не по трудовому договору, а на основании гражданско-правового соглашения. Следовательно, такая деятельность не нарушает запрет на нахождение адвоката на государственной службе.

4. Значение постановления для правоприменительной практики

Постановление имеет важное значение для единообразного понимания статуса адвоката, соотношения адвокатской деятельности и гражданско-правовых форм оказания юридической помощи, а также для обеспечения реальной доступности квалифицированной юридической помощи для граждан, бизнеса и институтов гражданского общества.

В более широком контексте данное постановление продолжает линию развития конституционного правосудия в Узбекистане как системы, ориентированной на человека, защиту его прав, правовую определенность и недопустимость формального толкования закона вопреки духу Конституции. Оно отражает современный тренд: право должно не создавать искусственные барьеры, а открывать человеку и обществу понятные, справедливые и действенные механизмы защиты.

5. Постановляющая часть

Конституционный суд Республики Узбекистан постановил:

признать абзац пятый части третьей статьи 3 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре» соответствующим статьям 29, 65 и 141 Конституции Республики Узбекистан;

опубликовать постановление в газете «Халқ сўзи», в Собрании законодательства Республики Узбекистан, Национальной базе данных законодательства и на официальном веб-сайте Конституционного суда Республики Узбекистан;

установить, что постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу со дня его официального опубликования.

Постановления Конституционного суда Республики Узбекистан, принятые в I полугодии 2026 года:

Постановление Конституционного суда Республики Узбекистан от 12 июня 2026 года № КСҚ-4 о соответствии Конституции Республики Узбекистан абзаца пятого части третьей статьи 3 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре».

LexUZОфициальный сайт Конституционного суда

Российская Федерация

РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ от 20 января 2026 года № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича

История вопроса

В 2023 году москвич Дмитрий Тимченко приобрел по договору у физического лица за 81 500 рублей 1000 единиц «USDT» (аббревиатура от United States Dollar Tether). Указанный договор был поименован сторонами как «договор купли-продажи цифровой валюты (криптовалюты)». Впоследствии заявитель заключил соглашение, по которому передал приобретенный таким образом актив в управление иному лицу с целью перепродажи на бирже и получения прибыли. Не добившись его возврата в установленный срок, Д. Тимченко обратился в суд для истребования имущества из чужого незаконного владения. Однако суды ему отказали, поскольку он не информировал налоговый орган о фактах обладания цифровой валютой и совершения с ней гражданско-правовых сделок, что в силу оспариваемой статьи влечет отказ в судебной защите.

Цифровой валютой в РФ, согласно Закону о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, признается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, принимаемая как инвестиции или средство платежа, но не являющаяся государственной или международной денежной единицей. У такой валюты отсутствует материальное выражение; она не имеет ответственного лица (кроме операторов и (или) узлов информационной системы, обеспечивающих лишь соответствие порядка выпуска этих данных и внесение записей об изменениях), чья обязанность обусловливает право их обладателя.

Ставшие предметом правоотношений заявителя с его контрагентами 1000 единиц «USDT» являются выраженными в цифровой форме ценностями, также именуемыми «стейблкоинами», используемыми в качестве средства обмена, учета и сбережения.

Позиция Суда

Определение цифровой валюты в текущем законодательстве не позволяет отнести ее ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества. Несмотря на ее виртуальный характер,

обладание цифровой валютой наполняется конкретным имущественным содержанием. И хотя ее использование ограничено и не урегулировано всеобъемлюще, законодательство не препятствует рассмотрению цифровой валюты как объекта гражданских прав. При этом децентрализованная природа цифровой валюты может вести к ее использованию в теневом обороте, отмывании незаконных денежных средств, финансировании преступной деятельности и т.д. Кроме того, государство предотвращает ее неконтролируемое распространение, которое способно негативно сказаться на ценовой устойчивости и денежно-кредитной политике. В силу этого права, связанные с обладанием цифровой валютой, и операции с ней ограничиваются законодателем.

Имущественные права, вытекающие из законного обладания цифровой валютой, подлежат судебной защите с учетом ее особых характеристик как ограниченного в обороте объекта гражданских прав. Произвольный отказ в такой защите не согласуется с конституционными требованиями, а также негативно влияет на стабильность гражданского оборота. При этом законом могут определяться доступные меры защиты и условия удовлетворения притязаний, предопределенные спецификой защищаемых прав и балансом законных интересов участников правоотношений.

В настоящий момент незавершенность правового регулирования виртуальных активов и отсутствие твердых ориентиров для судебной практики в этой области может приводить к неоднозначному пониманию цифровой валюты как объекта гражданских прав, что, в свою очередь, влияет на решение вопроса о предоставлении их судебной защиты. Предусмотренный же оспариваемой нормой порядок информирования государства о фактах обладания цифровой валютой установлен лишь в отношении обладателей цифровой валюты, осуществляющих ее майнинг, а также операторов майнинговой инфраструктуры.

При установлении порядка судебной защиты, предусмотренного в оспариваемой норме, законодатель исходил из особых свойств цифровой валюты не только как ограниченного в обороте объекта гражданских прав, но и как возникающего в виртуальном пространстве децентрализованного явления особого рода, контроль над которым весьма затруднен. Информирование государства интегрирует этот виртуальный актив, возникший в неподконтрольной государству информационной системе, в национальную правовую реальность. Введение соответствующего регулирования направлено на достижение конституционно значимых целей и не предполагает избыточного обременения, которое подрывало бы само существо права на судебную защиту. Однако возможность судебной защиты может нивелироваться на практике из-за неоднозначного понима-

ния цифровой валюты как подлежащего судебной защите объекта гражданских прав и вследствие отсутствия порядка информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения сделок с ней, если они не связаны с майнингом. В таких обстоятельствах отказ в судебной защите не согласуется с конституционным правом на судебную защиту и чреват нарушением иных прав.

Оспариваемая норма соответствует Конституции РФ, так как не нарушает права на судебную защиту имущественных прав, связанных с обладанием цифровой валютой, полученной путем майнинга и используемой на законных основаниях. Однако обжалуемое положение противоречит Конституции РФ в той мере, в какой препятствует судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и ее законного использования в обороте и заявленных лицами, получившими ее способами, не связанными с майнингом.

Законодателю надлежит внести необходимые изменения. До тех пор действующее регулирование не может препятствовать судебной защите имущественных требований на цифровую валюту, полученную не путем ее майнинга, если лицо представит в суд сведения, подтверждающие ее получение и использование на законных основаниях.

Дело заявителя подлежит пересмотру.

РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 12 марта 2026 года № 13-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед»

История вопроса

Американская фармацевтическая компания «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед» («Вертекс») является разработчиком и производителем оригинального препарата «Трикафта», используемого для лечения тяжелого наследственного генетического заболевания – муковисцидоза. Оно включено в перечень орфанных заболеваний, терапия которых осуществляется бесплатно для граждан РФ за счет бюджетных средств. В России насчитывается более 4,5 тыс. человек с данным диагнозом.

В связи с высокой стоимостью лекарство закупается в централизованном порядке. Оно поставляется в Россию с 2021 года через

единственного дистрибьютора АО «Санофи Россия», посредством которого компания «Вертекс» осуществляет зарегистрированные за ней исключительные права на запатентованные изобретения.

Спустя несколько лет после создания препарата «Трикафта» аргентинская компания разработала его более дешевый биоэквивалентный препарат (дженерик), который получил название «Трилекса». Его дистрибьютор – ООО «Медицинская исследовательская компания «МИК» при планировании поставок в Россию обратилось к компании «Вертекс» для заключения лицензионного договора на использование изобретений американской фирмы. Не получив согласия, общество обратилось в суд с иском о предоставлении принудительной лицензии. В обоснование иска ООО «МИК» сослалось на опасения возможного частичного или даже полного – по причине введенных санкций – прекращения поставок «Трикафты» и создания дефицита необходимого препарата на рынке, а также указало на его непомерно высокую цену.

Суд первой инстанции отказал ООО «МИК». Апелляционный суд пересмотрел это решение, обязав предоставить лицензию заявителю. Суд по интеллектуальным правам и Верховный суд РФ эту позицию поддержали.

Позиция Суда

Здоровье человека – конституционная ценность, без которой утрачивают значение многие другие блага. Государство гарантирует право на его охрану и медицинскую помощь, в том числе через бесперебойное обеспечение больных лекарствами. Лечение орфанных заболеваний за счет бюджетных средств – пример исполнения государством его гуманитарной и социальной миссии.

Общемировой практикой повышения доступности лекарств является выпуск на национальный рынок, наряду с оригинальными препаратами, дженериков. В связи с этим российское законодательство, признавая необходимость защиты интеллектуальных прав разработчиков лекарств, допускает и возможность их ограничения с учетом конституционно значимого общественного интереса, достижение которого корреспондирует социальному запросу российского народа. Разработка и внедрение инновационных продуктов не могут существовать вне общего контекста социальных процессов и быть абсолютно автономным явлением. Соответственно, правопорядок, предоставляющий патентную защиту, должен учитывать, что результаты интеллектуальной деятельности могут использоваться не только для инновационного развития экономики, но и для монополизации рынков и ограничения конкуренции. Поэтому для поддержания баланса частных и общественных интересов допускается ограничение прав патентообладателей путем предоставления в судебном порядке принудительной лицензии

при наличии у заинтересованного лица доказательств неиспользования или недостаточного использования патентообладателем изобретения в установленные сроки без уважительных причин.

Принудительное лицензирование является исключительной мерой, не предполагающей широкого распространения. При этом соответствующая лицензия не лишает патентообладателя права интеллектуальной собственности. Решения по делам о предоставлении принудительной лицензии должны быть обоснованы и надлежаще аргументированы. Каждой из сторон необходимо раскрыть доказательства, на которых она основывает свои требования. При оценке их достаточности судам следует исходить из обычных для данной профессиональной среды уровня осведомленности о фактах и возможностей получения информации, а также исключать недобросовестность сторон, выраженную в стремлении получить доступ к закрытой информации, тайна которой охраняется законом.

При предоставлении принудительной лицензии публичный правопорядок исходит из необходимости устранения угрозы для общества от возникшего дефицита продукции на рынке. Признаками поведения, приводящего к этому и подтверждающего отсутствие намерения обеспечить поступление товара на российский рынок, могут являться подтвержденные факты злоупотребления патентным правом, направленные на сохранение доминирующего положения на рынке. Риск безальтернативности поставок усиливается для российской экономики в тех случаях, когда поставщики принадлежат к недружественным юрисдикциям, которые придерживаются режима введенных в отношении России санкций. Поскольку выдача принудительной лицензии не позиционируется как мера ответственности, факты совершения патентообладателем правонарушений, злоупотреблений правами или иной недобросовестности доказыванию не подлежат, но, будучи установленными, могут стать основанием для их квалификации как административных правонарушений или преступлений.

Оспариваемые нормы позволяют квалифицировать в качестве неиспользования или недостаточного использования патента, которые приводят к дефициту товара, отказ патентообладателя или дистрибьютора от поставок и систематическое уклонение от участия в торгах для закупки товара, а в случаях, когда от наполнения рынка продукцией зависят жизнь и здоровье граждан, также готовность патентообладателя поставлять ее исключительно по высоким ценам, существенно превышающим цены на аналоги, которые при предоставлении принудительной лицензии могут появиться на рынке в необходимом объеме.

При рассмотрении дел о выдаче принудительной лицензии судам надлежит определять объем возможных действий лицензиата с учетом реально существующей потребности российского рынка и его возможности осуществить производство и (или) продажу продукции, эквивалентной производимой на основе запатентованного изобретения, с обеспечением ее необходимого качества, без угроз для прав и законных интересов потребителей. В случае, когда от удовлетворения этих потребностей зависит охрана жизни и здоровья граждан, объем возможностей, которыми наделяется лицензиат на основании принудительной лицензии, может быть ограничен пределами этого недостатка и актуального объема востребованных поставок.

В российском законодательстве закреплен ряд обязательных гарантий защиты интересов патентообладателя. Так, суд при рассмотрении дела устанавливает условия предоставления принудительной лицензии, в том числе суммарный размер платежей за лицензию на основе рыночных условий, и обозначает границы действия лицензии. При этом патентообладатель не лишается возможности продолжать самостоятельное использование запатентованного изобретения без каких-либо ограничений и дискриминации, а лицензиат использует соответствующий результат интеллектуальной деятельности только в обозначенных границах. Действие принудительной лицензии отменяется по мере насыщения российского рынка соответствующими товарами, при отсутствии предпосылок повторения состояния крайней необходимости и при готовности патентообладателя использовать объект интеллектуальной собственности в достаточном объеме по разумной цене.

Подход из Постановления в отношении принудительной лицензии на лекарства применим к иным сферам.

В выявленном смысле оспариваемые положения абзацев первого и второго пункта 1 статьи 1362 ГК РФ не противоречат Конституции РФ.

РЕЗЮМЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ от 25 марта 2026 года № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Зубахина Геннадия Викторовича

История вопроса

Геннадий Зубахин пытался через суд добиться признания за собой права собственности на здание в порядке приобретательной давности. При этом, считая себя правопреемником ООО «Б.», у которого спорная недвижимость была приобретена по договору, названному договором купли-продажи, он настаивал на присоединении к своему сроку владения этим имуществом периода, в течение которого зданием владело указанное общество (16 лет). Арбитражный суд пришел к выводу, что заявитель и ООО «Б.» правопреемством не связаны. Поскольку же срока, в течение которого недвижимостью владел сам Зубахин, оказалось недостаточно для приобретения права собственности по давности владения, в удовлетворении требований было отказано.

С отказом согласились вышестоящие суды. При этом из судебных актов по ранее рассмотренному делу известно, что ООО «Б.» не имело надлежащим образом оформленных прав на здание. Наличие права собственности на спорную недвижимость у предшествовавшего Обществу владельца также не было доказано.

Позиция Суда

Давностное владение предполагает накопление необходимого для его применения – с целью последующей трансформации в право собственности – состава фактических обстоятельств, существовавших в течение длительного срока, притом что обычным последствием его применения является прекращение права собственности предыдущего правообладателя без какой-либо компенсации. Это свидетельствует о том, что в течение указанного срока могут пересекаться разнонаправленные интересы ряда лиц, а потому требуется принятие мер для их сбалансированности и выстраивания добросовестных отношений между ними.

Признавая возможным сложение периодов, когда имуществом владели связанные правопреемством лица, для целей приобретения права собственности по давности владения, ГК РФ вместе с тем не конкретизирует механизм применения этого положения. В правоприменительной практике при этом присутствуют существенные расхождения в понимании механизма использования института приобретательной давности в случае, когда состав лиц, фактиче-

ски владеющих спорным имуществом, изменяется на основании договора. Между тем необходимым условием достижения баланса интересов участников гражданского оборота выступает соблюдение требований определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования. Это особенно важно в области вещных прав, имеющих существенное значение как для частноправовых, так и для публичных целей.

Институт приобретательной давности призван служить конституционно значимой цели возвращения имущества в гражданский оборот. При этом для признания права собственности по давности владения заинтересованное лицо должно владеть вещью в течение определенного законодателем временно́го промежутка. Однако со временем интерес фактического владельца в дальнейшем владении и пользовании имуществом может быть утрачен. В такой ситуации разумное лицо, владеющее вещью как своей собственной (вместо собственника), может быть заинтересовано в ее отчуждении, чтобы не допустить ее гибели или повреждения, а также освободить себя от сопутствующих расходов на хранение, обслуживание и т.п. Это предпочтительнее, чем сохранять господство над вещью до окончания давностного срока исключительно с целью создать для третьих лиц определенность относительно ее принадлежности и лишь после этого получить право распорядиться уже ненужным имуществом. Если же отказаться от признания возможности присоединить к сроку давностного владения вещью уже истекшую часть срока приобретательной давности в случае, когда вещь отчуждается по договору, срок всякий раз будет начинать течь заново, а возвращение вещи в гражданский оборот - откладываться вопреки интересам потенциальных приобретателей. Какой-либо очевидной необходимости в этом нет. Соответственно, отсутствие в действующем федеральном законодательстве определенности в вопросе о допустимости отчуждения давностным владельцем посредством договора находящегося в сфере его господства имущества и сложения в этом случае сроков давностного владения влечет в правоприменении конфликт с принципами правового государства, верховенства права и равенства перед законом.

Оспариваемая норма не соответствует Конституции РФ.

Законодателю надлежит принять меры по устранению выявленной неопределенности. До этого момента действующее правовое регулирование не может считаться препятствующим отчуждению давностным владельцем находящегося в сфере его господства имущества в пользу другого лица по договору и возможности присоединения в этом случае лицом, ссылающимся на давность владения, ко времени своего владения также времени, в течение которого этим имуществом владел отчуждатель, при условии, что

определенным законом критериям давностного владения отвечает владение каждого из этих лиц. Бремя доказывания данного обстоятельства лежит на лице, заявляющем о таком присоединении.

Дело заявителя подлежит пересмотру.

РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 9 апреля 2026 года № 22-П по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 279, пункта 4 статьи 281 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 56^{11} Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Краснощекова Александра Дмитриевича

История вопроса

Александр Краснощеков владел земельным участком (площадью 4,3 гектара) сельскохозяйственного назначения в Тверской области. В апреле 2024 года Государственная компания «Российские автомобильные дороги» обратилась в суд с иском об изъятии у заявителя этого участка для нужд Российской Федерации в целях строительства скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург и установлении ему возмещения в размере 899 550 руб.

Арбитражный суд 13 августа 2024 года выделил рассмотрение требования об установлении размера компенсации в отдельное производство из-за возникшего спора относительно суммы возмещения.

При этом 20 августа 2024 года суд удовлетворил иск об изъятии земельного участка, приняв во внимание, что спорный участок не используется А. Краснощековым и фактически передан ответчиком подрядной организации (на нем уже возведена автодорожная инфраструктура). Решение было обращено к немедленному исполнению для ввода в эксплуатацию данного участка дороги, который имеет особое государственное значение.

Только через шесть месяцев, в марте 2025 года, суд назначил заявителю компенсацию в размере 1 928 989 руб. До этого А. Краснощеков безрезультатно обжаловал решение об изъятии собственности без выплаты компенсации.

По мнению заявителя, оспариваемые положения не соответствуют Конституции РФ, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают изъятие находящейся в частной собственности недвижимости для государственных или муниципальных нужд без предоставления право-

обладателю гарантированного предварительного и равноценного возмещения.

Позиция Суда

Право на предварительное и равноценное возмещение при принудительном отчуждении имущества для публичных нужд является гарантией частной собственности и при этом отражает справедливый баланс частных и публичных интересов. Возможность принудительного изъятия имущества должна уравновешиваться неукоснительным соблюдением конституционных гарантий. В этом смысле оспариваемые нормы не противоречат Конституции, поскольку они по своему буквальному содержанию согласуются с конституционной гарантией предварительного и равноценного возмещения при принудительном отчуждении из частной собственности имущества, в том числе земельных участков, для государственных или муниципальных нужд.

В настоящее время в судебной практике сложился неоднородный подход относительно возможности выделения требования об определении размера возмещения в отдельное производство и изъятия земельного участка до разрешения этого вопроса. Само по себе это не свидетельствует о произвольности такой судебной практики, так как может быть обусловлено разными фактическими обстоятельствами, в которых принимается то или иное решение.

Спор о размере возмещения за изымаемый земельный участок может приводить к значительному увеличению сроков рассмотрения дела об изъятии земельного участка, поскольку предполагается проведение оценочной экспертизы. При этом строительство объекта, реализация проекта, для которого осуществляется изъятие земельного участка, как правило, направлено на удовлетворение потребности широкого или неограниченного круга лиц. Возможны ситуации, когда использование земельного участка в публичных целях требуется незамедлительно, иначе высока вероятность нарушения баланса конституционных ценностей. Тогда возникает потребность разделить во времени изъятие и определение окончательного (полного) размера возмещения за такое изъятие.

Выделение дела о размере возмещения, при наличии спора о нем, в отдельное производство и изъятие земельного участка до принятия по нему решения допускается, только если сама по себе обоснованность требования об изъятии земли не вызывает сомнения, а промедление с изъятием участка влечет риски неблагоприятных последствий для здоровья, прав и законных интересов других лиц или обеспечения обороны и безопасности государства. Также указанная процедура возможна в ситуации, когда на участке отсутствуют иные возведенные объекты недвижимости и он уже фактически используется для целей, в связи с которыми производится изъятие.

Однако даже при наличии таких обстоятельств прямое указание Конституции РФ требует предоставления именно предварительного возмещения, по крайней мере, в той степени, в какой это возможно с учетом обстоятельств. Поэтому решение об изъятии земельного участка в рассматриваемой ситуации должно предусматривать предварительную выплату или внесение в депозит нотариуса суммы возмещения, предложенной собственнику на основании отчета об оценке, составленного при подготовке соглашения об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Изъятие имущества без соблюдения требования о заблаговременном характере возмещения хотя бы в указанной части погружает правообладателя в состояние неопределенности, не может не вызвать беспокойства относительно возможности приобретения равноценного имущества в будущем.

Спор же о размере возмещения в выделенном в отдельное производство деле продолжается, и в нем презумпция равноценности определенного оценкой размера возмещения может быть опровергнута. И тогда бывшему собственнику изъятого земельного участка доплачивается разница между суммой, установленной судом, и уже выплаченной предварительно.

Помимо указанной доплаты, он также может претендовать на компенсацию убытков, причиненных тем, что сразу не получил полный размер возмещения. Данные убытки подлежат установлению в выделенном в отдельное производство деле, если соответствующее требование заявлено бывшим собственником, или по его отдельному исковому заявлению.

Не должно поощряться несвоевременное или ненадлежащее осуществление органами или организациями, проводящими мероприятия по изъятию земельных участков, соответствующих функций. Если именно из-за их бездействия возникают обстоятельства, требующие выделения дела о размере возмещения в отдельное производство, конституционно оправдано присуждение бывшему собственнику процентов, размер которых определяется ключевой ставкой Банка России, на сумму положительной разницы между установленным в отдельном производстве размером возмещения и предварительно выплаченной или внесенной в депозит нотариуса суммой возмещения со дня вступления в силу судебного решения об изъятии имущества и до момента осуществления окончательного расчета. При этом не исключается и взыскание доказанных убытков в части, не покрытой выплатой этих процентов. Однако при недобросовестности собственника, которой не может считаться простое несогласие с предложенным размером возмещения, данные проценты не выплачиваются.

Бывшему собственнику должны быть представлены также и процессуальные гарантии. Требованию справедливости не от-

вечало бы возложение на него обязанности предъявлять иск для определения равноценного возмещения и нести сопряженные с этим расходы, а производство по выделенному требованию не может быть прекращено в связи с отказом органа или организации, по требованию которых произведено изъятие, от иска. Выплата положительной разницы между присужденной и первоначально предложенной суммой должна осуществляться незамедлительно после вступления в силу такого судебного акта.

В выявленном смысле оспариваемые нормы Конституции РФ не противоречат.

В соответствии с данными положениями заявитель вправе требовать в судебном порядке возмещения убытков и (или) выплаты процентов

РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 28 мая 2026 года № 35-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Иваньковой Ольги Константиновны

История вопроса

Ольга Иванькова владеет квартирой, принадлежавшей ее отчиму, умершему в 1991 году. В 1993 году суд признал это имущество выморочным ввиду отсутствия наследников (падчерицы в то время к наследованию не призывались). При этом публичное образование, к которому перешло право собственности, не предприняло мер к освобождению помещения, а О. Иванькова продолжила им пользоваться.

В 2022 году заявительница подала иск о признании права собственности на указанную квартиру в порядке приобретательной давности. Она утверждала, что владеет этим имуществом как своим, открыто, добросовестно и непрерывно, а также исполняет все обязанности собственника в отсутствие притязаний и претензий иных лиц. Суд, однако, посчитал условие о добросовестности владения не соблюденным, поскольку О. Иванькова знала, что квартира как выморочное имущество перешла к публичному собственнику.

Позиция Суда

Институт приобретательной давности позволяет установить того, чьи интересы и права в отношении имущества подлежат защите, в том числе если в течение некоторого времени на него одновременно претендует несколько лиц. Его конституционно значимой целью является возвращение соответствующего объекта в

гражданский оборот, включая его надлежащее содержание, безопасное состояние, уплату налогов и т.п. В то же время законодательство признает возможность приобретения права собственности не за любым лицом, владеющим имуществом в течение установленного срока, а лишь за тем, чье владение соответствует таким критериям, как добросовестность, открытость, непрерывность, а также владение имуществом как своим собственным. При этом сами критерии в законе не раскрываются, а потому их наполнение содержанием во многом зависит от толкования правоприменителем.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в судебной практике в настоящее время представлена не только трактовка критерия добросовестности давностного владения, основанная на правовых позициях Конституционного Суда РФ. Между тем из-за сосуществования нескольких подходов к пониманию этого критерия при аналогичных обстоятельствах суды принимают прямо противоположные решения. В этой связи Конституционный Суд отмечает, что подход, не учитывающий возможность признания добросовестным владельца, осведомленного об отсутствии у него оснований для приобретения права собственности на вещь в ординарном порядке, не обеспечивает единообразного толкования правовых норм и следования правовым позициям Суда.

При этом нельзя не учитывать, что на вывод о добросовестности при давностном владении могут влиять различные факторы, в т.ч. особенности самого имущества, реакция на поведение собственника или иного управомоченного лица, поведение давностного владельца в отношении имущества в период владения им и т.п. В частности, если возникает спор о принадлежности квартиры, правовое значение может иметь поведение публичного образования по отношению к поступившему в его собственность выморочному имуществу. При длительном бездействии органов публичной власти гражданин, владеющий жильем, может исходить из того, что публичный собственник утратил интерес к такому имуществу и отказался от прав на него.

Указанные в законе критерии для приобретения права собственности по давности владения, не подменяя друг друга, находятся в тесной взаимосвязи, поэтому устанавливаемые и оцениваемые в связи с ними фактические обстоятельства могут влиять на вывод о соблюдении условия о добросовестности. Непрерывность владения, а равно и его открытость в течение установленного законом длительного времени, способствуют укреплению представления иных лиц о принадлежности последнего определенному лицу, формированию у них мнения о владеющем имуществом «как своим» непрерывно и открыто лице как о добросовестном члене общества, за которым справедливо признать право собственности в особом

порядке – по правилам о приобретательной давности. Сочетание этих критериев, влияющих на оценку добросовестности давностного владельца, является более очевидным, когда жильем владеет член семьи умершего собственника, тем более вселившийся в квартиру с согласия последнего на законных основаниях и совместно с ним ранее проживавший.

Оспариваемая норма не противоречит Конституции РФ. При решении вопроса о приобретении права собственности на квартиру по давности владения она не исключает признания добросовестным члена семьи умершего собственника, с ведома последнего получившего право пользоваться квартирой, которая в дальнейшем перешла в качестве выморочного имущества в собственность публично-правового образования, лишь по причине осведомленности гражданина об отсутствии оснований для владения этой квартирой и о наличии у нее публичного собственника. Владение при этом должно учитывать – согласно обычно ожидаемому от собственника жилья поведению – права и законные интересы других лиц.

Сказанное относится не только к квартирам, но и к иным жилым помещениям.

Дело заявительницы подлежит пересмотру.

РЕЗЮМЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 16 июня 2026 года № 39-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253[1] Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби»

История вопроса

ООО «Мир Хобби» выявило факты размещения предложений о продаже контрафактных копий настольной игры «Мафия. Вся семья в сборе» на одном из маркетплейсов. Ввиду того, что при их создании были использованы объекты интеллектуальной собственности (21 иллюстрация и дизайн коробки), права на которые принадлежат обществу на условиях исключительной лицензии, оно направило владельцу маркетплейса (цифровой платформы) претензию с требованием прекратить данное нарушение. Поскольку в досудебном порядке урегулировать разногласия не удалось, заявитель обратился в суд.

Арбитражные суды отказали ООО «Мир Хобби», среди прочего, во взыскании с ответчика компенсации за нарушение исключительных прав (более 9 млн руб.). Суды исходили из того, что владелец

маркетплейса товары не продает, а лишь создает условия для их продажи и покупки иными лицами, т.е. выступает в роли информационного посредника. При этом было установлено и выполнение условий для освобождения от ответственности за нарушения интеллектуальных прав третьих лиц. Как посчитали суды, ответчик не знал и не мог знать о том, что реализуемая через его сайт продукция нарушает такие права, а узнав, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения.

Позиция Суда

Согласно гражданскому законодательству, такие меры ответственности, как возмещение убытков или компенсация за нарушение исключительных прав, допущенных при осуществлении предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя (на началах риска). В изъятие из этого правила оспариваемые законоположения предусматривают, что информационный посредник как лицо, обеспечивающее транзитную передачу информации, размещаемой третьими лицами в сети Интернет, и доступ к такой информации, несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в этой сети на общих основаниях (при наличии вины).

Владельцы маркетплейсов – интернет-ресурсов, которые позволяют предпринимателям довести предложения о продаже товаров до неопределенного круга лиц, сами, как правило, непосредственной реализацией товаров покупателям не занимаются. При этом на практике, предоставляя электронную площадку для размещения таких предложений, они могут оказывать и другие услуги (хранение и реклама товаров, обеспечение их доставки и выдачи, прием платежей и т.д.). Однако эта сопутствующая деятельность сама по себе не ведет к дисквалификации статуса информационного посредника. Принципиальный отказ от признания во всех таких случаях владельцев маркетплейсов информационными посредниками и, следовательно, лишение их «льготных» условий привлечения к ответственности нарушал бы баланс частных и публичных интересов.

Вместе с тем даже признание лица, исходя из характера его деятельности, информационным посредником при отсутствии его вины само по себе не является абсолютным основанием для освобождения от ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Для этого в силу закона требуется одновременное выполнение ряда условий. Одно из них – лицо не знало и не должно было знать о том, что использование объектов интеллектуальной собственности является неправомерным. При этом знание о неправомерности такого использования не может вменяться владельцу маркетплейса лишь на том основании, что им не осуществляется предварительь-

ная проверка товара на предмет нарушения интеллектуальных прав. Вместе с тем, вывод о том, что владелец маркетплейса должен был знать о неправомерности использования указанных объектов в материалах, размещенных на этом маркетплейсе, может быть сделан, например, если продавец допускает неоднократные нарушения интеллектуальных прав на одни и те же объекты с использованием этого маркетплейса. Это требует от владельцев маркетплейсов особой осмотрительности, в частности, при взаимодействии с контрагентами, которые уже ранее допускали нарушения при работе на данной электронной площадке, опорочив тем самым свою добросовестность в вопросе соблюдения ими интеллектуальных прав.

Другим условием является своевременное принятие владельцем маркетплейса необходимых и достаточных мер для прекращения нарушения интеллектуальных прав. По общему правилу это подразумевает приостановление размещения на маркетплейсе информации о соответствующих товарах по требованию лица, заявляющего о нарушении своих прав, на срок, необходимый для разрешения в судебном порядке его иска к продавцу о защите интеллектуальных прав или для принятия обеспечительных мер по иску. Для этого, однако, в заявлении правообладателя должны быть приведены сведения, позволяющие установить принадлежность результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации этому лицу, а также свидетельствующие о неправомерности или о наличии обоснованных сомнений в правомерности их использования конкретным продавцом, притом что продавцом данные сведения убедительно не опровергнуты.

Правообладатель может предъявить иск к продавцу со ссылкой на имеющиеся на цифровой платформе сведения о нем. При этом суд вправе запросить у владельца маркетплейса информацию, необходимую для защиты нарушенных интеллектуальных прав, а также принять решение об обеспечительных мерах, в том числе в виде запрета размещения информации о товаре на маркетплейсе (цифровой платформе). Уклонение владельца маркетплейса от исполнения возложенных судом обязанностей является основанием для отказа в освобождении его от ответственности.

Если правообладатель в разумный срок не обратился в суд или суд отказал ему в связи с необоснованностью требований, владелец маркетплейса и (или) продавец товара вправе потребовать возмещения убытков, понесенных ими в результате приостановления или прекращения размещения информации о товаре и его реализации посредством маркетплейса, с лица, направившего это заявление.

В выявленном смысле оспариваемые нормы не противоречат Конституции РФ. Придание этим нормам иного смысла приводило бы к нарушению конституционных прав граждан.

Дело заявителя подлежит пересмотру.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, принятые в I полугодии 2026 года:

1. От 15 января 2026 года № 1-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 214^{10} Налогового кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 567 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Селюковой Любови Александровны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision881467.pdf

2. От 20 января 2026 года № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision882237.pdf

3. От 27 января 2026 года № 3-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 1^1 статьи 7 Федерального закона «О ветеранах», а также части 3 статьи 8 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» в связи с жалобой гражданки Чаминой Ирины Анатольевны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision884035.pdf

4. От 3 февраля 2026 года № 4-П по делу о проверке конституционности статей 2 и 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», а также пунктов 3, 12 и 14 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Пиуновой Виктории Игоревны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision885638.pdf

5. От 6 февраля 2026 года № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 300 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Чернова Сергея Николаевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision886655.pdf

6. От 11 февраля 2026 года № 6-П по делу о проверке конституционности статей 3, 45 и части 3 статьи 108 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Центр мониторинга и контроля за ценообразованием».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision887796.pdf

7. От 17 февраля 2026 года № 7-П по делу о проверке конституционности пунктов 3 и 4 статьи 26^1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина Тишкина Петра Николаевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision889199.pdf

8. От 24 февраля 2026 года № 8-П по делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064 и статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой статьи 54 и части третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьи 16 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Клименко Романа Александровича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision890257.pdf

9. От 25 февраля 2026 года № 9-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Малиновского Ярослава Степановича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision890946.pdf

10. От 27 февраля 2026 года № 10-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Правительства Омской области.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision891568.pdf

11. От 3 марта 2026 года № 11-П по делу о проверке конституционности статьи 1084, пунктов 1 и 2 статьи 1089 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также части 9 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Стриганова Льва Александровича и Стригановой Ольги Валерьевны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision892491.pdf

12. От 5 марта 2026 года № 12-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 90 и части первой статьи 128 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Немерова Максима Владимировича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision893080.pdf

13. От 12 марта 2026 года № 13-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision894594.pdf

14. От 13 марта 2026 года № 14-П по делу о проверке конституционности части 1^{3-3} статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об ад-

министративных правонарушениях и пункта 1 статьи 401 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Гремми-А».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision895035.pdf

15. От 17 марта 2026 года № 15-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 129, статьи 132 и части второй статьи 135 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Стерлиговой Марианны Николаевны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision895789.pdf

16. От 23 марта 2026 года № 16-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Барковой Веры Владимировны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision897070.pdf

17. От 24 марта 2026 года № 17-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 60 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 части 1 статьи 7 Федерального закона от 14 июля 2022 года № 292-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах» в связи с жалобами публичного акционерного общества «Федеральная сетевая компания – Россети» и гражданина Пономарёва Алексея Владимировича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision897333.pdf

18. От 25 марта 2026 года № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Зубахина Геннадия Викторовича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision897653.pdf

19. От 31 марта 2026 года № 19-П по делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 242^{1} Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Левыкиной Валентины Афанасьевны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision898865.pdf

20. От 2 апреля 2026 года № 20-П по делу о проверке конституционности подпункта 6 статьи 39^{5} Земельного кодекса Российской Федерации, пунктов 4, 5 и 6 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», части 2 статьи 9 Закона Иркутской области «О бесплатном предоставлении земельных участков в соб-

ственность граждан» в связи с жалобой администрации городского округа муниципального образования города Братска Иркутской области

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision899669.pdf

21. От 7 апреля 2026 года № 21-П по делу о проверке конституционности пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в связи с жалобой гражданина Шахова Сергея Владимировича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision900622.pdf

22. От 9 апреля 2026 года № 22-П по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 279, пункта 4 статьи 281 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 56^{11} Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Краснощекова Александра Дмитриевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision901282.pdf

23. От 10 апреля 2026 года № 23-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 53 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Андреевских Николая Васильевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision901650.pdf

24. От 14 апреля 2026 года № 24-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 10 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и пункта 2 Постановления Правительства Российской Федерации «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» в связи с жалобами граждан Струкалина Виктора Вадимовича и Хлебнова Алексея Викторовича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision902504.pdf

25. От 21 апреля 2026 года № 25-П по делу о проверке конституционности статей 322 и 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Аббасова Шамила Усмановича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision903983.pdf

26. От 22 апреля 2026 года № 26-П по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 2 статьи 217^1 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Догарь Александры Дмитриевны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision904199.pdf

27. От 24 апреля 2026 года № 27-П по делу о проверке конституционности статей 111, 114 и части третьей статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Пономарева Павла Васильевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision905019.pdf

28. От 27 апреля 2026 года № 28-П по делу о проверке конституционности пункта 1^2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки Ростовой Елены Павловны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision905229.pdf

29. От 29 апреля 2026 года № 29-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 4.1^2, части 6 статьи 4.5, пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 41^1, частей 1 и 11 статьи 51^2 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стратегия»

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision905866.pdf

30. От 30 апреля 2026 года № 30-П по делу о проверке конституционности пункта 1^1 и подпункта «$в^2$» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Волкова Кирилла Игоревича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision906339.pdf

31. От 5 мая 2026 года № 31-П по делу о проверке конституционности части 1 и пункта 1 части 8 статьи 22 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Долматовой Марины Михайловны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision907041.pdf

32. От 15 мая 2026 года № 32-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 256 Трудового кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 152 Семейного кодекса Российской Федерации и части 8 статьи 57 Федерального закона «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Михеевой Веры Владимировны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision909600.pdf

33. От 18 мая 2026 года № 33-П по делу о проверке конституционности пунктов 11, 20, 24 и 25 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» в связи с жалобой администрации городского округа «Город Калининград».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision909841.pdf

34. От 26 мая 2026 года № 34-П по делу о проверке конституционности пунктов 15^1, 15^2 и 16^1 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также подпункта «б» статьи 7 данного Федерального закона во взаимосвязи со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Т-Страхование».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision911673.pdf

35. От 28 мая 2026 года № 35-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Иваньковой Ольги Константиновны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision912461.pdf

36. От 29 мая 2026 года № 36-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 16^3 Федерального закона «О содействии развитию жилищного строительства, созданию объектов туристской инфраструктуры и иному развитию территорий» в связи с жалобой администрации муниципального образования городского округа «Сыктывкар».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision912799.pdf

37. От 4 июня 2026 года № 37-П по делу о проверке конституционности пункта 9 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования «Кемеровский городской округ».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision914447.pdf

38. От 9 июня 2026 года № 38-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 1, статьи 12 и пункта 2 статьи 477 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Батраковой Надии Владимировны.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision915486.pdf

39. От 16 июня 2026 года № 39-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253^1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision916637.pdf

40. От 17 июня 2026 года № 40-П по делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 83 Лесного кодекса Россий-

ской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision917050.pdf

41. От 22 июня 2026 года № 41-П по делу о проверке конституционности статьи 242^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования городского округа – города Барнаула Алтайского края

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision917902.pdf

42. От 23 июня 2026 года № 42-П по делу о проверке конституционности пункта 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 6 июня 2023 года № 938 «О внесении изменений в перечень видов и категорий самоходных машин и прицепов к ним, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор, а также размеров утилизационного сбора» и подпункта «б» пункта 11^4 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Терра Групп».

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision918268.pdf

43. От 29 июня 2026 года № 43-П по делу о проверке конституционности статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Шеврюкова Сергея Николаевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision920091.pdf

44. От 30 июня 2026 года № 44-П по делу о проверке конституционности пункта 2 части первой и части пятой статьи 108, части четвертой статьи 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Каримова Николая Николаевича.

https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision920636.pdf

AMICUS CURIAE (ДРУГ СУДА)
Из экспертных и аналитических материалов

Российская Федерация

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ЛИЦЕНЗИИ НА ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ

Зарубежное и международное регулирование

Извлечение из Обзора Управления международных связей Конституционного Суда Российской Федерации, подготовленного по запросу судьи Конституционного Суда Российской Федерации в контексте рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации дела по жалобам акционерного общества «Санофи Россия» и компании Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед. Жалоба разрешена Постановлением от 12 марта 2026 года № 13-П.

По мнению заявителей, норма допускает возможность несправедливого распределения бремени доказывания и определения круга подлежащих доказыванию обстоятельств и судебной оценки отдельных, имеющих важное значение, обстоятельств в делах о предоставлении принудительной лицензии на воспроизведенные лекарственные препараты.

С учетом изложенного, в рамках настоящего выпуска рассматриваются вопросы, касающиеся зарубежного (международного) регулирования выдачи принудительных лицензий на лекарственные препараты (в том числе дженерики).

<...>

Основные результаты исследования

I. Международное право и большинство национальных правовых систем предусматривают возможность принудительного (недобровольного) лицензирования. Данный механизм позволяет использовать запатентованное изобретение в течение срока действия патента без согласия правообладателя. К этой же категории относится выдача лицензии государственному органу или уполномоченному третьему лицу для использования изобретения в интересах государства, что часто именуется «использованием в государственных целях».

II. В законодательстве различных стран нормы о принудительном лицензировании сформулированы, как правило, без акцента на конкретный вид изобретения, охраняемого патентом. Иными словами, за редким исключением, национальное законодательство о принудительном лицензировании не различает выдачу лицензий на лекарственные препараты или иные объекты. В тоже время зафиксировано, что принудительные лицензии наиболее часто приме-

няются в отношении патентов на лекарственные средства (безотносительно редкости и тяжести заболевания), т.е. связаны с производством и продажей дженериков.

III. Общие условия выдачи принудительных лицензий закреплены международными договорами и воспроизводятся в национальных законодательствах. В целом, принудительное лицензирование используются для защиты общественных интересов в широком смысле (например, в случаях необеспечения разумного спроса на рынке, завышенная цена и др.), а также для предотвращения злоупотреблений патентными правами, обеспечения национальной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Вопросы о выдаче принудительных лицензий на лекарственные препараты, ввиду широких формулировок соответствующих оснований, решаются от случая к случаю на основе дискреции властей, где приоритет, как правило, отдается интересам общественного здравоохранения.

IV. Анализ практики показывает, что прямое применение механизма принудительного лицензирования происходит относительно редко. Отчасти это объясняется его значительным превентивным эффектом: существующая законодательная возможность (или публичное объявление о готовности ее применить) оказывает давление на патентообладателей, побуждая их к компромиссам – например, к снижению цен на препараты или увеличению объёмов поставок. Таким образом, данный механизм часто выступает в качестве политического и переговорного инструмента, что и обусловливает относительно небольшое количество судебных решений по этому вопросу.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Монголия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ХУРАЛОМ И КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ МОНГОЛИИ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Д. СОЛОНГО
д.ю.н., директор исследовательского центра Конституционного Суда Монголии

Согласно концепции четвёртой Конституции Монголии, принятой в 1992 году, система государственного устройства сформирована на основе принципа разделения властей. Содержание данного принципа заключается в том, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти должны находиться в состоянии взаимного баланса, обладать равной юридической силой и иметь возможность осуществлять взаимный контроль, что уже хорошо известно и применяется на протяжении более чем тридцати лет.

По своей сути, построение конституционного государства представляет собой попытку ограничения и контроля государственной власти посредством правовых механизмов и средств правового регулирования.

Разумеется, органы, осуществляющие государственную власть, в соответствии с законом осуществляют взаимный контроль друг за другом с использованием различных, установленных правом, юридических инструментов. «Конституционный Суд, выступая в качестве своеобразного «регулятора», выполняет важнейшую функцию по недопущению нарушения баланса во взаимоотношениях между Президентом, Великим Государственным Хуралом и Правительством, в связи с чем он в обязательном порядке должен обладать независимым статусом и не подпадать под влияние со стороны указанных высших органов государственной власти»[1].

[1] Жанцан С. «Организационные и материальные гарантии обеспечения независимости Конституционного суда». Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого государственного хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом

Положение части второй статьи 64 Конституции Монголии, согласно которому «Конституционный Суд и его члены при осуществлении своих полномочий подчиняются исключительно Конституции и являются независимыми от каких-либо организаций, должностных лиц и иных лиц», является конституционной гарантией полной институциональной и функциональной независимости Конституционного Суда от какого-либо внешнего воздействия, в том числе со стороны государственных органов.

Данное положение также означает, что субъекты, наделённые правом выдвижения кандидатов в члены Конституционного Суда, равно как и Великий Государственный Хурал, осуществляющий их назначение, не вправе оказывать какое-либо влияние на принимаемые Конституционным Судом решения.

Известный учёный, первый Председатель Конституционного Суда Монголии, профессор Г. Совд отмечал, что «Конституционный Суд Монголии был впервые учреждён Конституцией 1992 года как орган конституционного контроля в системе государственного устройства Монголии и, согласно части первой статьи 64 Конституции, является органом, наделённым полномочиями по осуществлению высшего надзора за соблюдением Конституции, разрешению споров о нарушении её положений и выступает гарантией строгого соблюдения Конституции. При этом Конституционный Суд не является единственным органом, осуществляющим контроль за исполнением Конституции». В то же время он подчёркивал, что «для Великого Государственного Хурала как высшего представительного и законодательного органа государственной власти, а также для его постоянных комитетов и депутатов, контроль за исполнением Конституции составляет неотъемлемую часть их конституционных полномочий»[2]. Наряду с этим указывалось, что Президент Монголии, как глава государства, и Правительство, как высший орган исполнительной власти, в пределах своей компетенции осуществляют данный контроль посредством различных правовых механизмов и средств, предусмотренных законодательством.

Профессор Н. Жанцан указывал, что «деятельность субъектов, находящихся под конституционным контролем Конституционного Суда, обладает той особенностью, что она, как правило, не подпа-

Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра. // В сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии. Улан-Батор, 2007. С. 96.

[2] Совд Г. «Место Конституционного суда в системе конституционного контроля». Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого государственного хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра. // В сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии. Улан-Батор, 2007. С. 92.

дает под контроль со стороны иных органов, осуществляющих надзор за исполнением законов. В частности, Конституционный Суд осуществляет контроль за соблюдением Конституции Президентом Монголии, Председателем Великого Государственного Хурала, его депутатами, Премьер-министром, членами Правительства, Председателем Верховного Суда и Генеральным прокурором».

Кроме того, он подчёркивал, что «Конституционный Суд принимает окончательное решение по вопросам соответствия Конституции законов, указов, иных решений Великого Государственного Хурала и Президента, а также постановлений Правительства и международных договоров Монголии, равно как и по вопросам конституционности решений Центрального избирательного органа, принятых в связи с проведением референдума, выборов в Великий Государственный Хурал, а также выборов Президента»[3].

Кроме того, профессор Д. Лундээжанцан отмечал, что «в целом более соответствующим принципам конституционализма является наделение Конституционного Суда полномочием по официальному толкованию Конституции либо использование правоприменительной практики Конституционного Суда по разрешению дел в качестве прецедента»[4]. В подобном ключе вопрос о статусе и роли Конституционного Суда неоднократно подчёркивался и другими учёными-конституционалистами.

«Даже самая тщательно разработанная Конституция не способна полностью предотвратить конфликты. Споры о распределении и осуществлении власти неизбежно возникают между различными государственными органами либо между разными политическими силами. Постоянно возникает необходимость в толковании, уточнении и в определённой мере адаптации Конституции к конкретным обстоятельствам. Именно поэтому особое значение придаётся урегулированию возникших споров ненасильственными средствами. В демократическом государстве, основанном на конституции, дол-

[3] Жанцан Н. «Деятельность Конституционного суда Монголии и особенности взаимоотношений с парламентом». Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого государственного хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра. // В сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии. Улан-Батор, 2007. С. 128.

[4] Лүндээжанцан Д. «Решения Конституционного суда и вопросы критерия соотношения юридической силы решений Великого государственного хурала». Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого государственного хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра. // В сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии, Улан-Батор, 2007. С. 137.

жен существовать нейтральный, независимый и обладающий высоким авторитетом и влиянием судебный орган, который разрешает возникшие споры на основе конституционных критериев»[5]. Такое положение было изложено доктором Г. Лихтенбергером (Германия), Генеральным секретарём Конституционного суда земли Бавария и бывшим судьёй Верховного суда земли, в докладе, представленном на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимоотношений между конституционным судом и парламентом», состоявшемся в 1998 году в городе Улан-Батор.

При исследовании правовых основ регулирования взаимоотношений между Конституционным Судом Монголии и Великим Государственным Хуралом автор настоящей работы сосредоточил основное внимание на том, каким образом Великий Государственный Хурал принимал заключения Конституционного Суда и какие решения принимал по их результатам. С этой целью были изучены заключения Конституционного Суда и постановления Великого Государственного Хурала, принятые по итогам их рассмотрения, с использованием следующих источников: Legalinfo.mn; «Исторический свод законодательства Монголии» (25 томов); «Сборник решений Конституционного Суда Монголии» (6 томов); «Обзор деятельности Конституционного Суда Монголии» (2024 год) и других материалов.

В ходе анализа были выявлены следующие примечательные обстоятельства. Во-первых, несмотря на то, что в пункте 45.1 Закона Монголии «О законотворчестве» предусмотрено, что центральный государственный административный орган, ведающий вопросами юстиции, обязан формировать единый фонд действующего законодательства Монголии в бумажной и электронной формах, а также организовывать работу по систематизации законодательства, а в пункте 45.3 данного Закона установлено, что электронная база законодательства размещается Национальным институтом правовых исследований в единой системе правовой информации, сведения, содержащиеся в фактически изученных электронных базах и печатных сборниках, не совпадают между собой. Во-вторых, в электронной базе данных особенно заметна неполнота информации о постановлениях Великого Государственного Хурала, принятых по результатам рассмотрения заключений Конституционного Суда. В-третьих, имеются расхождения и между данными, представленными в различных печатных сборниках.

[5] Лихтенбергер Г. «Правовые основы взаимодействия Конституционного суда и парламента и опыт этого взаимодействия». Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого государственного хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра. // В сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии. Улан-батор, 2007. С. 395.

В связи с этим, с целью максимально полного отражения сроков рассмотрения заключений Конституционного Суда Великим Государственным Хуралом и характера принятых по ним решений, автору пришлось сопоставить и отобрать материалы из нескольких источников, затратив на это значительное время.

Немецкий ученый, доктор Д.Мало, в своём докладе, представленном на вышеупомянутом симпозиуме, подчёркивал, что «если политика ограничивается правовыми нормами, то судебная власть, в свою очередь, определяется правовыми нормами. Вынесение правового заключения (целесообразнее употреблять термин «юридическое заключение») относится к сфере судебной власти, тогда как вынесение неправового, иными словами — политического заключения, является вопросом компетенции парламента»[6].

В первые годы деятельности учреждения, осуществляющего исключительно конституционный контроль в Монголии, а именно в период 1992–1996 годов, Парламент нередко давал правовую оценку решениям Конституционного Суда, действуя порой вопреки его заключениям. Например:

1. В Постановлении Великого Государственного Хурала №41 от 22 декабря 1992 года по заключению Конституционного Суда №01 от 2 декабря 1992 года было указано: «Положения Постановления Великого Государственного Хурала №24 от 1992 года не имеют связи с частью третьей статьи 57 Конституции и остаются действующими».

2. В Постановлении Великого Государственного Хурала №09 от 13 января 1994 года по заключению Конституционного Суда №01 от 7 января 1994 года отмечалось: «Пункт первый признать юридически необоснованным, пункт второй признать юридически обоснованным и принять его».

3. В Постановлении Великого Государственного Хурала №18 от 17 января 1994 года по заключению Конституционного Суда №02 от 12 января 1994 года постановлено: «Признать юридически обоснованным».

4. В Постановлении Великого Государственного Хурала №88 от 6 декабря 1994 года по заключению Конституционного Суда №07 от 25 июля 1994 года: «Признать отсутствие нарушения, признать юридически необоснованным указание о нарушении».

---

[6] Мало Д. «Место Конституционного суда во взаимоотношениях между правом и политикой». Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого государственного хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра. В сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии. Улан-Батор, 2007. С. 386.

5. В Постановлении Великого Государственного Хурала №20 от 13 марта 1995 года по заключению Конституционного Суда №02 от 18 января 1995 года: «Признать юридически необоснованным».

6. В Постановлении Великого Государственного Хурала №23 от 30 июля 1996 года по заключению Конституционного Суда №06 от 17 июля 1996 года: «Признать юридически необоснованным»[7].

Таким образом, в указанный период Великий Государственный Хурал фактически давал правовую оценку правовым заключениям Конституционного Суда. Этот процесс завершился в августе 1996 года.

Господин Г. Лихтенбергер отмечал, что «в рамках конституционного контроля Конституционного суда иногда возникает тенденция придавать решениям суда чрезмерно выраженный политический характер. Однако это неверный подход. По сравнению с другими конституционными органами, Конституционный суд не имеет полномочий и не обладает возможностью принимать политические решения. Суд никогда не может действовать по собственной инициативе; как уже отмечалось, он осуществляет свою деятельность исключительно на основании поданных обращений или жалоб. В силу этого Суд может проверять политические действия других органов только после того, как эти действия уже совершены. Полномочия по принятию политических решений и осуществлению политического руководства в любом случае находятся у иных конституционных органов, прежде всего у Парламента»[8]. Я сама полностью согласна с данной точкой зрения.

Если политические решения в государстве уже закреплены и функционируют в условиях демократии, они должны регулироваться посредством устоявшихся процедур или приниматься большинством голосов, а не переноситься в компетенцию Конституционного суда для разрешения чисто политических вопросов. Сложности возникают также тогда, когда оппозиционные силы стремятся продолжить свою политическую борьбу не через парламентские дебаты и контроль за деятельностью правительства, а посредством подачи обращений или жалоб в Конституционный суд с целью получить окончательное решение по ключевым вопросам. По этой причине обращение депутатами Великого Государственного Хурала,

[7] Интересно, что номер этого постановления совпадает с номером от 26.04.1996, при этом оно вовсе не внесено в электронный реестр.

[8] Лихтенбергер Г. «Правовая основа отношений между Конституционным судом и парламентом и опыт этих отношений», доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы взаимоотношений Конституционного суда и парламента», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого Хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра, в сборнике статей и докладов Конституционного суда Монголии. Улан-батор, 2007. С.397.

как гражданами своего округа, в Конституционный суд с просьбой разрешить конкретные вопросы в целом не соответствует принципам рационального разделения политической и конституционной компетенции.

Конституционный правовед и учёный Ц. Сарантуяа отмечала: «Когда Конституционный Суд выносит заключение о том, что должностное лицо нарушило Конституцию, попытка Великого Государственного Хурала рассматривать это заключение и определять его юридическую обоснованность сама по себе является необоснованной и представляет собой ошибку, нарушающую принципы государственного устройства»[9]. В то же время учёный Г. Совд пояснил: «Хотя заключение Конституционного Суда о нарушении Конституции поведением должностного лица представляется в Великий Государственный Хурал, парламент рассматривает не вопрос о признании или непризнании самого заключения, а только вопросы, касающиеся должностного лица, указанные в заключении. Поэтому повторное рассмотрение данного заключения самим Судом не требуется».

Дело в том, что в данном случае Конституционный Суд устанавливает исключительно факт соответствия или несоответствия поведения должностного лица/индивида Конституции, а также не занимается вопросами государственной кадровой политики, не осуществляет выбор, назначение, увольнение или замену должностных лиц и не привлекает их к ответственности[10]. Поэтому заключение Суда имеет силу окончательного решения. Решение Конституционного Суда о признании факта нарушения Конституции недействительным является окончательным, и ни один орган или должностное лицо не вправе его обжаловать, пересматривать или отменять. Эта позиция была изложена в докладе, представленном в 1998 году. Однако спустя 27 лет наблюдается ситуация прямо противоположная: решение Конституционного Суда о нарушении Конституции членом Великого Государственного Хурала фактически не реализуется, что вызывает глубокое сожаление.

Кроме того, «при внимательном анализе сроков рассмотрения Великим Государственным Хуралом заключений Конституционного Суда выявляется, что случаи затягивания сроков для решений о не-

---

[9] Сарантуяа Ц. «Принцип распределения государственной власти и конституционный контроль», Конституционный суд Монголии (сборник статей и докладов), Улаанбаатар, 2007, стр. 84.

[10] Совд Г. «Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы отношений между конституционным судом и парламентом», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого Хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра», Конституционный суд Монголии (сборник статей и докладов), Улаанбаатар, 2007, С. 95.

соответствии Конституции встречаются крайне редко, тогда как заключения о нарушении Конституции рассматриваются значительно дольше»[11].

Согласно пункту 36.2 Закона о рассмотрении споров в Конституционном Суде, «в течение 15 дней после получения заключения Суда Великий Государственный Хурал обязан рассмотреть его; если заключение получено в период межсессионного перерыва парламента и не касается чрезвычайной или военной ситуации, рассмотрение осуществляется в течение 15 дней со дня начала следующей сессии в соответствии с процедурой проведения заседаний парламента Монголии». На практике данное требование закона выполнялось не всегда. Так, согласно исследованию, например, из 136 постановлений Великого Государственного Хурала, принятых в период с 22 декабря 1992 года по 24 сентября 2025 года, которые мы изучили, только 58, или 42,6 процента, были обсуждены после заключения Цэц в течение установленного законом срока. Остальные 78, или 57,4 процента, были обсуждены не менее чем через 20 дней, а иногда и через 2 года, 7 месяцев и 23 дня (заключение Цэц № 01 от 23 марта 2001 года было обсуждено 11 ноября 2003 года).

Еще одной проблемой во взаимоотношениях между Конституционным Судом и Великим Государственным Хуралом является то, что «в случае неполучения заключения Суда парламент часто принимает постановление, не указывая причины неполучения данного заключения. Такая практика стала достаточно привычной и создаёт значительные трудности при повторном рассмотрении вопроса Судом», — отмечал профессор Н. Жанцан ещё в 1998 году, то есть 27 лет назад. К сожалению, данная проблема до сих пор остаётся нерешённой.

Так, в частности, согласно пункту 3 статьи 36 Закона о рассмотрении споров в Конституционном Суде, «если Великий Государственный Хурал принимает постановление о непринимании заключения Цэц, основание такого непринимания рассматривается Судом на заседании в полном составе с повторного начала спора; если основание признаётся обоснованным, предыдущее заключение признаётся недействительным, а если основание не подтверждается – принимается постановление о недействительности постановления парламента». На практике выполнение этой

[11] Жанцан Н. «Деятельность Конституционного суда Монголии и особенности отношений с парламентом. Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы отношений между конституционным судом и парламентом», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого Хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра», Конституционный суд Монголии (сборник статей и докладов). Улан-батор, 2007. С. 128.

нормы оставляет желать лучшего. В то же время статья 84 Закона Монголии «О порядке ведения заседаний Великого Государственного Хурала» регулирует порядок направления заключений Суда в парламент, порядок их рассмотрения и голосования, а также направление парламентского постановления о непринимании заключения обратно в Суд. Формально, из положений Закона о рассмотрении споров Суда следует, что постановление об отказе в принятии заключения должно содержать соответствующее обоснование. Как уже отмечалось, из 136 постановлений Великого Государственного Хурала по заключениям Конституционного Суда лишь четыре постановления содержали обоснование того, почему заключение не может быть принято, что наглядно демонстрирует слабость реализации данной нормы.

Таким образом, как отмечал этот учёный ещё 27 лет назад, «взаимоотношения между парламентом Монголии и Конституционным Судом осуществлялись в рамках закона и в соответствии с принципом верховенства Конституции. Тем не менее, учитывая многогранную природу взаимодействия Великого Государственного Хурала и Конституционного Суда, механизмы разрешения возникающих вопросов до сих пор не сформированы окончательно и остаются противоречивыми»[12].

В заключение следует отметить, что «возникает необходимость дальнейшего углублённого изучения правовых основ взаимодействия между Конституционным Судом и Великим Государственным Хуралом. Эта необходимость обусловлена фундаментальными интересами верховенства Конституции и всестороннего укрепления демократии в Монголии»[13]. Такой вывод сделал учёный Н. Жанцан ещё 27 лет назад. Отмечается, что Закон о Конституционном Суде, принятый в 1992 году, состоял из 22 статей и подвергался 36 поправкам и изменениям, а Закон о рассмотрении споров в Конституционном Суде, принятый в 1997 году, включал 36 статей и был изменён 24 раза. На основании этих выводов построена логика данного исследования.

[12] Жанцан Н. «Деятельность Конституционного суда Монголии и особенности отношений с парламентом. Доклад, представленный на симпозиуме «Правовые и этические основы отношений между конституционным судом и парламентом», организованном Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого Хурала Монголии, Конституционным судом Монголии, Фондом Ханнс Зайдель и Фондом Конрада Аденауэра», Конституционный суд Монголии (сборник статей и докладов). Улан-Батор, 2007. С.129.

[13] Там же, С. 132.

Список литературы

1. «Правовые и этические основы взаимодействия Конституционного суда и парламента» / Материалы симпозиума, организованного Постоянной комиссией по правовым вопросам Великого Государственного Хурала Монголии, Конституционным Судом и фондами Ханнс Зайдель и Конрада Аденауэра. Улан-батор, 1998.
2. Конституционный Суд Монголии: сборник статей и докладов. Улан-батор, 2007.
3. «Конституционный контроль в Монголии: текущее состояние и перспективы» // Материалы международной научной конференции. Улан-батор, 2008.
4. Развитие конституционного правопорядка и перспективы // Материалы международной научной конференции. Улан-батор, 2012.
5. Обзор деятельности Конституционного Суда Монголии. Улаанбаатар, 2024.
6. Исторический сборник законодательства Монголии. Т. 25.
7. Сборник решений Конституционного Суда Монголии. Т. 6.
8. Legalinfo.mn

Республика Армения

ИММУННАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Больному обществу чужды искусство,
религия, любовь и… разумность…

Г.Г. АРУТЮНЯН
д.ю.н., профессор,
Председатель международного аналитического центра «Конституционная культура»

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена «иммунной недостаточности общества» как системной категории конституционно-правового анализа. Автор обосновывает, что устойчивость государственности определяется не только качеством правовых текстов, но и способностью общества распознавать и нейтрализовать деструктивные процессы – через институты, нормы и ценностные фильтры. Рассматриваются симптомы общественного иммунодефицита, феномен «управляемого иммунодефицита», роль медиа как фактора либо защиты, либо уязвимости, а также связь между накоплением негативной социальной энергии и социальными потрясениями.

В качестве вывода формулируется императив конституционализации общественной жизни на основе верховенства права как необходимого условия преодоления иммунодефицита и обеспечения устойчивого развития.

Основные понятия: иммунная система общества; общественный иммунодефицит; конституционное равновесие; дефицит конституционализма; конституционализация общественных отношений; управляемый иммунодефицит; селективная рациональность; поведенческая иммунная система (behavioral immune system); коррозия доверия; нормализация несправедливости; иррационализация; конституционный мониторинг.

1. Предисловие. Исторические источники и культурная память различных эпох убеждают в том, что проявления иррационального в общественной жизни во многом опосредуются человеческим фактором. Человек как носитель достоинства становится гражданином – субъектом публичного порядка лишь тогда, когда его вну-

тренняя способность к самоограничению получает нормативное и институциональное оформление. Именно в этом переходе от личной нравственной автономии к публичной ответственности и формируется то, что в настоящем исследовании обозначается как социальная иммунная система.

Если человеческое достоинство является онтологическим основанием конституционализма, то гражданская зрелость выступает его функциональным выражением. Конституционный порядок не может существовать исключительно на уровне текстуальных гарантий; он требует определённого качества гражданина – способности воспринимать право не как инструмент выгоды, а как форму справедливого самоограничения. Там, где свобода отделяется от ответственности, а право – от внутреннего убеждения в его ценности, формируется пространство нормативной эрозии.

В условиях опасной турбулентности современного миропорядка это обстоятельство приобретает принципиальное значение. Внешние риски – геополитические, технологические, информационные – усиливают внутренние слабости общества. Если гражданин утрачивает чувствительность к нарушениям справедливости, если институты начинают функционировать формально, а ценности становятся декларативными, возникает состояние, которое может быть охарактеризовано как иммунная недостаточность общества. Это не просто кризис управления; это снижение способности системы распознавать и нейтрализовать деструктивные отклонения без разрушения собственных оснований.

Методологически данный переход предполагает использование иммунологической модели анализа. Общество рассматривается как сложная саморегулирующаяся система, в которой человеческое достоинство образует аксиологическое ядро, гражданская культура – функциональный механизм распознавания отклонений, а конституционные институты – структурные элементы иммунного ответа. При нарушении связи между этими уровнями –антропологическим, культурным и институциональным – система утрачивает устойчивость.

Таким образом, понятие социальной иммунной недостаточности вводится не как метафора, а как аналитическая категория, позволяющая связать антропологическое основание человеческой свободы с качеством гражданского поведения и состоянием публичных институтов. От природы человека – к природе гражданина, от достоинства – к ответственности, от внутренней свободы – к институциональному самоограничению. Именно в этом переходе определяется способность общества противостоять турбулентности, не утрачивая собственного нормативного равновесия.

Дальнейшее изложение посвящено раскрытию структуры и симптоматики социальной иммунной недостаточности как клю-

чевого риска устойчивости государства и как отправной точки для формирования концепции конституционного иммунитета.

2. Постановка проблемы: «иммунная недостаточность» как риск устойчивости. История организованного существования человечества на протяжении последних десяти тысяч лет свидетельствует о том, что значительная часть этого периода прошла под знаком противостояний и постоянной борьбы за завоевание жизненного пространства. В рамках данной логики доминировал принцип «сильный всегда прав», а социальные и политические системы в большинстве случаев воспроизводили преимущество силы над правом – либо напрямую, либо посредством институционально «оформленной» асимметрии. В XX веке указанные тенденции приобрели беспрецедентный масштаб. Несовершенства общественного бытия на более высокой стадии его развития привели к двум мировым войнам – к уничтожению человеком десятков миллионов представителей собственного вида, к геноцидам, к кризису гуманизма и рациональности, к крупномасштабным экономическим катаклизмам. Созданные человеком технические средства превратились в орудия массового уничтожения, а также в фактор нарушения биологического равновесия земной среды. Тем самым «прогресс» в области техники и организации управления не только не гарантировал гуманизацию общественных отношений, но во многих случаях оказался сопряжён с ростом разрушительного потенциала.

В XXI веке вектор иррационального, по существу, не изменился. Развернувшийся во многих регионах мира многоаспектный кризис охватил все стороны общественной жизни, перерос в новые войны и, в ряде случаев, в столкновение цивилизаций. При этом имеющийся глобальный инструментарий предотвращения и урегулирования углубляющихся конфликтов уже проявил свою нежизнеспособность. Доминирующим становится диктат силы, а правовые и нравственные ограничения утрачивают значение практического регулятора.

Реальность такова, что кризисы сопровождали все этапы человеческой истории. Однако характер и глубина их проявлений во многом определялись уровнем познавательных и научных достижений соответствующей эпохи. В этом смысле история человечества предстает как история непрерывной реализации и последовательной апробации возможностей самоистребления вида. Парадокс и трагизм современного положения в том, что даже в третьем тысячелетии зло глубоко укореняется в человеке и в человеческом обществе, тогда как меры противодействия оказываются несоразмерными сложившейся ситуации. Более того, над человечеством вновь нависла непосредственная угроза атомной войны, что делает сценарий самоистребления рода человеческого не абстрактной метафорой, а предметом практической тревоги.

Современные реалии свидетельствуют о сущностной деформации ценностных оснований разумного поведения. Если двести лет назад человечество, стремясь обеспечить развитие общественного бытия, прибегло к принятию конституций как к форме закрепления фундаментальных ценностей, то сегодня во многих странах фиксируется существенный разрыв между заложенной в конституциях системой ценностей и реальной жизнью. Это выражается не только в дефектах правоприменения, но и в постепенной «нормализации» ситуаций, когда конституционные ориентиры утрачивают регулятивную силу, а институты, призванные обеспечивать баланс и взаимные ограничения, функционируют преимущественно формально.

Представляется обоснованным утверждение, что негативные проявления нынешнего положения в значительной степени обусловлены системной недостаточностью коллективного социального бытия, а также вмешательствами разума в естественные закономерности такого характера, которые становятся стимулом нестабильности и приводят к дефициту конституционализма; при этом наблюдается тенденция к его дальнейшему углублению. Это означает, что общественная жизнь не функционирует по общим и единым правилам существования: нормы, провозглашённые Основным законом, в реальной практике обесцениваются и нередко приобретают преимущественно формальный характер.

В естественной среде – например, в сообществе пчёл – неизбежным следствием подобного положения стало бы разрушение системы: биологические механизмы саморегуляции не терпят длительного накопления дисфункций без реакции. Возникает ключевой вопрос: каким образом человеческое сообщество может избежать аналогичной участи, учитывая, что социальные системы сложнее, многоуровневее и зависят от нормативных, ценностных и институциональных контуров самосохранения?

Исходная гипотеза настоящей статьи состоит в том, что существенную роль здесь способна сыграть гармонизация социального и правового поведения индивида с базовыми правилами бытия, или, что равнозначно, конституционализация социального поведения и обеспечение необходимой для этого общественной среды. Реализация указанного направления возможна лишь при условии преодоления в каждой стране общественной иммунной недостаточности, дефицита конституционализма и внедрения модели устойчивой государственности на основе верховенства права.

Данный концептуальный подход предполагает: а) многофакторный анализ ситуации и новый методологический подход к научной диагностике; б) внедрение новых системных конструкций обеспечения конституционализма. В логике предлагаемого подхода «иммунная недостаточность общества» рассматривается не как образ-

ное выражение, а как теоретически значимая категория описания системной уязвимости: она фиксирует состояние ослабления механизмов распознавания, локализации и нейтрализации деструктивных процессов – от эрозии доверия и норм до институциональной деградации и подрыва верховенства права. Следовательно, речь идет о прямом риске устойчивости и безопасности общественного развития.

3. Иммунная система общества: институты, нормы и ценностные фильтры. Как показывает история развития человечества – от библейских толкований до современных философских, правовых и политологических обобщений, – исключительное значение для согласованности коллективного социального бытия и стимулирования его развития имеет конституционализация общественных отношений. Естественно, формы её проявления претерпевали серьёзную историческую эволюцию, однако сохраняли и ряд ценностных универсалий. История также показывает, что во всём мире стержневой проблемой конституционного развития постепенно становятся признание прав человека как высшей ценности и неотчуждаемого права, а также их гарантия, обеспечение и защита как непосредственно действующего права.

В новом тысячелетии ключевым становится переход к антропоцентрическим конституционным решениям, в которых в центре конституционных отношений находится человек – с его неотчуждаемым достоинством и естественными правами[1]. Очевидно также, что беспрецедентные социальные катастрофы современного мира (международный терроризм, массовая миграция миллионов людей, десятки миллионов людей, обречённых на голод, утративших надежду и веру) во многом обусловлены именно дефицитом конституционализма, различными формами конституционных кризисов, игнорированием верховенства права как в конституционных решениях, так и в реальной жизни, а также отсутствием действенных механизмов восстановления нарушенного конституционного равновесия.

Анализ причин, препятствующих становлению правового демократического государства и утверждению верховенства пра-

[1] Показательно, что 17 ноября 2017 года в Риме, в рамках международной конференции «Вызовы, брошенные духовному и правовому поведению современного индивида, и императивы их преодоления», организованной совместно с Папским институтом востоковедения Ватикана, в приветственном слове председатель Папского совета по законодательным текстам кардинал Коккопальмерио сформулировал тезис: «человек не является носителем прав; человек сам по себе и есть право». Данный тезис может быть истолкован как предельно концентрированное выражение идеи о том, что достоинство личности не сводится к набору предоставленных государством правомочий, а составляет первооснову правопорядка.

ва, целесообразно рассматривать в триединстве: (1) негативные проявления общественной жизни; (2) преодоление дефицита конституционализма; (3) решение сверхзадачи устойчивого развития. При этом первоочередным является устранение причин возникновения общественного иммунодефицита – тех предпосылок, которые объективно ведут к расширению иррационального.

Первичные условия преодоления данной ситуации могут быть сформулированы следующим образом: а) в основе социального и правового поведения личности в каждой стране должно лежать верховенство права; б) в основе политического поведения политических институтов государства должно лежать верховенство права; в) в основе публичного поведения органов публичной власти должно лежать верховенство права.

Однако для достижения указанного современные общества ещё не создали необходимых конституционно-правовых и институциональных гарантий, а существующие механизмы во многих случаях оказались искажены и подверглись деградации. Факт состоит в том, что человеческое сообщество в целом сегодня не располагает необходимой и действенной иммунной системой, способной противостоять современным социальным вызовам. Иммунная недостаточность общественной жизни становится одной из ключевых причин социальных катастроф. Следовательно, лишь сильная и жизнеспособная иммунная система общества может рассматриваться как базовая гарантия устойчивого развития.

Накопление отрицательной социальной энергии приводит к формированию критической массы, при достижении которой взрыв становится практически неизбежным. В результате нарушения конституционного равновесия в общественной жизни не выявляются, не оцениваются и не преодолеваются своевременно; не сформированы действенные конституционные механизмы для их диагностики и нейтрализации, что имеет исходное значение для системной устойчивости.

В профессиональной литературе чаще используется понятие «социальный иммунитет». Социальный иммунитет – это совокупность культурных, нормативных, институциональных и поведенческих механизмов общества (и/или личности как носителя культуры), которые обеспечивают распознавание социально опасных воздействий (рисков, деструктивных норм и практик, манипулятивных информационных влияний, ценностной эрозии), их сдерживание/нейтрализацию и тем самым поддерживают целостность социальной системы, воспроизводство идентичности и устойчивость социального порядка. В современной научной литературе этот термин развивается по двум взаимосвязанным линиям:

а) как биологически ориентированная концепция «коллективных» защит у социальных организмов (колоний/групп), где социаль-

ный иммунитет понимается как групповой уровень защиты, возникающий из кооперации членов сообщества[2];

б) как социально-психологическая и социологическая метафора «иммунной системы» общества/культуры, где ключевым признанным направлением выступает доктрина behavioral immune system (поведенческая иммунная система):

М. Шаллер и Дж. Парк определяют её как набор психологических механизмов, которые обнаруживают признаки патогенной/опасной среды и запускают избегающее, защитное поведение, влияя также на социальные установки и коллективные практики[3]. В русскоязычном социогуманитарном дискурсе «социальный иммунитет» описывается как способность распознавать и отторгать «чужеродные» социокультурные влияния, поддерживая социальное здоровье и безопасность[4]; проблематика рассматривается как самостоятельный предмет научного дискурса[5]; в том числе в контексте сохранения идентичности под давлением глобализационных процессов[6].

В последующем анализе будут представлены наши доктринальные подходы к иммунной системе общества, принимая во внимание необходимость сохранения функциональной и институциональной жизнеспособности общества и обеспечения его динамичного развития. При этом мы подчёркиваем, что следующие два определения являются для нас основополагающими:

а) **Иммунная система общества** – совокупность институтов, норм, ценностей и практик, которые обеспечивают самосохранение, устойчивость и способность общества адаптироваться к внутренним и внешним угрозам. Она включает правовое государство, конституционную культуру, независимые суды, свободные медиа, образование, гражданскую солидарность и механизмы обратной

---

[2] Cremer S., Armitage S.A.O., Schmid-Hempel P. Social Immunity. Current Biology. 2007; Cotter S.C., Kilner R.M. Personal immunity versus social immunity. Behavioral Ecology. 2010; Meunier J. Social immunity and the evolution of group living in insects. Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2015.

[3] Schaller M., Park J.H. The Behavioral Immune System (and Why It Matters). Current Directions in Psychological Science. 2011.

[4] Волкова О. А. Социальный иммунитет как компонент социального здоровья (контекст демографической безопасности). // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32. № 5. С. 941-945. URL: https://www.isras.ru/publ.html?id=135532024.

[5] Жапуев З.А. Социальный иммунитет как предмет научного дискурса. 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-immunitet-kak-predmet-sotsiologicheskogo-issledovaniya-kontseptualizatsiya-ponyatiya.

[6] Кормочи Е.А. Социальный иммунитет как возможность сохранения идентичности в условиях глобализационного давления. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-immunitet-kak-vozmozhnost-sohraneniya-identichnosti-v-usloviyah-globalizatsionnogo-davleniya.

связи, позволяющие выявлять, локализовать и нейтрализовать деструктивные процессы без разрушения целого.

б) **Иммунодефицит общества** – состояние ослабления или утраты этих защитных механизмов, при котором общество теряет способность распознавать угрозы, причины нарушения конституционного баланса и адекватно на них реагировать. Он проявляется в эрозии институтов, подрыве верховенства права, деградации ценностей, недоверии и апатии, что делает систему уязвимой к коррупции, авторитаризму, насилию и внешнему давлению.

В живых организмах и в природе в целом иммунная реакция является естественной необходимостью; тяжелейшим заболеванием считается иммунная недостаточность – иммунодефицит. В социальном измерении иммунная система общества опирается не только на обеспечение конституционного равновесия: существенное значение имеют также образование, общественное здоровье, социальная защищённость, действенные институты и культурные ценности. Иными словами, «иммунитет» социума является системным феноменом, который включает нормативные, институциональные и ценностно-культурные компоненты, работающие совместно и взаимно подкрепляющие.

4. Симптоматика иммунодефицита: деформация баланса, апатия, коррозия доверия. Иммунная недостаточность общественной жизни становится одной из ключевых причин социальных катастроф. Следовательно, лишь сильная и жизнеспособная иммунная система общества может рассматриваться как базовая гарантия устойчивого развития.

Современный иммунодефицит проявляется, прежде всего, как неспособность системы своевременно распознавать нарушения конституционного равновесия, адекватно их оценивать и нейтрализовать без разрушения целого. Накопление отрицательной социальной энергии приводит к формированию критической массы, при достижении которой взрыв становится практически неизбежным. Это означает, что нарушения конституционного равновесия в общественной жизни не выявляются, не оцениваются и не преодолеваются своевременно; не сформированы действенные конституционно-правовые механизмы для их диагностики и нейтрализации. Данное обстоятельство имеет исходное значение для системной устойчивости.

Все элементы общественного организма находятся во взаимной связи и функциональном равновесии. Проблема состоит в том, каким образом сохранять это равновесие в динамике – на протяжении всего процесса существования и развития системы. Это возможно лишь тогда, когда любое нарушение равновесия – по са-

мым различным причинам – немедленно выявляется, оценивается и устраняется. Именно это и составляет функциональный смысл иммунной системы социума.

Симптоматика общественного иммунодефицита, как правило, выражается в следующих устойчивых проявлениях:

Деформация конституционного баланса. Речь идёт о смещении и/или разрыве баланса между ветвями власти, об ослаблении системы сдержек и противовесов, о снижении реальной эффективности гарантий прав и свобод, а также о превращении конституционных норм в декларативные конструкции при отсутствии действенных механизмов реализации и защиты.

Коррозия доверия. Доверие выступает не просто психологическим состоянием, а фундаментальной институциональной предпосылкой воспроизводства правопорядка. Его коррозия означает утрату легитимности процедур, снижение готовности к соблюдению правил и рост «теневых» практик – от бытового правового нигилизма до системной коррупции.

Рост апатии и отчуждения. Апатия – это симптом деградации механизмов обратной связи: общество перестаёт воспринимать право и институты как значимые инструменты защиты и саморегуляции. В результате публичная сфера утрачивает способность к рациональному обсуждению и принятию решений, а участие граждан в общественной жизни подменяется пассивным наблюдением либо реактивными вспышками.

«Нормализация» несправедливости. При длительном накоплении дисфункций несправедливость постепенно воспринимается как привычная «данность», что снижает порог чувствительности к нарушениям прав и подрывает ценностные фильтры общества.

Указанные проявления особенно опасны тем, что формируют замкнутый круг: институциональные дефекты порождают недоверие и апатию, а недоверие и апатия, в свою очередь, облегчают дальнейшую деградацию институтов и норм. В этих условиях общество утрачивает способность к мягкой адаптации и переходит в режим «кризисной реактивности».

5. «Управляемый иммунодефицит»: селективная рациональность и манипуляция. Следует учитывать и риск нарушения равновесия вследствие экзогенных воздействий либо под влиянием субъективного фактора. В этом случае возникает феномен **«управляемого иммунодефицита»**, который в современную эпоху нередко рассматривается как один из характерных механизмов дестабилизации. Его сущность состоит в том, что ослабление защитных механизмов общества не является исключительно «естественным» следствием внутренних ошибок и дисфункций, а может выступать результатом целенаправленного воздействия – через подрыв институтов, раз-

мывание ценностных ориентиров, манипуляцию общественными ожиданиями и селективную рациональность публичной политики.

Под **селективной рациональностью** в данном контексте целесообразно понимать такую конфигурацию управленческих решений и публичных дискурсов, при которой рациональность применяется избирательно: она обслуживает краткосрочные политические или корпоративные цели, но блокирует рациональные механизмы самокоррекции системы (подотчётность, независимый контроль, правовые гарантии, публичную критику). В результате общество внешне сохраняет признаки «управляемости», но фактически утрачивает способность к устойчивому развитию, поскольку подавляются или обесцениваются механизмы раннего предупреждения и нейтрализации дисфункций.

Именно в этой логике в ряде интерпретаций «управляемый иммунодефицит» связывается, в частности, с технологией «цветных революций», где дестабилизация рассматривается как итог сочетания внутренних дисфункций и внешне поддерживаемых сценариев мобилизации. При этом в научно-аналитическом подходе принципиально важно не подменять анализ оценочными штампами: само наличие протестов или смены политических конфигураций ещё не доказывает «управляемости» процесса. Однако и обратное также верно: игнорирование технологических аспектов современных форм дестабилизации обедняет диагностику и ослабляет инструментарий профилактики.

Наши многолетние исследования позволяют обосновать вывод: преодоление общественного иммунодефицита внутри государства невозможно без конституционализации общественной жизни на основе обеспечения верховенства права в социальном и правовом поведении личности, в политическом поведении политических институтов государства, в публичном поведении органов публичной власти, а также посредством внедрения соразмерной системы конституционного мониторинга, что, в свою очередь, может стать важнейшей гарантией устойчивого развития.

6. Медиа и иррационализация как фактор общественной уязвимости. В социальном измерении иммунная система общества опирается не только на обеспечение конституционного равновесия. Существенное значение имеют также образование, общественное здоровье, социальная защищённость, действенные институты и культурные ценности. Однако для полноценного и эффективного функционирования этой системы исключительное значение имеют СМИ и более широко – информационно-коммуникативная среда.

В устойчивой государственности, обладающей необходимой иммунной системой, СМИ оперативнее реагируют на негативные проявления общественной жизни и тем самым способны приво-

дить в действие механизмы общественной оценки и восстановления нарушенного конституционного равновесия. Фактически они выполняют важную публично-властную функцию: обеспечивают прозрачность, выявляют отклонения, стимулируют обратную связь и формируют публичную ответственность. Для осуществления этой деятельности необходимы соответствующие предпосылки – институциональная автономия, правовые гарантии, профессиональные стандарты и защищённость от политического и экономического давления.

Одновременно медиа могут становиться и фактором уязвимости, если они превращаются в инструмент иррационализации: подменяют анализ эмоциями, сложную причинность упрощёнными объяснениями, правовую аргументацию мобилизационными лозунгами, а проверяемую информацию – манипулятивными конструкциями. В таких условиях информационное поле перестаёт выполнять иммунную функцию «раннего предупреждения» и начинает работать как механизм усиления социального напряжения, перераспределения доверия и разрушения ценностных фильтров.

Для человеческого сообщества иммунная система может стать действенной лишь при наличии рационального начала, поскольку любая форма общественной активности несёт отпечаток рациональности – либо рациональности созидательной, либо рациональности инструментальной и селективной. Проблема заключается в том, достигло ли общественное самосознание такого уровня, при котором не только осознана необходимость жизнеспособной иммунной системы, но и сформированы необходимые и достаточные предпосылки для её практического внедрения. Там, где рациональность вытесняется иррациональными стимулами и управляемыми эмоциями, общество оказывается уязвимым как к внутренним кризисам смысла, так и к внешним информационным воздействиям. Именно поэтому, рассматривая медиа как компонент иммунной системы общества, следует удерживать двуединый аспект: а) медиа как институциональный механизм контроля и обратной связи; б) медиа как возможный канал манипуляции, подрыва доверия и нормализации девиаций.

От того, какой из аспектов доминирует в конкретной стране и в конкретный период, зависит динамика устойчивости и способность системы к самосохранению.

7. Социальные потрясения и «цветные революции» как эффект накопления негативной энергии. Накопление отрицательной социальной энергии приводит к формированию критической массы, при достижении которой взрыв становится практически неизбежным. Данный тезис следует трактовать не как публицистическую метафору, а как указание на закономерность системной динамики:

при отсутствии работающих механизмов выявления и нейтрализации дисфункций напряжение не рассасывается, а структурируется и накапливается – в недоверии, отчуждении, ощущении несправедливости, в разрушении солидарности и делегитимации институтов.

Социальные потрясения в этой логике выступают эффектом блокированных каналов обратной связи. Если общественная система не располагает работающими механизмами правовой и политической коррекции (эффективными судами, независимым контролем, подотчётностью власти, свободной публичной сферой, механизмами конституционного мониторинга), то протестный потенциал «выталкивается» из правовых рамок и принимает формы, которые система уже не способна регулировать мягкими средствами. Тогда даже относительно локальные события могут стать триггером масштабной дестабилизации.

В этой связи «управляемый иммунодефицит» приобретает особую опасность: ослабление сдержек и ценностных фильтров ради краткосрочной политической выгоды или по причине внешних воздействий ведёт к тому, что система теряет способность к своевременной самокоррекции. Тогда протестный потенциал, будучи лишённым институциональных «каналов отвода», радикализируется, а социальная энергия приобретает характер разрушительного импульса. Итогом становится кризис управляемости как прямое следствие кризиса смыслов и доверия.

Таким образом, социальные потрясения – это не «случайность» и не исключительно продукт внешнего вмешательства; они являются результатом накопления дисфункций при отсутствии иммунных механизмов профилактики. Там, где такие механизмы присутствуют и функционируют, общество обладает ресурсом переработки конфликтов в правовых формах, сохраняя целостность системы и обеспечивая устойчивое развитие.

8. Переход к конституционным механизмам «иммунного ответа». Из вышеизложенного следует ряд принципиальных выводов, имеющих значение для последующего перехода к анализу конституционных механизмов «иммунного ответа»:

Иммунная недостаточность общества проявляется как неспособность институтов и культуры своевременно распознавать и нейтрализовать девиации, удерживая систему в состоянии функционального равновесия. **Ключевые симптомы** включают деформацию конституционного баланса, коррозию доверия, рост апатии и «нормализацию» несправедливости, что ведёт к утрате регулятивной силы конституционных ценностей и к снижению устойчивости. **Особо опасна форма «управляемого иммунодефицита»,** когда сдержки и ценностные фильтры ослабляются целенаправленно

или допускаются к ослаблению ради краткосрочной политической выгоды, в том числе под воздействием экзогенных факторов.

Медиа и дискурс способны усиливать иррационализацию, превращая кризис смыслов в кризис управляемости: они могут либо выполнять иммунную функцию раннего предупреждения, либо становиться инструментом манипуляции и подрыва доверия.

Накопление негативной социальной энергии ведёт к потрясениям и взрывным сценариям, включая «цветные революции» как реакцию на блокированные каналы обратной связи и дефицит институциональных механизмов правовой коррекции.

Императив состоит в том, что конституционный инструментарий должен включать «иммунные» механизмы профилактики, а не только санкции post factum: механизмы диагностики, мониторинга, раннего предупреждения, восстановления баланса и институциональной самокоррекции.

9. Основные выводы. Иммунная недостаточность общества представляет собой системную форму ослабления способности общественного организма своевременно распознавать, оценивать и нейтрализовать деструктивные отклонения, сохраняя при этом функциональное и конституционное равновесие. Иммунная система общества имеет комплексный характер и включает нормативные, институциональные, культурные и ценностные компоненты. Её устойчивость определяется не только качеством конституционного текста, но и степенью конституционализации общественной жизни, зрелостью гражданской культуры, реальной независимостью институтов, эффективностью механизмов публичной ответственности и способностью общества поддерживать баланс между свободой, ответственностью и справедливостью.

Таким образом, анализ симптомов общественного иммунодефицита, феномена «управляемого иммунодефицита», роли медиа как фактора либо защиты, либо уязвимости, а также связи между накоплением негативной социальной энергии и социальными потрясениями позволяет констатировать: преодоление общественного иммунодефицита предполагает последовательную конституционализацию социального и политического поведения, основанную на реальном обеспечении верховенства права, поддержании конституционного равновесия и укреплении механизмов общественного доверия. В данном контексте конституционализм должен рассматриваться не только как система ограничения публичной власти, но и как фундаментальный механизм цивилизационного самосохранения общества.

Практическое значение предлагаемого подхода связано с необходимостью формирования системы конституционного иммунного ответа, включающей механизмы диагностики, мониторинга, ранне-

го предупреждения, институциональной самокоррекции и восстановления нарушенного конституционного равновесия. Дальнейшая разработка данной концепции предполагает также выработку критериев и индикаторов оценки состояния общественного иммунитета, что позволит перевести исследуемую проблематику из преимущественно теоретической плоскости в сферу прикладного конституционного анализа.

Республика Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С.М. СИВЕЦ
Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь, к.ю.н., доцент

Введение

Современные тренды конституционно-правового развития на постсоветском пространстве находят свое концентрированное выражение в конституционных реформах 2020–2025 годов. Векторы этих реформ в различных государствах имеют общую направленность: укрепление суверенитета, перераспределение властных полномочий, обеспечение межнационального мира, закрепление новых социальных гарантий, определение ценностных ориентиров духовно-культурного развития, защита от внешнего давления.

Данные процессы обусловливают поиск формулы для укрепления государственности, сохранения конституционной идентичности в условиях современных геополитических вызовов и рисков, полностью изменивших в настоящее время картину глобального миропорядка.В полной мере это относится и к Республике Беларусь.

В этих условиях возрастает значимость вклада конституционного правосудия в процессы государственно-правового строительства для претворения в жизнь конституционных ценностей, норм и принципов, реализации не только буквы, но и духа Конституции.

Основная часть

1. В течение прошедшего 35-летнего периода независимой государственности Республика Беларусь развивалась как современное суверенное государство; были сформированы основы политической, правовой, социально-экономической систем.

Интенсификация современного общественного развития объективно потребовала преобразований в государственно-правовом строительстве: изменения, внесенные в Конституцию на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., укрепили конституционно-правовую модель государственности в продолжение традиций развития правового демократического социального государства. Усовершенствована политическая система страны, и одно из ключевых мест в данной системе в настоящее время занимает Всебелорусское народное собрание.

Необходимо отметить, что 30 лет назад, в 1996 году, по инициативе Главы государства было созвано первое Всебелорусское народное собрание. В его состав вошли представители практически всех социальных слоев и групп населения. Тем самым Всебелорусское народное собрание выступило народным вече, инструментом консолидации общества, высокой вовлеченности граждан в принятие государственных решений, что позволило в тот непростой период найти выход из политического кризиса и во многом предопределило конституционно-правовое развитие общества и государства.

Проведение каждые 5 лет Всебелорусского народного собрания для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни стало в определенном роде конституционной традицией, которая обрела закономерное закрепление в Конституции в 2022 году.

Конституционный статус Всебелорусского народного собрания составляют закрепленные в Конституции полномочия, направленные на укрепление суверенитета и обороноспособности государства, обеспечение в рамках новых геополитических вызовов национальной безопасности, стратегическое планирование жизни страны на устойчивой демократической основе.

В настоящее время в статусе органа государственной власти VII Всебелорусское народное собрание последовательно реализует свои конституционные полномочия: на первом заседании 25 апреля 2024 года были утверждены Концепция национальной безопасности и Военная доктрина, регламентирующие защиту личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз; 19 декабря 2025 года на втором заседании утверждена Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, определившая магистральные направления развития общества и государства.

Впервые в суверенной отечественной истории решением высшего представительного органа народовластия на свой ответственный государственный пост были избраны председатели и судьи высших судебных органов страны – Конституционного и Верховного Судов. Это чрезвычайно знаковое событие, поскольку, с одной стороны, оно является очередным этапом формирования современной белорусской государственности, выстраиваемой в соответствии с положениями обновленной Конституции, а с другой – проявлением истинно демократического характера белорусского государства. Такой алгоритм формирования высших органов судебной власти укрепляет независимость, самостоятельность и исключительность судебной деятельности в общем механизме реализации государственной власти.

2. В периоды значимых политических и социально-экономических преобразований органы конституционного контроля как

системообразующие элементы национальной государственности традиционно выступают в качестве «хранителей» конституционной идентичности, – их ключевая роль заключается в защите конституционного строя, понимаемого не только как политико-правовая организация государства, совокупность политических, социальных, экономических и правовых устоев, но и юридическое оформление культурно-нравственного кода народа, отражение его глубинных ценностей, традиций, менталитета.

В ходе конституционных преобразований в компетенции Конституционного Суда Республики Беларусь сохранены ставшие традиционными для конституционного правосудия такие формы конституционного контроля, как последующий контроль нормативных правовых актов по предложению уполномоченных субъектов, и предварительный контроль законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом.

Последующий конституционный контроль нормативных правовых актов осуществляется по предложениям Президента, Президиума Всебелорусского народного собрания (новый субъект, уполномоченный обращаться в Конституционный Суд), палат Парламента, Верховного Суда и Совета Министров. Предварительный конституционный контроль законов осуществляется по предложениям Президента. Отмечу также такое новое полномочие Конституционного Суда, как проверка по предложениям Президента конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию.

О значимой роли органа конституционного контроля в формировании национальной конституционно-правовой доктрины свидетельствует отнесение к компетенции Конституционного Суда Республики Беларусь толкования Конституции. Расширение компетенции таким значимым полномочием обусловлено тем, что, будучи политико-правовым документом высшей юридической силы, Конституция как Основной Закон государства выступает одной из несущих конструкций национальной правовой системы и конституционного правопорядка.

Следует согласиться с авторитетным мнением Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, что толкование Конституции Конституционным Судом – это эволюционный, а не революционный путь развития, позволяющий избегать социально-политической дестабилизации.

3. Совершенствуя организацию конституционно-правового строительства, современные конституционные реформы, как правило, расширяют полномочия конституционных судов в целях дальнейшего укрепления основ государственности, защиты прав и свобод граждан, реализации принципов верховенства права, справедливости, правового государства.

Дополнительной гарантией обеспечения свободного волеизъявления избирателей при формировании высших органов власти традиционно является осуществление конституционного контроля за проведением выборов. Согласно белорусской модели орган конституционного контроля также «подключен» к справедливой и объективной оценке избирательного процесса: по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания Конституционный Суд может давать заключения о конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Уверен, что в случае необходимости данное полномочие получит свою надлежащую реализацию.

Укреплена конституционно-правовая обеспеченность конституционного права граждан непосредственно участвовать в решении государственных дел: Конституционный Суд Республики Беларусь по предложениям Президента Республики Беларусь осуществляет проверку конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум.

В компетенцию Конституционного Суда Республики Беларусь также входит полномочие излагать позицию о документах, принятых иностранными государствами, международными организациями или их органами и затрагивающих интересы Республики Беларусь, в части соответствия этих документов общепризнанным принципам и нормам международного права.

Данное направление деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь имеет особую значимость в современных условиях геополитической турбулентности, при которой привычные международные институты и нормы подвергаются серьезным испытаниям, а международный правопорядок, основанный на общепризнанных принципах международного права и Уставе ООН, сталкивается с системным кризисом доверия и эффективности.

Конституционный Суд Республики Беларусь еще в 2021 году принял решение, в котором признал документы Европейского Союза и иностранных государств, предусматривающие введение ограничительных мер (санкций) в отношении Республики Беларусь, противоречащими Уставу ООН, общепризнанным принципам и нормам международного права. В результате анализа и оценки документов Европейского Союза и некоторых иностранных государств Конституционный Суд пришел к выводу, что указанные документы не согласуются с международными принципами сотрудничества государств, равноправия и самоопределения народов, в силу которых народы, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, свободно определяют свой политический статус и беспрепятственно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь, адресованном Президенту Республики Беларусь и палатам Парламента, принятом в текущем году, Конституционный Суд отметил, что Республика Беларусь, стоявшая у истоков образования Организации Объединенных Наций, на конституционном уровне признала приоритет общепризнанных принципов международного права и взяла на себя обязательство обеспечивать соответствие национального законодательства указанным принципам. Такой подход способствует поддержанию международного правопорядка и, по мнению Конституционного Суда, содействует всестороннему укреплению международного права как универсального регулятора международных отношений (решение от 12 марта 2026 г. № ПР-9/2026).

4. В современных условиях наполняются новым содержанием вопросы конституционной безопасности и конституционной защищенности личности.

В свете внешних вызовов и рисков, геополитической и региональной нестабильности институционально конституционное правосудие становится в широком смысле активным участником обеспечения безопасности государства: и как арбитр в системе государственной власти, обеспечивая ее устойчивое функционирование, разрешая возможные конфликты с использованием соответствующих конституционно-правовых механизмов, и как институт по защите фундаментальных конституционных ценностей, устойчивости конституционного строя, переводя обобщенные конструкции конституционного текста на язык практической деятельности государственных органов и граждан.

Многие государства сталкиваются сегодня с технологиями «цветных революций», «контролируемого хаоса», дезинформацией и другими негативными явлениями общественного развития. С подобного рода угрозами Беларусь столкнулась в 2020 году, когда конституционный правопорядок в стране был испытан на прочность.

В сложных условиях августа 2020 года Конституционный Суд Республики Беларусь выразил конституционно-правовую позицию по защите конституционного строя, заявив, что все граждане и органы власти нашей страны обязаны руководствоваться положениями Конституции и неукоснительно соблюдать требования Основного Закона исходя из общественно-государственной и юридической значимости его содержания. Конституционный Суд подчеркнул, что соблюдение режима конституционной законности является безусловным условием деятельности всех субъектов общественно-политических отношений и граждан для противодействия любому деструктивному воздействию на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и согласие в обществе, устойчивость

конституционного строя (конституционно-правовая позиция по защите конституционного строя от 25 августа 2020 г.).

Беларусь выбрала путь эволюционного общественного развития, свидетельством чему является формирование новой политико-правовой архитектуры государства в соответствии с обновленной в 2022 году Конституцией.

В контексте обеспечения конституционной безопасности важнейшим направлением деятельности государственных органов является претворение в жизнь конституционных положений о защите традиционных семейных ценностей, сохранении исторической памяти и правды, патриотизме как долге каждого гражданина в целях формирования должного уровня правосознания и правопонимания граждан, обеспечения гражданского согласия, национального единства и преемственности поколений.

В настоящее время судьи Конституционного Суда Республики Беларусь активно участвуют в правовом и информационном просвещении граждан, ведя значительную разъяснительную работу в самых разных аудиториях, выступая на диалоговых площадках и инициируя просветительские проекты, самым значительным из которых является запуск в этом году Школы конституционализма, нацеленной на формирование высокого уровня правосознания и правовой культуры молодежи, воспитание молодого гражданина как активного участника конституционных правоотношений.

5. Конституционный Суд Республики Беларусь реализует и иные полномочия, установленные в обновленной Конституции: прежде всего это институт конституционной жалобы, необходимость введения которого долгое время обсуждалась в республике юридическим сообществом.

Несмотря на то что институт конституционной жалобы только начал функционировать, соответствующие решения Конституционного Суда в настоящее время находятся в фокусе внимания как нормотворческих органов, так и всего общества в целом.

В 2025 году в Конституционный Суд Республики Беларусь поступило 70 конституционных жалоб, по результатам рассмотрения которых вынесено 5 решений и 14 определений. По итогам прошедших шести месяцев 2026 года можно увидеть тенденцию значительного увеличения количества поступающих в Конституционный Суд обращений.

Реализация института конституционной жалобы имеет в любой стране, и на постсоветском пространстве в том числе, свои особенности, выполняя особую роль для национальных правовых систем.

В Республике Беларусь реализуется такой вид конституционной жалобы, как частичная нормативная жалоба – проверка конституционности норм законов, примененных в конкретном деле.

Мы исходим из того, что институт конституционной жалобы не должен превращаться в инструмент пересмотра решений судов общей юрисдикции. На данном этапе реализации полномочия по конституционной жалобе стоит задача формирования соответствующих представлений граждан о том, что Конституционный Суд не проверяет фактические обстоятельства дела, а разрешает вопросы конституционности законодательного регулирования, в том числе в отношении пределов дискреции законодателя.

При этом складывающаяся практика рассмотрения конституционных жалоб свидетельствует о перспективах совершенствования и непосредственно Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», регламентирующего материальные и процессуальные аспекты конституционной жалобы, в том числе в части исчерпания средств судебной защиты, по срокам и особенностям исполнения решений Конституционного Суда и другим вопросам.

В соответствии с решениями Конституционного Суда Республики Беларусь, вынесенными по результатам рассмотрения конституционных жалоб граждан, уполномоченными государственными органами ведется активная работа по устранению конституционно значимых недостатков законодательства, совершенствованию действующего правового регулирования, направленная на обеспечение надлежащей правовой защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина.

Следует учитывать, что решения органов конституционного контроля всегда имеют социальный резонанс, и последствия всегда бóльшие, чем непосредственно юридические. В этом проявляется значение и авторитет судебной власти, что, в свою очередь, порождает высокую ответственность и взвешенность при принятии решений. Так, рассмотрение конституционной жалобы не всегда ограничивается защитой прав и свобод заявителя. В случае обнаружения конституционно-значимого дефекта в правовом регулировании конституционные суды ориентируют законодателя на необходимость его устранения.

Таким образом, в условиях усложнения и интенсификации правового регулирования институт конституционной жалобы позволяет Конституционному Суду Республики Беларусь активизировать динамику повышения качества законодательного регулирования, совместными с другими ветвями власти усилиями совершенствовать национальную правовую систему, а также дает возможность гражданину участвовать в данном процессе как самостоятельному и инициативному субъекту.

В заключение отмечу, что полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь являются традиционными для конституцион-

ного правосудия; многие конституционные суды имеют в той или иной степени опыт их реализации. Убежден, что в современных условиях органы конституционного контроля не должны и не могут сосредоточиваться на какой-то одной стороне своей компетенции. С точки зрения укрепления государственности, усиления конституционализации общественных отношений оптимальным является комплексный подход по реализации компетенции Конституционного Суда, все полномочия которого служат одной конституционной цели – обеспечить конституционную законность, верховенство Конституции в правотворчестве и правоприменении.

Заключение

Конституционно-правовые преобразования, формирующие современную государственность в условиях новой мировой реальности, закономерно приводят к существенному расширению полномочий и укреплению статуса конституционных судов, выступающих гарантами сохранения ценностно-смысловых устоев, институциональных конституционно-правовых традиций современного государства.

Будучи одним из основных элементов правовой государственности, обеспечивая верховенство Конституции и верховенство права, конституционные суды выполняют важнейшую роль по защите конституционных ценностей, отстаиванию конституционных принципов, сохранению конституционной идентичности и укреплению конституционной законности в условиях геополитической нестабильности, столкновения различных идеологий и новых вызовов современной эпохи.

Российская Федерация

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ. ДОКТРИНА И МЕТОДОЛОГИЯ

В.Д. ЗОРЬКИН
Председатель Конституционного Суда Российской Федерации

1. Неизменность цели – охрана Конституции

Цивилизация права, которую так долго строило человечество ценой огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок, сейчас хрупка как никогда. Не будет преувеличением сказать, что она находится в условиях борьбы за свое выживание: концентрация грубой риторики, не имеющей ничего общего с культурным, правовым, цивилизованным диалогом, с фундаментальными международно-правовыми принципами суверенного равенства государств и сотрудничества, отраженными в Уставе ООН, нарастает; маховик взаимного обмена ограничительными мерами продолжает раскручиваться; растут террористические угрозы; развитие цифровых технологий приносит вместе с удобствами и благами огромные риски для личной, общественной и государственной безопасности; вскрываются чудовищные по своим масштабам коррупционные схемы и махинации.

В этих чрезвычайно непростых и быстро меняющихся условиях цель конституционного правосудия остается неизменной – осуществляющий его Конституционный Суд продолжает в пределах своих полномочий охранять Конституцию на основе ее самой, можно сказать, обеспечивая ее самозащиту.

Как показала практика, охранный потенциал российской Конституции, позволяющий нашему государству правовым путем справляться с самыми незаурядными вызовами и сложнейшими испытаниями, не только был велик изначально, но и прозорливо и своевременно дополнительно был укреплен в ходе конституционной реформы 2020 года (благодаря которой в тексте Основного Закона эксплицитно были закреплены среди прочего принципы взаимного доверия государства и общества, солидарности, сбалансированности прав и обязанностей, уважения человека труда, защиты исторической правды, единства публичной власти, недопустимости вмешательства во внутренние дела государства и др.). Практика

Конституционного Суда подтверждает актуальность и востребованность внесенных в Конституцию изменений.

Конституция давала и продолжает давать ответы на нетривиальные вопросы о том, как (какими способами и средствами) следует обеспечивать единство, отвечать на террористические угрозы, бороться с коррупцией, справляться с пандемией и преодолевать санкции. По всем этим вопросам есть постановления Конституционного Суда России.

Недобросовестные, неправовые, порой жестокие и даже бесчеловечные, варварские действия как отдельных лиц, так и тех сил, которые за ними стоят, вынуждают нашу страну реагировать и защищаться.

В то же время защитные меры предпринимаются и реализуются в границах права. Здесь может возникнуть вопрос: почему на антиправовые, на агрессивные и даже на безумные действия нужно отвечать именно правовыми средствами?

Прежде всего, к правовым ответам обязывает наша Конституция. России всегда было важно, а на данном этапе своего исторического развития – особенно важно сохранить свою идентичность, свои ценности, к которым, несомненно, относятся гуманизм, уважение человека, его жизни и достоинства, его прав и свобод.

Но есть и еще одно обстоятельство. Ситуативно неправовые средства, возможно, могут показаться более действенными и эффективными. Но системно они не способствуют преодолению тех хаотизации и турбулентности, в которых сейчас находится человечество. Для этого нужно идти по пути развития правовой, социальной и политической культуры человечества. Это путь подавления эгоизма (и личностей, и стран) и нахождения разумного баланса между индивидуальным и коллективным (всеобщим). Он невозможен без воспитания на основе уважения к интересам каждого другого субъекта правоотношений и всех субъектов правоотношений в целом. По большому счету, это путь к цивилизации права, проходя который, важно заставлять себя оставаться в пределах правовых средств. Этот путь еще предстоит проходить и в правовых системах каждой страны, и в международном праве.

При этом есть такие проблемы, которые человечество должно решать совместно, и есть такие ситуации в международных отношениях, которые, если не ввести их в правовые рамки, чреваты гибелью человечества. Именно это дает шанс обновления международного права, находящегося сейчас, как мы все знаем, в кризисном состоянии. Но в любом случае это непростой путь и, видимо, не быстрый. Поэтому возникает вопрос: как обеспечивать функционирование международно-правовых механизмов сейчас?

С одной стороны, еще некоторое время назад я исходил из того, что международная система, построенная на балансе сил, сегодня

контрпродуктивна и невозможна как с точки зрения приоритета прав человека, так и с точки зрения обеспечения устойчивой глобальной безопасности. С другой стороны, за последние пять лет разбалансировка правовых ценностей в международных отношениях пошла по тому пути, что очевидно, что без баланса сил в международном контексте международно-неправовой «беспредел» поглотит человечество, создаст хаос.

Поэтому в современных условиях не остается ничего другого, как поддерживать и обеспечивать этот баланс сил, не дать одному центру силы и власти получить глобальное преобладание. Причем это должно быть балансирование сил не с целью «пересилить» других акторов международной политики и с помощью силы «отхватить» что-то в своем интересе, а с целью не дать международной политике окончательно выйти из юридических берегов – хотя бы тех, которые есть.

Видимо, сейчас международное юридическое развитие находится на той примерно стадии, на котором конституционно-правовое развитие находилось в середине 19 века, как ни парадоксально это звучит. На той стадии, когда не устоялись еще основные конституционные ценности, не стала понятна глубокая значимость Конституции. И тогда применительно к Конституции вполне уместны были рассуждения Фердинанда Лассаля: «Итак, господа, мы знаем теперь, что такое конституция страны, а именно: существующие в стране фактические отношения силы. Что же такое то, что обыкновенно называется конституцией? Что такое правовая конституция? Теперь вы сами видите, господа, что это такое. Эти фактические отношения силы записываются на бумаге…». Вряд ли сейчас уважающий себя конституционалист из страны с развитым конституционализмом (включая Россию) подпишется под этими словами: Конституция уже утратила свойство фактического соотношения сил, она сама одна из основополагающих сил, воздействующих через «приводные ремни», такие как, в том числе, органы конституционного контроля, на жизнь общества.

Но вот в международном юридическом регулировании такого свойства «внутренней собственной силы» пока нет. Поэтому сказанное в свое время Лассалем о сущности Конституции вполне уместно, к сожалению, для «международного права» в современном его виде. А значит – приходится пока рассчитывать на сохранение баланса сил, чтобы человечество сохранялось в нормальном состоянии.

Государства, претендующие на участие в этом балансе, должны быть сильными. Но быть сильным государством – это не значит государством безграничной властной воли и произвола. Сильным – значит государством правовым и социальным. Первый аспект оче-

виден. Социальным же государство должно быть потому, что любая власть черпает свои силы в народе, в его поддержке. Такой народной поддержке неоткуда взяться, если социальное расслоение достигает вопиющих масштабов, когда сытый голодного не разумеет. Укрепление социального характера государства обеспечивается не в последнюю очередь за счет конституционного правосудия, практика которого в России показывает непреходящую значимость соответствующих вопросов для граждан.

2. Развитие доктрины и методологии

Охрана Конституции, осуществляемая в период нарастания глобальных рисков, вызовов и угроз, стимулирует Конституционный Суд к совершенствованию и развитию доктрины и методологии.

Развитие доктрины. Охрана суверенитета от рисков, которые несет в себе ничем не сдерживаемая глобализация, потребовала от Конституционного Суда выработки доктрины конституционной идентичности. О ней говорилось уже неоднократно, однако хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что Российская Федерация стремится к поиску компромисса между собственными интересами и требованиями, вытекающими из ее международных обязательств, однако определение границ такого компромисса она оставляет за собой, ибо они предрешены ее Конституцией. С учетом этой доктрины в ходе конституционной реформы 2020 года в Конституции были закреплены новые полномочия Конституционного Суда Российской Федерации.

При этом отказ России подчиняться авторитарным устремлениям некоторых наднациональных структур вовсе не означает отказа нашей страны от участия в тех международных организациях, которые построены на принципах суверенного равенства и уважения национальной идентичности. Напротив, поскольку народ Российской Федерации не мыслит себя вне мирового сообщества (преамбула Конституции), Россия продолжает налаживать и укреплять партнерские международные связи, принимая на себя международно-правовые обязательства. Соответствующие международные договоры и соглашения, в том числе в форме кодифицированных актов, по существу, заменяющие собой целую отрасль национального регулирования, а также международные стандарты принимаются во внимание Конституционным Судом России при выявлении действительного смысла положений российского законодательства. В частности, за последние несколько лет Конституционный Суд обращался к актам ЕАЭС для разрешения вопросов, связанных с привлечением к ответственности за недостоверное таможенное декларирование и с определением страны происхождения ввозимого товара.

В контексте противодействия антиправовым, принятым – вопреки нормам и принципам, закрепленным в Уставе ООН, –

в одностороннем порядке недружественным мерам западных государств, Конституционный Суд, продолжая охранять Конституцию, выработал казалось бы простую, но при этом весьма глубокую и емкую общую правовую позицию, которая легла в основу уже не одного его решения: в условиях установления иностранным государством в ненадлежащей международной процедуре и в противоречии с многосторонними международными договорами, в которых участвует Россия, ограничительных мер против нее и ее хозяйствующих субъектов, деятельность органов публичной власти, исходя из статей 2, 18 и 751 Конституции, не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, затронутых соответствующими санкциями; более того, самой приемлемой и ожидаемой реакцией органов власти является принятие решений, направленных на содействие таким лицам, как попавшим в тяжелую ситуацию из-за противоправных, по сути, обстоятельств.

Еще одной угрозой цивилизации права, несомненно, является коррупция. Не обошла эта беда и нашу страну. Борьба с коррупцией является одной из ключевых задач современной России, ведь любая другая дорога неизбежно ведет к распаду государственных структур, то есть в пропасть бесправия и беззакония.

Как подчеркнул Конституционный Суд в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П, коррупция в силу своего разрушающего воздействия и вреда, причиняемого обществу и государству, по своей сути представляет собой конституционный деликт, то есть такое нарушение, которое посягает на основы конституционного строя России. Коррупция ослабляет действие Конституции и законов, делает публичную власть уязвимой, наносит сильнейший удар по доверию граждан к государству, нарушает нормы морали и нравственности, принципы равенства и справедливости. Тем самым коррупция, порождая риски обрушения ослабленных ею государственно-правовых механизмов и неспособности государства исполнить свою ключевую функцию, которая заключается в защите прав и свобод, представляет собой исключительную угрозу конституционному правопорядку и суверенитету. А ответ на риторический вопрос «qui prodest?» (кому выгодно?) достаточно ясен: только внешним силам, затаившимся в ожидании неверного выбора, а то и содействующим этому скрытно или вполне открыто.

Антагонизм правового суверенного государства и коррупции очевиден. Однако проблема заключается в том, что не всегда очевидна сама коррупция. Ее неизменные спутники – это хитрость и обман, ее качества – это способность к камуфляжу, латентность, скрытность. В попытке уйти от ответственности коррупционеры маскируют свои противоправные действия, оформляют имущество на других лиц и тому подобное.

Констатируя в названном Постановлении, что общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения к антикоррупционным искам прокуроров неприменимы как не позволяющие учесть особенности коррупционных деяний, Конституционный Суд пришел к выводу, что в действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи антикоррупционных исков прокуроров, считается неустановленным. Такое положение вещей соответствует Конституции, а ограничение антикоррупционных требований сроками исковой давности, напротив, означало бы, что, вопреки существующей в силу Конституции обязанности государства принимать эффективные меры по противодействию коррупции, по истечении некоторого срока – такого же, как установлен для случаев, не связанных с проявлением коррупции, – государство отказывается от защиты основ конституционного строя и правовой демократии.

Необходимость укрепления суверенитета государства – не только через борьбу с коррупцией, но также и через эффективное принуждение к исполнению публично-правовых обязанностей, в частности, фискальных – в период нарастающих вызовов и угроз обусловливает поиск порой нестандартных решений, при которых задействуются как публично-правовой инструментарий, так и те механизмы защиты интересов, которые традиционно причислялись к частноправовым. С одной стороны, Конституционный Суд признавал и продолжает признавать большое значение унаследованного еще со временем пандектистов (трудами которых догматический характер был придан учению выдающегося римского юриста Ульпиана) деления права на публичное и частное и на различные отрасли, обеспечивающего предсказуемость правопорядка и повышающего тем самым определенность правового положения всех субъектов права. С другой стороны, догматика права может обновляться и корректироваться усилиями законодателя вслед за потребностями и нуждами правопорядка, адаптироваться к ним. И даже привычная дихотомия частного и публичного права может нуждаться в обновлении с тем, чтобы в отдельных случаях допустить «полутона». Задачей конституционного контроля в этом случае является выявление разумного баланса между неоправданно строгим консерватизмом и столь же неоправданно несдержанной модернизацией.

Естественно, приведенными примерами и аспектами не ограничивается доктринальный характер постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. Многие из них вносят свой вклад, иногда определяющий, в развитие общеправовой, межотраслевых и отраслевых доктрин.

О нахождении баланса конституционных ценностей. Защищая себя, свою безопасность, свой суверенитет и, тем самым, своих

граждан, государство должно использовать для этого только разумные и строго необходимые меры (часть 3 статьи 55 Конституции). Кроме того, когда речь идет о конкуренции законных интересов частных лиц, это подпадает под действие конституционных принципов осуществления права без нарушения прав других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции) и политической, экономической и социальной солидарности (статья 751 Конституции). Задача Конституционного Суда как раз и состоит в поиске на основе приведенных формул баланса конституционных ценностей. Это одновременно и предмет, и основной элемент методологии деятельности Конституционного Суда.

От критиков Конституционного Суда нередко приходится слышать, что Суд выносит решения в угоду складывающейся политической конъюнктуре, что за балансом конституционных ценностей он маскирует обслуживание интересов государства и власть имущих. По их мнению, для решения любых конституционно-правовых конфликтов и споров есть только один ответ – человек, его права и свободы являются высшей ценностью (статья 2 Конституции). Поэтому любая мера, которая, по их мнению, плохо соотносится с этой максимой, является антиконституционной – «и нечего здесь обсуждать».

Не отрицая непреходящей концептуальной значимости приведенной нормы (которая легла в основу множества решений Конституционного Суда), такого рода критикам хотелось бы порекомендовать открыть Конституцию и прочитать ее хотя бы чуть дальше второй статьи. Сделав это, они обнаружат, к примеру, что Конституция, с одной стороны, провозглашает рыночную экономику и свободу экономической деятельности, а с другой стороны, объявляя наше государство социальным, обязывает работодателей, не исключая, конечно же, и частных хозяйствующих субъектов, платить зарплату не ниже минимального размера и обеспечивать достойные условия труда, а кроме того, не допускает монополизации и недобросовестной конкуренции; с одной стороны, гарантирует идеологическое многообразие, а с другой, прямо запрещает идеологию национальной, религиозной и иной ненависти и вражды; с одной стороны, защищает неприкосновенность частной жизни, а с другой, допускает, к примеру, ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений с санкции суда. Конституционный текст соткан из целого комплекса ценностей, каждая из которых нуждается в обеспечении. Как иначе, кроме как путем поиска баланса, претворять Конституцию в жизнь, обеспечивая защиту каждого гарантируемого ею интереса? Недопустимо защищать одни интересы, полностью игнорируя при этом другие, если, конечно, заявленный кем-то интерес не является мнимым, не име-

ющим конституционно-правовых оснований. Это также устанавливается в процессе конституционного судопроизводства, в том числе на этапе решения вопроса о возможности принятия обращения к рассмотрению, и является основанием для отказа в удовлетворении конституционных притязаний.

При этом точка равновесия в балансе действительно может быть подвижной, а граница соразмерности, в зависимости от степени угроз, может меняться: меры, недопустимые в одних условиях, могут быть допустимыми в других. Это обусловлено тем, что конституционные нормы, как и любые другие нормы, не существуют в вакууме – они живые и всегда реализуются и применяются в определенном социально-историческом контексте, который нельзя не учитывать при толковании конституционного текста.

Именно применительно к вопросу о поиске баланса конституционных ценностей возникает вопрос, можно ли рассматривать в качестве прикладного инструмента работы в этой сфере искусственный интеллект. Конечно, речь не идет о том, чтобы он принимал решение вместо органа конституционного правосудия, – это само собой исключается. Но вот сможет ли он, условно говоря, давать некоторое сырье для дальнейших размышлений, например, описывая различные аспекты баланса и предлагая некую оценку их «условному весу» для поиска решения?

В принципиальном плане, с учетом постоянно появляющейся информации об успехах ИИ, этого, наверное, нельзя исключать. Ведь для чего, в частности, предусмотрено принятие органами конституционного правосудия решений в составе достаточно больших коллегий? Для того чтобы уж точно кто-то из судей вспомнил про какую-то грань баланса в отношениях, регулируемых оспариваемой нормой, про которую забудут все остальные, чтобы потом все вместе ее оценили и осмыслили. Чем плохо, если будет использован инструмент, позволяющий – страховочно и вспомогательно – выявлять и раскрывать грани баланса?

Конечно, для этого должен быть решен ряд проблем. Во-первых, обучение системы ИИ методологии выявления граней баланса и их оценки. Наверное, недостаточно просто «влить» в систему все решения Конституционного Суда, нужны дополнительные обучающие действия. Причем чем лучше система поймет, что от нее требуется универсальным образом, чем меньше будет сложностей при подготовке для нее промптов, то есть заданий, команд. Во-вторых, это должна быть система, при которой собственно операции по осмыслению баланса проводятся в закрытом контуре, ведь это, по существу, элемент совещательной комнаты, но при этом тематическая подкачка информации, позволяющей выявить и оценить грани баланса, осуществляется из широкого круга источников –

по сути, из всего пространства Интернета. Строго говоря, только при таком сочетании закрытого осуществления операций и широкого доступа к источникам информации использование ИИ для оценки баланса будет иметь какой-то смысл.

При этом, как представляется, есть еще одно важное психологическое условие использования ИИ в конституционном судопроизводстве. Судьи должны относиться к его попыткам отразить аспекты баланса с некоторой доброй иронией, а не преклоняться перед «сверхразумом». Именно взгляд на ИИ немножко «сверху вниз», если он все-таки когда-нибудь будет использоваться при осуществлении конституционного правосудия, является залогом того, что решение все-таки будут принимать судьи, а не технология.

3. Остаться в границах нормоконтроля

В России предусмотрена, напомню, нормативная конституционная жалоба. Это означает, что граждане вправе, заявляя о нарушении своих конституционных прав, оспаривать в Конституционном Суде только нормы права. Тем самым четко разграничиваются функции Конституционного Суда и иных судов, что позволяет избежать опасного антагонизма между ними, поддерживать единство судебной системы, обеспечивать правовую определенность. Кроме того, во всяком случае применительно к традициям нашей правовой системы, тем самым достигается наибольший полезный эффект решений органа конституционного контроля, поскольку содержащиеся в них правовые позиции и выводы, по существу, имеют нормативный характер и очевидным образом подлежат распространению на все подобные дела и споры.

Нормоконтрольная природа конституционной юстиции однако не означает, что Конституционный Суд проверяет нормы абстрактно, изолированно, анализируя исключительно их текст. Напротив, как это прямо предписывает Закон о Конституционном Суде (часть вторая статьи 74), Конституционный Суд оценивает нормы не только по их буквальному смыслу, но и по смыслу, придаваемому им официальным или иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой.

Как показывает статистика, достаточно большая часть решений Конституционного Суда не дисквалифицирует нормативные предписания, а дает их конституционное истолкование, то есть определяет их правильное с точки зрения Конституции понимание. Это иногда дает повод для суждений о том, что Конституционный Суд «выполняет чужую работу», становясь своеобразной «дополнительной надзорной инстанцией», вступающей в рассмотрение дела после Верховного Суда. Такого рода взгляд не только не соответствует нормативному регулированию, но и не находит подтверждения на практике.

Конституционное истолкование вовсе не означает, что Конституционный Суд исправляет ошибки, допущенные судами при разрешении конкретных дел заявителей. А если точнее, то, что истолкование норм в конкретном деле отличается от данного в последующем конституционного истолкования, не свидетельствует, как ни парадоксально, само по себе об ошибке судов при рассмотрении конкретного дела.

Нередко нормативные тексты содержат в себе сложные взаимосвязи, нуждающиеся в раскрытии для выявления их действительного смысла, а порой нормы и попросту не лишены разного рода юридико-технических недостатков (неточностей, неясностей, рассогласованности и т.п.). В связи с этим буквальное, если угодно, формальное применение этих норм может приводить (или даже неизбежно приводит) к нарушению прав лиц, попавших под соответствующее регулирование. С одной стороны, в таких случаях суды, имея в виду их функцию по защите и обеспечению конституционных и всех иных прав (статьи 18 и 46 Конституции России), призваны предотвращать и разрешать возможные коллизии, исправлять юридико-технические огрехи всеми доступными им средствами судебного толкования – грамматического, системного, телеологического и исторического. Ведь, несмотря на то, что российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, для которой характерно восприятие в качестве ведущего источника права нормативного акта и, напротив, в отличие от правопорядков, принадлежащих к семье общего права, не свойственно признание нормативных свойств за судебными решениями (прецедентами), роль судебного толкования все же весьма велика. В идеальной модели, даже если норма сама по себе не лишена каких-то недостатков, на практике она в результате указанных усилий судов может применяться таким образом, что конституционные права ее применением не нарушаются, а основания для вмешательства Конституционного Суда отсутствуют, раз уж ресурсов ординарной интерпретационной судебной деятельности оказалось вполне достаточно для защиты конституционных прав.

С другой стороны, идеальная модель не всегда срабатывает. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды в основном нацелены на применение закона на основе установления фактов. Совершенно оправданно, что в романо-германской системе в их «базовые настройки» не заложено сопоставление всякий раз каждой применяемой нормы с Конституцией. Причем дело здесь не в их «уровне» или «качестве» – они как раз достойны всяческого уважения. А в том, что их предназначение – разрешение дел на основе закона. Хотя и «эффекта колеи» в их деятельности тоже нельзя исключать.

А вот перед Конституционным Судом вопрос о соотнесении нормы с Конституцией ставится конкретно – он прицельно исследу-

ет этот вопрос, причем априори свободен от «эффекта колеи» в понимании нормы. Поэтому нет оснований удивляться (и, повторюсь, упрекать в связи с этим другие суды) тому, что Конституционный Суд увидел основания для конституционного истолкования нормы там, где другие суды такового не заметили. Он для того и задуман как особый инструмент, чтобы выполнять такую страховочную, субсидиарную функцию.

Учитывая все это и придерживаясь указаний Конституции (пункт «а» части 4 статьи 125) и Закона о Конституционном Суде (пункт 3 части первой статьи 3, статья 96), из которых следует, что допустимыми признаются жалобы на нарушение конституционных прав именно нормой права (а не ошибкой ее толкования, допущенной судом и не исправленной вышестоящими инстанциями), а кроме того, руководствуясь принципом конституционной сдержанности, лежащим в основе конституционного правосудия, Конституционный Суд, как правило, не признает допустимыми жалобы, анализ которых показывает, что в деле заявителя судами была допущена ошибка в толковании применяемых норм, притом что в целом, в большинстве других дел норма трактуется верно. Единичные правоприменительные ошибки сами по себе еще не свидетельствуют – за некоторыми исключениями, о которых будет сказано далее, – о неконституционности самой применяемой нормы или о потребности в ее конституционном истолковании Конституционным Судом.

Корректировка правоприменения по жалобам на нарушение конституционных прав осуществляется Конституционным Судом тогда, когда сложившаяся либо складывающаяся практика настолько тесно окутывает оспариваемую норму, настолько прочно примыкает к ней, что сама эта устойчивая практика, по сути, становится неотъемлемым аспектом оспариваемой нормы, даже самой нормой. В таком случае появляются все необходимые основания для конституционного нормоконтроля. При этом никакого выхода за пределы полномочий не происходит – Конституционный Суд остается строго в рамках своей компетенции по нормоконтролю, выступая в качестве органа, призванного охранять Конституцию и ее верховенство во всем правовом пространстве и защищать права и свободы граждан от неконституционного правового регулирования.

Конституция и отраслевое законодательство органически, системно взаимосвязаны: Конституция живет в законах, в которых раскрываются и продолжаются предписания Конституции (Основного Закона), имеющего всеохватывающий, беспробельный характер. Поэтому любые устойчивые ошибки в толковании отраслевых норм приводят, в конечном счете, к блокированию действия норм

и гарантий самой Конституции, как минимум к нарушению права на справедливое судебное разбирательство. В этой связи Конституционный Суд, имея в виду его функцию по защите прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 125 Конституции), призван включаться в работу по налаживанию звучания норм отраслевого законодательства по конституционному камертону.

Что касается исправления ошибок конкретных судов, то, действительно, часть вторая статьи 74 Закона о Конституционном Суде позволяет Конституционному Суду оценивать норму с учетом не только сложившейся правоприменительной практики, но и практики ее толкования в решениях по конкретному делу. Однако этим своим «секретным оружием» Конституционный Суд, руководствуясь принципом конституционной сдержанности, пользуется очень осторожно и в исключительных случаях. Как правило, случаи эти либо так или иначе сопряжены с несоблюдением правовых позиций Конституционного Суда, либо связаны с отсутствием какой-либо сложившейся правоприменительной практики по норме, что подразумевает риск того, что случившееся в конкретном деле правоприменение станет практикообразующим. Оценка этого риска производится Конституционным Судом в каждом конкретном случае с учетом тщательного изучения судебных актов по делу заявителя, анализа имеющихся конкретных социально-исторических условий, мониторинга доктрины и практики.

О временном нормозамещении при нормоконтроле. Некоторое смещение «центра тяжести» в практике Конституционного Суда на конституционное истолкование в то же время не означает, что Конституционный Суд отказывается от признания норм неконституционными – этот вариант итогового решения был и остается значимым и достаточно распространенным. Конституционный Суд признает нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации, если приходит к выводу о том, что выявление конституционно-правового смысла оспоренных положений не может привести к устранению содержащегося в них конституционно-значимого дефекта. В Постановлении от 23 марта 2026 года № 16-П со ссылкой на практику Конституционного Суда отмечается, что в правовой системе Российской Федерации в настоящее время практически не встречаются случаи, когда неконституционной является норма в целом: в абсолютном большинстве случаев в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, которыми норма признается неконституционной, речь идет лишь об отдельных проявлениях (аспектах) неконституционности.

Признание нормы неконституционной порождает обязанность законодателя (или иного правотворческого органа – в зависимости от того, какой нормативный акт оспаривался) внести изменения

в действующее регулирование. Это, однако, всегда занимает определенное время, в течение которого имеются предпосылки для возникновения своеобразной «патовой ситуации»: норма в прежнем виде действовать не может, а новых правил пока нет. При этом, как отмечал Конституционный Суд в указанном Постановлении, с учетом особенностей общественных отношений, являющихся предметом регулирования оспариваемой в порядке конституционного судопроизводства нормы, может оказаться невозможным отложение принятия правоприменительных решений до того, как это правовое регулирование будет изменено, без ущерба для охраняемых Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя, прав и свобод личности.

Во избежание такой ситуации Конституционный Суд использует предусмотренное Законом о Конституционном Суде право определить порядок, сроки и особенности исполнения своего решения (пункт 12 части первой статьи 75). К таким относятся и условия применения нормативного положения, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации, до внесения надлежащих изменений в законодательство. Например, в 2025 году они представлены во всех 16 постановлениях, во исполнение которых должны быть внесены изменения в правовое регулирование.

Их конкретное содержание зависит от содержания признанных неконституционными норм и оснований их признания таковыми. Соответствующие позиции являются неотъемлемой частью постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, фиксируются в их резолютивной части.

Конечно, это вызывает объяснимые дискуссии: может ли Конституционный Суд осуществлять не только негативное нормотворчество (признавать норму неконституционной), но и такого рода позитивное. Сам Конституционный Суд исходит из того, что он не присваивает себе полномочия других государственных органов по установлению правовых норм, а реализует – в рамках установленного в статье 10 Конституции Российской Федерации принципа разделения властей – собственную судебную компетенцию (это отмечено в вышеуказанном Постановлении). Во всяком случае, эта модель действий более приемлемая, чем появление пробела в правовом регулировании. Тем более, что внесение законодателем или иным правотворческим органом в правовое регулирование необходимых изменений исчерпывает действие указанных в постановлении Конституционного Суда временных условий применения нормативного положения, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации.

«Отбор» дел для рассмотрения. Отличительной особенностью конституционного судопроизводства, осуществляемого только

Конституционным Судом Российской Федерации, является наличие в нем уникальной по своим целям и задачам стадии предварительного изучения обращения. Методами «предпроверочного анализа» Конституционный Суд (его Секретариат и судьи) проводит комплексную первичную оценку поставленной в обращении проблемы: выявляются системные взаимосвязи оспариваемых нормативных положений с другими нормами, проводится доскональный анализ правоприменительной практики, запрашиваются мнения уполномоченных (профильных) органов или организаций, исследуются доктринальные позиции (в том числе предоставленные компетентными специалистами по запросу самого Суда). Обращается Конституционный Суд и к публикациям в средствах массовой информации и иных информационных ресурсах, результатам опроса общественного мнения, поскольку общественное восприятие того или иного регулирования позволяет среди прочего оценить, насколько декларируемая законодателем или иными официальными лицами цель его принятия действительно достигается, нет ли признаков избыточности (несоразмерности) предусмотренных нормой ограничений, достаточно ли ясны и понятны для граждан и организаций соответствующие законоположения. Обобщив и осмыслив полученные по результатам предварительного изучения обращения данные и сведения, Конституционный Суд задается вопросом о том, имеется ли неопределенность в вопросе о соответствии оспариваемой нормы Конституции. Иными словами, имеются ли основания подозревать дефектность нормы, ее неконституционность.

Столь осторожный, тщательный, скрупулезный подход Конституционного Суда к «отбору» обращений, требующих разрешения посредством принятия итогового решения, обусловлен комплексом взаимосвязанных объективных факторов, среди которых вытекающие из принципов правового государства, разделения властей и правовой определенности (статьи 1, 10 и 19 Конституции) процессуальные (конституционно-судебные) презумпции добросовестности законодателя и конституционности оспариваемых норм, а также принцип конституционной (разумной) сдержанности.

Изначальное предположение о неконституционности проверяемой нормы разрушает необходимое для нормального функционирования любой правовой системы доверие к закону и государству и рискует обернуться выходом Конституционного Суда за пределы своих полномочий. В этом состоит политико-правовое обоснование презумпции конституционности и добросовестности законодателя. Но есть у нее и фактические, эмпирические основания: изучая более 10 тысяч обращений ежегодно, Конституционный Суд только по полусотне из них принимает постановления, в которых констатируется, что в оспоренной норме действительно имеется конституционно значимый изъян.

В этой связи, предполагая конституционность оспариваемых норм, Конституционный Суд не спешит с тем, чтобы принять обращение к рассмотрению и тем самым официально «объявить» норму потенциально неконституционной: сначала нужно внимательно рассмотреть норму со всех сторон, и только затем, обнаружив первичные признаки конституционного неблагополучия, имеет смысл перейти к полноценному судебному разбирательству.

Следовательно, еще одной методологической особенностью конституционно-судебного контроля можно счесть высокое значение предварительного исследования поступающих в Конституционный Суд обращений, которое, будучи весьма тщательным и скрупулезным, позволяет Конституционному Суду в полной мере раскрывать свой потенциал и эффективно затрачивать имеющиеся ресурсы. Такой подход наилучшим образом соотносится с принципами разделения властей и правовой определенности.

При отборе дел нередко, особенно в последнее время, возникает необходимость соотнесения перспективы принятия жалобы заявителя к рассмотрению с тем, что другие суды, после того как средства судебной защиты заявителем были исчерпаны (как правило – принято определение судьи Верховного Суда об отказе в передаче жалобы для рассмотрения в заседании судебной коллегии) и он обратился в Конституционный Суд, возвращаются к делу заявителя, причем с намерением восстановить его права. С одной стороны, можно только порадоваться в этом случае за заявителя, права которого будут восстановлены быстрее, и не рассматривать дело, если жалоба еще не принята к рассмотрению (для принятых к рассмотрению жалоб часть вторая статьи 68 Закона о Конституционном Суде прямо указывает на невозможность прекращения производства в случае пересмотра дела заявителя). С другой стороны, по ряду оснований продолжение при таких обстоятельствах Конституционным Судом обычного хода производства по жалобе может оказаться предпочтительным.

Только Конституционный Суд может дать оценку конституционности закона. Суды же связаны законом и не могут отказаться его применять, ссылаясь на его неконституционность. Когда правовая проблема уже дошла до Конституционного Суда, попытка пересмотреть дело до его решения не работает на авторитет судебной системы, поскольку ранее суды – пока заявитель исчерпывал средства судебной защиты – не усматривали оснований для иного разрешения его дела, а после подачи жалобы в Конституционный Суд вдруг поменяли свое мнение. Торопясь с пересмотром на фоне производства по жалобе в Конституционном Суде, соответствующая инстанция фактически признает, что раньше – на основе тех же нормативных предписаний – суды принимали ошибочное решение.

Пересмотр после вынесения постановления Конституционного Суда, напротив, позволяет им сохранить лицо. Статья 120 Конституции обязывает их следовать не только Конституции, но и закону, а поскольку в правовой системе России явные проявления неконституционности законов и иных нормативных актов практически отсутствуют, судам, как отмечалось, в упрек не может быть поставлено то, что в текущей деятельности они не усмотрели конституционно значимую проблему, которую Конституционный Суд увидел, только «прицельно» рассматривая данный вопрос при поступлении соответствующего обращения.

При этом, конечно, в правовой системе не исключены случаи, когда именно в норме содержится хоть точечный, но состоящий в ее неконституционности дефект. Тогда пересмотр дела до вынесения постановления Конституционного Суда может привести к тому, что решение будет принято в пользу заявителя, но вопреки буквальному содержанию нормы. При этом нет гарантий воспроизведения этого – более ориентированного на Конституцию, чем буквально следует из нормы – подхода в других делах, что может повлечь разнобой в судебной практике, а соответственно, снижение доверия к правовой и судебной системам.

Не будем забывать и о необходимости обеспечения системности правового регулирования, в том числе как о важной гарантии прав и законных интересов участников правоотношений. Очевидно, что для любого пользователя правовой нормой значительно удобнее, когда весь смысл нормы сосредоточен в ее буквальном содержании. Именно на это, кстати, направлена статья 80 Закона о Конституционном Суде, в которой прописаны обязанности и сроки внесения необходимых изменений в нормативное регулирование на основании постановлений Конституционного Суда. Когда же смысл нормы распределен между ее буквальным содержанием и относящимися к ней прецедентами, это может быть на пользу только узкоспециализированным юристам, но никак не большинству участников правоотношений.

***

Конституционный Суд, таким образом, включен в механизм защиты человека, общества и государства от нарастающих угроз и новых вызовов. Его роль в этом механизме – охрана Конституции, контроль, необходимый для того, чтобы защитные меры, будучи целесообразными, не выходили за пределы строгой необходимости, оставались эффективными, но при этом гуманными, были в меру жесткими, но не жестокими, то есть оставались в границах права как меры должного и справедливого.

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О КОНСТИТУЦИОННОМ КОНТРОЛЕ

Республика Казахстан

НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Принятию новой Конституции Республики Казахстан предшествовала масштабная работа Комиссии по конституционной реформе, созданная Указом Главы государства от 21 января 2026 года[1].

Конституционная комиссия провела колоссальную работу в стенах Конституционного Суда. Возглавила комиссию Председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова, заместителями были назначены Государственный советник Ерлан Карин и вице-премьер – министр культуры и информации Аида Балаева. Рабочим органом Комиссии являлся Аппарат Конституционного Суда.

После завершения реформы материалы заседаний и рабочих групп, экспертные и аналитические документы, а также около 12 тысяч обращений граждан с предложениями к проекту Основного Закона были переданы Аппаратом Конституционного Суда на постоянное государственное хранение в Архив Президента Республики Казахстан[2].

Новая Конституция, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года и вступившая в силу 1 июля 2026 года, по-новому закрепила на уровне Основного Закона ряд положений, непосредственно относящихся к статусу, формированию и компетенции Конституционного Суда[3].

Одной из новелл конституционного уровня стало непосредственное закрепление в тексте Конституции предназначения Конституционного Суда. Согласно пункту 1 статьи 72 Конституционный Суд Республики Казахстан определяется как независимый государственный орган, осуществляющий конституционный контроль и обеспечивающий верховенство Конституции Республики Казахстан на всей территории страны. Тем самым характеристика Конституционного Суда как органа конституционного контроля

---

[1] Указ Президента Республики Казахстан от 21 января 2026 года № 1157 «О Комиссии по Конституционной реформе (Конституционной комиссии)».

[2] Материалы Комиссии по конституционной реформе переданы в Архив Президента Республики Казахстан // Официальный интернет-ресурс Конституционного Суда Республики Казахстан, 3 июля 2026 года.

[3] Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года. Ст. 94.

и гаранта верховенства Основного Закона получила прямое конституционное закрепление[4].

Изменен конституционный порядок формирования Конституционного Суда. Если ранее состав Суда формировался с участием Президента, Сената и Мажилиса Парламента, то новая Конституция закрепила иную модель: Председатель Конституционного Суда назначается Президентом Республики, а десять судей – Президентом с согласия Курултая, выраженного большинством голосов от общего числа его депутатов. При этом восьмилетний срок полномочий судей и правило об однократности назначения сохранены без изменения и к новеллам 2026 года не относятся[5].

Существенной новеллой непосредственно текста Конституции стало включение в предмет конституционного контроля вопроса о соответствии Конституции исполнения решений международных организаций и их органов. В соответствии с подпунктом 5) пункта 1 статьи 73 Конституционный Суд рассматривает данный вопрос по обращениям предусмотренных Конституцией субъектов. Пункт 3 статьи 75 одновременно закрепляет конституционно-правовое последствие такого контроля: решения международных организаций и их органов либо их отдельные положения, исполнение которых признано Конституционным Судом не соответствующим Конституции, исполнению не подлежат. Таким образом, механизм обеспечения верховенства Конституции в данной сфере получил прямое закрепление в Основном Законе.

Новым специальным полномочием Конституционного Суда стали удостоверение личного и добровольного характера отказа соответствующего должностного лица от принятия полномочий Президента Республики и дача заключения по данному вопросу. Это полномочие закреплено пунктом 6 статьи 73 во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 51 новой Конституции и непосредственно включено в конституционный механизм перехода президентских полномочий[6].

Отдельной новеллой конституционного уровня является закрепление обязательности истолкования, данного Конституционным Судом. Пункт 2 статьи 75 устанавливает, что законы и иные нормативные правовые акты, их отдельные положения, признанные соответствующими Конституции в истолковании Конституционного Суда, подлежат применению в данном истолковании. Тем самым непосредственно в Основном Законе закреплено обязательное зна-

---

[4] Там же. П. 1 ст. 72.

[5] Там же. Пп. 2—4 ст. 72. Для сопоставления: Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года, ст. 71 в редакции, действовавшей до 1 июля 2026 года.

[6] Там же. П. 1 ст. 51; п. 6 ст. 73; п. 2 ст. 75.

чение конституционно-правового смысла нормы, в соответствии с которым Конституционный Суд признал ее соответствующей Конституции.

Таким образом, новеллы новой Конституции, непосредственно относящиеся к Конституционному Суду, сосредоточены прежде всего в конституционном закреплении его предназначения, изменении модели формирования состава, расширении предмета конституционного контроля, появлении нового специального полномочия в процедуре перехода президентских полномочий и закреплении на уровне Основного Закона обязательности конституционного истолкования. Эти положения усиливают конституционные основы деятельности Суда и его роль в обеспечении верховенства Конституции.

А.К. Бердибаева,
аналитик Конституционного Суда
Республики Казахстан

НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН»

Конституционным законом Республики Казахстан от 11 июня 2026 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам приведения их в соответствие с Конституцией Республики Казахстан, совершенствования законодательства Республики Казахстан о выборах и прокуратуре» в Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (далее – Конституционный закон) внесены изменения и дополнения.

1. Совершенствование статуса и организационных основ деятельности Конституционного Суда.

Изменен порядок формирования Конституционного Суда. Председатель назначается Президентом Республики Казахстан (далее – Президент), заместитель Председателя назначается Президентом по представлению Председателя Конституционного Суда, а судьи назначаются Президентом с согласия Курултая (статья 3).

Пункт 2 статьи 62 Конституции устанавливает, что, если Курултай дважды откажет в согласии на назначение кандидата, предложенного Президентом на должность, требующую согласия Курултая (например, судьи Конституционного Суда), Президент вправе распустить Курултай.

Таким образом, новая модель устанавливает иной механизм взаимодействия высших государственных институтов.

Расширены гарантии неприкосновенности судей Конституционного Суда. Вместо прежнего порядка, при котором представление

Генерального Прокурора о продолжении досудебного расследования и применении мер уголовно-процессуального принуждения вносилось в Парламент, установлен новый механизм: в отношении Председателя Конституционного Суда представление вносится Президенту, а в отношении судей – в Курултай. Одновременно конкретизированы полномочия Генерального Прокурора и установлено, что специальные оперативно-розыскные мероприятия в отношении судей Конституционного Суда могут проводиться только с его санкции (статья 11).

2. Расширение компетенции Конституционного Суда и развитие новых направлений конституционного контроля.

Одним из наиболее значимых направлений реформы является расширение компетенции Конституционного Суда.

Подпункт 5) пункта 1 статьи 73 Конституции закрепляет полномочие Конституционного Суда рассматривать вопросы о соответствии Конституции исполнения решений международных организаций и их органов.

В развитие данного положения Конституционный закон расширил предмет конституционного контроля, сформировав процессуальный механизм проверки исполнения таких решений с позиции верховенства Конституции (статья 23).

3. Расширение цифровизации и повышение доступности конституционного правосудия.

В главе 6 закрепляется цифровой формат конституционного производства: возможность использования электронных документов, электронной цифровой подписи, электронных дел и дистанционного участия граждан и государственных органов в заседаниях Конституционного Суда с использованием технических средств связи.

Изменению подвергся также порядок фиксации заседаний Конституционного Суда. Вместо стенографирования предусматривается использование аудио- и видеозаписи (статья 39), что соответствует современным стандартам процессуального документирования и повышает прозрачность деятельности органа конституционного правосудия.

4. Совершенствование института обращения в Конституционный Суд.

Изменения, внесенные в статью 45 Конституционного закона, свидетельствуют о переходе к более формализованной модели определения условий допустимости конституционной жалобы.

Прежняя редакция указанной нормы предусматривала возможность применения исключений из общего порядка обращения в Конституционный Суд, позволяя принять обращение без прохождения апелляционного обжалования либо без предварительного обращения в суд в случаях, предусмотренных пунктами 3 и 4.

При этом пункт 3 позволял принять обращение без апелляционного обжалования, если нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан исключают возможность иного применения оспариваемого нормативного правового акта и, соответственно, восстановления нарушенных прав посредством апелляционного пересмотра.

Пункт 4 допускал обращение гражданина непосредственно в Конституционный Суд в ситуации, когда предварительное обращение в суд не могло повлиять на применение закона вследствие императивности его положений.

Новая редакция статьи 45 уточнила предмет конституционной жалобы (пункт 1), установила более конкретные условия ее допустимости, включая наличие вступившего в силу судебного акта апелляционной инстанции и признаков нарушения прав самого субъекта обращения (пункт 2), а также исключила предусмотренные ранее исключения.

5. Развитие института итоговых решений Конституционного Суда и их правовых последствий.

Изменения статьи 63 Конституционного закона направлены на приведение ее положений в соответствие со статьей 75 Конституции Республики Казахстан, предусматривающей, что законы и иные нормативные правовые акты, их отдельные положения, признанные соответствующими Конституции в истолковании Конституционного Суда, подлежат применению в данном истолковании.

В новой редакции закреплено, что признанные неконституционными законы и иные правовые акты прекращают свое действие и не подлежат применению, что обеспечивает прямое соответствие конституционному регулированию. Также уточнено, что акты и их отдельные положения, признанные соответствующими Конституции в истолковании Конституционного Суда, применяются исключительно в данном истолковании, а основанные на них решения судов и иных государственных органов могут быть пересмотрены в установленном законом порядке.

Указанные изменения усиливают обязательность решений Конституционного Суда и обеспечивают единообразное применение его правовых позиций.

Заключение. Таким образом, внесенные изменения и дополнения в Конституционный закон направлены на дальнейшее развитие института конституционного контроля с учетом практики работы Конституционного Суда за последние три года, а также зарубежного опыта.

Д.А. Финк,
аналитик отдела аналитики и конституционного производства
Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан, к.ю.н.

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ

Республика Казахстан

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Конституционный закон «О Конституционном Суде Республики Казахстан» закрепляет обязательность итоговых решений Конституционного Суда и порядок их исполнения[1], одним из механизмов которого является внесение изменений в законодательство.

Практическим примером такой реализации является Закон Республики Казахстан от 3 января 2026 года № 251-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам исполнения решений Конституционного Суда Республики Казахстан и возврата государству незаконно приобретенных активов» (далее – Закон № 251-VIII). Данным Законом реализованы выводы Конституционного Суда, изложенные в нескольких нормативных постановлениях, что обусловило внесение изменений в законодательные акты различных отраслей законодательства.

Так, выводы нормативного постановления от 13 июля 2023 года № 19-НП о балансе публичных интересов и права собственности при передаче имущества в доверительное управление лицами, на которых распространяются антикоррупционные ограничения, реализованы пунктами 1 и 8–12 статьи 1 Закона № 251-VIII: поправки согласовали регулирование соответствующих ограничений и порядка передачи имущества в доверительное управление в статье 895 Гражданского кодекса (Особенная часть), а также в законах о правоохранительной, воинской службе, специальных государственных органах, о противодействии коррупции и о государственной службе.

В нормативном постановлении от 19 апреля 2024 года № 41-НП Конституционный Суд разграничил конституционные гарантии защиты имущества и жилища, указав, что лишение жилища без согласия собственника допускается исключительно по решению суда. Данный вывод учтен в пунктах 4 и 7 статьи 1 Закона № 251-VIII, дополнивших статью 250-1 Гражданского процессуального кодекса и пункт 8 статьи 55 Закона «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», согласно которым взыскание

[1] Статьи 62 и 64 Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан».

на жилище должника, в том числе на долю в нем, при недостаточности иного имущества осуществляется путем обращения взыскателя либо судебного исполнителя в суд.

Пункт 13 статьи 1 Закона № 251-VIII исключил из пункта 3 статьи 52 Закона «Об арбитраже» положение об отказе в выдаче исполнительного листа и дополнил статью 57 запретом пересматривать решение арбитража по существу при рассмотрении такого ходатайства – тем самым реализованы выводы нормативного постановления от 13 сентября 2024 года № 51-НП о самостоятельности процедур отмены арбитражного решения и выдачи исполнительного листа.

В семейном законодательстве получили закрепление правовые позиции Конституционного Суда по вопросам исчисления алиментов и раздела общего имущества супругов. Во исполнение нормативного постановления от 28 июня 2024 года № 46-НП часть вторая пункта 1 статьи 141 Кодекса «О браке (супружестве) и семье» дополнена положением, предусматривающим возможность определения алиментов в твердой денежной сумме, в том числе если родитель применяет специальные налоговые режимы либо выехал на постоянное место жительства за пределы Республики Казахстан. Тем самым соответствующий механизм получил закрепление непосредственно на уровне закона.

Правовая позиция, изложенная в нормативном постановлении от 4 декабря 2024 года № 55-НП, получила отражение в пункте 6 статьи 37 этого же Кодекса. Конституционный Суд исходил из того, что расторжение брака само по себе не свидетельствует о нарушении имущественных прав супругов и потому не может автоматически определять начало течения срока исковой давности по требованиям о разделе общего имущества. Закон № 251-VIII исключил из указанной нормы слова «с момента расторжения брака (супружества)», распространив на такие требования общий порядок исчисления исковой давности.

Законодательное закрепление получила и позиция Конституционного Суда по вопросам наследования права землепользования, сформулированная в нормативном постановлении от 30 января 2025 года № 64-НП. Из пункта 1 статьи 40 Земельного кодекса исключены слова «по закону», что обеспечило переход права землепользования в порядке универсального правопреемства как при наследовании по закону, так и по завещанию.

Таким образом, Закон № 251-VIII обеспечил законодательную реализацию правовых позиций Конституционного Суда в различных отраслях законодательства. Характер внесенных изменений различается – от согласования взаимосвязанных норм до изменения порядка реализации отдельных прав и процессуальных гарантий.

В совокупности они отражают законодательную форму исполнения итоговых решений Конституционного Суда и закрепление сформулированных им правовых позиций в действующем правовом регулировании.

Н.С. Туякбаева,
аналитик отдела аналитики и конституционного производства
Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан,
доктор PhD, ассоциированный профессор

ИНФОРМАЦИЯ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Конституционный Суд Республики Армения посетили студенты Российско-Армянского университета и Института права и международных отношений Университета «Айбусак»

3 декабря 2025 года Конституционный Суд посетили студенты второго курса Института права Российско-Армянского университета. Будущих юристов принял Председатель Конституционного Суда Арман Диланян. Председатель Конституционного Суда приветствовал студентов и ознакомил их с миссией, кругом полномочий и особенностями деятельности Высокого суда. Отвечая на вопросы студентов, Арман Диланян коснулся международных связей КС, продолжающихся институциональных реформ в Суде, а также роли судебной власти в системе государственного управления. В ходе встречи обсуждались перспективы развития правовой и конституционной культуры в Республике Армения, а также особенности конституционного правосудия. Председатель Конституционного Суда отметил, что Высокий суд придает особую важность встречам с молодежью в таком формате, которые дают хорошую возможность как для открытого обсуждения профессиональных вопросов, так и для ознакомления с мнениями и наблюдениями юристов нового поколения.

4 декабря 2025 года Конституционный Суд с ознакомительным визитом. посетили студенты Института права и международных отношений Университета «Айбусак». Студентов принял и выступил с лекцией судья Конституционного Суда Эдгар Шатирян. Эдгар Шатирян ознакомил студентов со структурой Конституционного Суда, особенностями его деятельности и ролью Высокого суда в системе правосудия Республики Армения, с имевшими место в предыдущие годы конституционными изменениями и законодательными регулированиями относительно Высокого суда. По просьбе сту-

дентов судья КС затронул ряд важных решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), а также некоторые важные постановления Конституционного Суда Республики Армения. В завершение встречи судья КС Эдгар Шатирян ответил на интересующие студентов вопросы.

По инициативе Конституционного Суда Республики Армения состоялся семинар «Роль органов государственной власти и гражданского общества в исполнении постановлений Конституционного Суда»

17 и 18 января 2026 года по инициативе Конституционного Суда состоялся семинар на тему «Роль органов государственной власти и гражданского общества в исполнении постановлений Конституционного Суда», в котором приняли участие представители судебной, законодательной, исполнительной властей и общественных организаций. Мероприятие организовано при поддержке Посольства Королевства Нидерландов в Армении в сотрудничестве с общественной организации «Объединение Европа права».

Семинар вступительной речью открыл Председатель Конституционного Суда Арман Диланян. С приветственными словами к участникам семинара обратились Председатель Кассационного суда Лилит Тадевосян, министр юстиции РА Србуи Галян, Председатель Постоянной комиссии Национального Собрания РА по государственно-правовым вопросам Владимир Варданян, Посол Ко-

ролевства Нидерландов в Армении Марике Монро-Винтер и председатель общественной организации «Объединение Европа права» Лусине Акобян.

В ходе двухдневного семинара были рассмотрены такие темы, как политико-правовое значение правовых позиций Конституционного Суда и их исполнение органами законодательной и исполнительной власти, правовые позиции Конституционного Суда относительно исполнения собственных постановлений и решений Европейского суда по правам человека, исполнение постановлений Конституционного Суда и ЕСПЧ органами судебной власти РА, роль инициированных гражданским обществом стратегических судебных процессов в исполнении постановлений Конституционного Суда, институт гражданского контроля за исполнением постановлений Конституционного Суда РА, сотрудничество законодательная власть-гражданское общество, судебная власть-гражданское общество в сфере исполнения постановлений Конституционного Суда.

В городе Ош прошли выездные школы конституционализма Конституционного суда Кыргызской Республики

23 января 2026 года в городе Ош Конституционный суд Кыргызской Республики провел выездные школы конституционализма с участием Председателя Конституционного суда Осконбаева Э.Ж. и судей Конституционного суда Айдарбековой Ч.А. и Бобукеевой М.Р.

Выездные школы были организованы для двух профессиональных аудиторий. Первая школа прошла на базе Ошского государственного университета и объединила преподавателей юридических факультетов ОшГУ и Жалал-Абадского государственного

университета. Вторая школа состоялась в Ошском областном суде и была предназначена для судей Ошского и Жалал-Абадского областных судов, а также районных судов указанных областей.

В ходе мероприятий были обсуждены значение конституционализма для развития правового государства, роль Конституционного суда в системе государственной власти, а также практические аспекты применения актов Конституционного суда и принципов конституционного права в судебной деятельности.

Выступая перед участниками, Председатель Конституционного суда Осконбаев Э.Ж. подчеркнул, что развитие конституционализма невозможно без постоянного профессионального диалога, а выездной формат школ позволяет приблизить конституционное правосудие к регионам и учитывать реальные потребности судебной и академической среды.

Школы конституционализма прошли в формате открытого обсуждения с активной сессией вопросов и ответов. По завершении мероприятий участникам были вручены сертификаты.

Проведение таких образовательных инициатив является частью системной работы Конституционного суда Кыргызской Республики, направленной на укрепление конституционных ценностей, повышение правовой культуры и развитие единого понимания конституционных принципов в правоприменительной практике.

Конституционная реформа в Республике Казахстан: переход к новой модели государственного управления

В период с 25 января по 11 февраля 2026 года в Астане были проведены 12 заседаний Комиссии по Конституционной реформе в формате прямых онлайн-трансляций, суммарно собравших свыше 1 млн просмотров. Мероприятия проходили в расширенном формате с участием депутатов Парламента, председателей маслихатов, общественных деятелей, ответственных должностных лиц центральных госорганов, представителей СМИ, общественных советов регионов, экспертного и научного сообществ. В период между заседаниями работали тематические рабочие группы, проходили публичные обсуждения и встречи с участием членов Комиссии.

Комиссия работала во исполнение соответствующего Указа Главы государства Касым-Жомарта Токаева. Ее возглавили председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова, заместители председателя Комиссии – Государственный советник Ерлан Карин и заместитель Премьер-министра – министр культуры и информации Аида Балаева.

«Перед Конституционной комиссией стоит исключительная миссия – обеспечить такую настройку Основного Закона, которая, с одной стороны, сохранит фундаментальные принципы конституционного строя, а с другой стороны, позволит достойно заявить свои взгляды на современные вызовы», – сказала Эльвира Азимова.Как сообщила Эльвира Азимова, Комиссии было передано

порядка двенадцати тысяч предложений, обобщенных в единую Сводную таблицу. Обобщенные предложения были направлены на уточнение и укрепление основ конституционного строя Казахстана, повышение юридической определенности отдельных норм и усиление правозащитных механизмов.

Проект Конституции дважды публиковался Комиссией для всенародного ознакомления. Вторая редакция представляла собой доработанный проект с учетом поступивших предложений граждан.

В Страсбурге состоялась встреча Председателей Конституционного Суда Республики Армения и ЕСПЧ

В рамках состоявшегося 29-31 января 2026 года рабочего визита в Страсбург Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арман Диланян встретился с Председателем Европейского суда по правам человека Маттиасом Гийомаром. Во встрече приняли участие также избранный от Армении судья ЕСПЧ Ваге Григорян и заместитель секретаря Суда ЕСПЧ Абель Кампос.

В ходе встречи стороны высоко оценили отношения, сложившиеся между Европейским судом по правам человека и Конституционным Судом РА, а также Кассационным судом РА, особо отметив важность эффективного сотрудничества.

Председатель Конституционного Суда Республики Армения принял участие в открытии судебного года ЕСПЧ в Страсбурге

30 января 2026 года в Страсбурге Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арман Диланян по приглашению Председателя Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) Маттиаса Гийомара принял участие в торжественном заседании ЕСПЧ по случаю открытия судебного года. В ежегодном официальном мероприятии приняли участие председатели высших судов 46 государств-членов Совета Европы (СЕ), высокопоставленные представители СЕ, а также бывшие судьи ЕСПЧ, послы и другие высокопоставленные должностные лица.

По окончании торжественного заседания ЕСПЧ по случаю открытия судебного года состоялся судебный семинар «Плюрализм средств массовой информации и защита демократических

процессов в полное вызовов время». Участники обсудили четыре основные темы: «Плюрализм средств массовой информации и право на информацию», «Свобода информации и компетенции Европей-

ского союза: случай применения ограничительных мер», «Целостность демократического процесса и судебный контроль» и «Свободное выражение воли народа как предпосылка защиты демократического государственного строя».

Состоялась встреча Председателя Конституционного Суда Республики Армения с Главой Директората по правам человека Совета Европы

30 января 2026 года Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арман Диланян в Страсбурге провел встречу с Главой Директората по правам человека Совета Европы Клэр Овей.

В ходе встречи стороны подчеркнули важность приверженности принципам демократии, защиты прав человека и верховенства права. Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арман Диланян обратился к теме совместных проектов, реализуемых в рамках осуществляемой в сотрудничестве Конституционного Суда и Совета Европы программы «Содействие развитию конституционного правосудия в Армении в соответствии с европейскими стандартами», подчеркнув, что эти проекты как в техническом, так и в содержательном аспекте способствуют процессу проводимых в Высоком суде институциональных реформ.

Глава Директората по правам человека Совета Европы Клэр Овей высоко оценила сотрудничество с Конституционным Судом, обозначив его как образцовое. Она отметила также, что в ближай-

ших программах Совета Европы особое внимание будет уделено углублению механизмов конституционного контроля. На встрече также присутствовали начальник Отдела сотрудничества по программам Совета Европы Джованни Баттиста Челиенто и советник по вопросам реформ правосудия в Генеральном директорате СЕ по правам человека и верховенству права Лилит Данегян.

Председатель Конституционного Суда Республики Армения встретился с Председателем Венецианской комиссии

30 января 2026 года Председатель Конституционного Суда РА Арман Диланян в Страсбурге встретился с Председателем Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) Мартой Картабия и Секретарём Венецианской комиссии Симоной Граната-Менгини.

В ходе встречи обсуждались актуальные проблемы судебно-правовой сферы, в частности, применение инструментов искусственного интеллекта в процессе осуществления правосудия, кибербезопасность, а также вызовы, возникающие параллельно развитию информационных технологий, и возможности их преодоления. Председатель Конституционного Суда Арман Диланян высоко оценил эффективное и непрерывное сотрудничество с Венецианской комиссией, подчеркнув важность консультативных заключений Венецианской комиссии для формирования внутригосударственного законодательства и правоприменительной практики.

Председатель Венецианской комиссии Марта Картабия выразила благодарность Председателю Конституционного Суда РА за содержательное обсуждение, отметив, что в лице Конституционного Суда Республики Армения Венецианская комиссия имеет сильного партнёра и союзника, приверженного демократическим ценностям и принципу верховенства права.

Конституционная комиссия представила Главе государства итоговый проект новой Конституции Республики Казахстан

11 февраля 2026 года Президент Касым-Жомарт Токаев принял председателя Конституционной комиссии – Председателя Конституционного Суда Эльвиру Азимову, заместителя председателя Конституционной комиссии – Государственного советника Ерлана Карина и члена Конституционной комиссии – Помощника Президента по правовым вопросам Ержана Жиенбаева.

Глава государства был проинформирован об итогах работы Комиссии над проектом новой Конституции страны.

Эльвира Азимова доложила, что по результатам двенадцати заседаний Комиссией был разработан итоговый проект нового Основного Закона. Текст новой Конституции был подготовлен на основе инициативных предложений граждан и экспертного сообщества, направляемых ими через порталы eGov и e-Otinish с октября прошлого года. Также в проекте учтены подходы, выработанные в октябре-январе Рабочей группой по Парламентской реформе.

Касым-Жомарт Токаев отметил, что Конституционной комиссией проделана масштабная и важная работа. По мнению Главы государства, положения новой Конституции знаменуют завершение процесса трансформации институциональной основы нашего государства и переход к совершенно новой конституционной модели.

Президент также подчеркнул, что проект нового Основного Закона не только отражает актуальные общественные ценности и принципы государственной политики, но и закладывает долгосрочные основы дальнейшего прогрессивного развития Казахстана.

Глава государства выразил благодарность членам Конституционной комиссии за проделанную работу и профессиональный подход. Президент подчеркнул, что обсуждение членами Комиссии проекта новой Конституции в прямом эфире продемонстрировало высокий уровень общественного диалога.

Конституционный суд Кыргызской Республики продолжает практику стажировок для впервые назначенных судей местных судов

12 февраля 2026 года в Конституционном суде Кыргызской Республики завершилась трехдневная стажировка для судей местных судов, впервые назначенных на должность. Программа стартовала 10 февраля и была направлена на профессиональную адаптацию судей и формирование целостного понимания роли Конституции в судебной деятельности.

Стажировка стала частью системной работы Конституционного суда по укреплению конституционной культуры и развитию практических навыков применения норм Основного Закона в повседневной судебной практике.

В рамках программы участники подробно ознакомились с деятельностью Конституционного суда, его местом и ролью в системе органов государственной власти, особенностями конституционного судопроизводства, порядком обращения судей в Конституционный суд и юридической силой его решений.

Особое внимание было уделено правовым позициям, сформированным в решениях Конституционного суда по различным категориям дел, а также их практическому применению судами общей юрисдикции.

Практическая часть включала подготовку проектов запросов судей в Конституционный суд, анализ кейсов и обсуждение механизмов применения правовых позиций в конкретных судебных ситуациях. Участники также ознакомились с годовыми докладами Конституционного суда и информационными материалами, размещёнными на его официальном сайте.

В первый день стажировки с приветственным словом к участникам обратился Председатель Конституционного суда Кыргыз-

ской Республики Осконбаев Э.Ж., подчеркнув значимость конституционных ценностей в ежедневной судебной практике и особую ответственность судьи в обеспечении верховенства Конституции.

Лекционные и практические занятия провели судьи Конституционного суда, Айдарбекова Ч.А., Бобукеева М.Р., Шаршеналиев Ж.А., а также Председатель Конституционного суда.

Проведение стажировок для впервые назначенных судей осуществляется Конституционным судом на системной основе второй год подряд. Такая практика способствует формированию единых подходов к применению конституционных норм, укреплению профессионального взаимодействия между судами общей юрисдикции и органом конституционного контроля, а также повышению качества отправления правосудия.

По итогам стажировки участники отметили практическую значимость полученных знаний и их востребованность в дальнейшей работе. Полученный опыт станет важной основой для профессионального роста судей и укрепления принципа верховенства Конституции в судебной системе Кыргызской Республики.

Международное сообщество оценило открытость и прозрачность конституционной реформы в Казахстане

16 февраля 2026 года в Астане состоялся брифинг для дипломатического корпуса об итогах работы Комиссии по конституционной реформе с участием председателя и членов Комиссии. В мероприятии приняли участие 80 представителей зарубежного дипломатического корпуса и международных организаций, аккредитованных в Казахстане.

Брифинг организован по инициативе Министерства иностранных дел с участием Председателя Конституционного Суда Эльвиры Азимовой, членов Комиссии, министра юстиции Ерлана Сарсемба-

ева, заместителя Председателя Конституционного Суда Бакыта Нурмуханова, Уполномоченного по правам человека Артура Ластаева и председателя Республиканской палаты адвокатов Мади Мырзагараева.

Рабочая группа по парламентской реформе, действовавшая с октября 2025 по январь 2026 года в составе 33 представителей депутатского корпуса, партий и экспертного сообщества, передала все поступившие предложения в Комиссию по конституционной реформе, в которую вошли 130 представителей различных сфер.

Как было отмечено в ходе брифинга, проект новой Конституции ставит в центр человека его жизнь, права и свободы. Усилены гарантии защиты собственности и неприкосновенности жилища, частной жизни и персональных данных, закреплены права граждан в цифровой среде. Введена конституционная ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями государственных органов и должностных лиц. Установлено обязательное опубликование всех ратифицированных международных договоров и принятых законов. Права и свободы человека теперь определяют суть и содержание не только законов, но и иных нормативных правовых актов и международных обязательств, являющихся частью действующего права Казахстана.

По итогам встречи представители дипломатического корпуса и международных организаций отметили открытость и прозрачность процесса конституционного преобразования в Республике Казахстан.

Мастер-класс в Ташкентском государственном юридическом университете

3 марта 2026 года в Ташкентском государственном юридическом университете состоялся мастер-класс с участием судьи Конституционного суда Республики Узбекистан Абдуманноба Рахимова. Мероприятие было посвящено деятельности Конституционного суда, его месту в судебной системе, механизмам конституционного контроля и практическим аспектам конституционного судопроизводства.

Мастер-класс был организован в контексте задач по укреплению связи юридического образования с практикой. Подобные мероприятия формируют у будущих юристов современное понимание роли Конституции как прямого регулятора общественных отношений и Конституционного суда как института, обеспечивающего баланс публичной власти, прав человека и устойчивости правового порядка.

Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан приняла участие в работе Венецианской комиссии

5-7 марта 2026 года Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан Эльвира Азимова приняла участие в работе 146-й пленарной сессии Европейской комиссии за демократию через право при Совете Европы (Венецианская комиссия).

В работе пленарной сессии участвовали члены Венецианской комиссии, председатели и судьи конституционных судов, представители министерств юстиции, ведущие юристы и ученые из более чем 49 стран, а также представители органов Совета Европы, включая Комитет министров, Парламентскую ассамблею и Конгресс местных и региональных властей Совета Европы.

В ходе сессии состоялся обмен мнениями с Генеральным секретарем Совета Европы Аленом Берсе.

Комиссия рассмотрела ряд заключений, подготовленных в отношении шести государств. В частности, были обсуждены:

проект поправок к Конституции Финляндии, касающихся обеспечения независимости судебной власти;

проект и принятые поправки к Закону о Литовском национальном радио и телевидении;

законодательные поправки Республики Молдова, направленные на противодействие коррупции на выборах;

конституционные и законодательные реформы в сфере судебной власти в Перу;

законодательные поправки Польши, касающиеся статуса судей;

проект законодательных поправок Словацкой Республики, касающихся уголовной ответственности за злоупотребление правом.

Кроме того, Комиссия обсудила проект промежуточного доклада о балансе между основными правами и свободами в контексте насильственной порнографии в прецедентной практике европейских конституционных судов и международных трибуналов.

Также было рассмотрено заключение amicus curiae, подготовленное для Конституционного суда Республики Молдова и посвященное вопросам статуса и применения мер в отношении партий-преемников политических партий, признанных неконституционными.

В ходе заседания Венецианская комиссия представила ежегодный отчет о деятельности за 2025 год. Согласно документу в течение года Комиссия рассмотрела 45 заключений и экспертных мнений amicus curiae для 19 стран, а также для Европейского суда по правам человека и Межамериканского суда по правам человека.

Формирование конституционного правосознания молодежи: воспитание патриотизма и гражданственности, ответственности за настоящее и будущее страны

В фокусе внимания Конституционного Суда Республики Беларусь неизменно находятся вопросы формирования и развития конституционно ориентированного правосознания граждан. Встречаясь с представителями молодежи и инициируя просветительские проекты, судьи Конституционного Суда транслируют ключевую мысль: будущее правового государства неразрывно связано с воспитанием подрастающего поколения, а эффективность Основного Закона измеряется и тем, насколько его дух усвоен школьниками и студентами как руководство в своей жизни.

Одним из таких знаковых событий выступает уже ставшая доброй традицией республиканская акция «Мы – граждане Беларуси!», в ходе которой в преддверии Дня Конституции юным гражданам вручаются паспорта гражданина Республики Беларусь, что знаменует собой их причастность к жизни страны и ответствен-

ности за ее судьбу. Во время торжественной церемонии вручения паспортов 13 марта 2026 г. Председателем Конституционного Суда Сергеем Сивцом было подчеркнуто, что активное участие молодых граждан в общественной жизни Беларуси и раскрытие потенциала молодежи в интересах всего общества – это и есть определенное Конституцией пространство для самореализации каждого молодого человека при помощи, поддержке и участии государства.

24 апреля 2026 г. в Конституционном Суде в рамках IX Международного фестиваля школьников и студентов «Медиация будущего» состоялась диалоговая площадка «Конституционные ценности через призму правового просвещения и медиации», в работе которой приняли участие представители государственных органов и общественных объединений Беларуси, педагоги и учащиеся учреждений образования Минска, а также гости из Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана.

Внимание молодых участников диалоговой площадки было акцентировано на том, что в развитии общественных отношений именно медиация может стать основным инструментом урегулирования межличностных противоречий, поскольку материально это наименее затратный, а в организационном плане наиболее простой и доступный способ разрешения спорных ситуаций. В ходе обстоятельной дискуссии было отмечено, что конституционные ценности лежат в основе любой социально полезной деятельности, а медиация как универсальный юридический механизм несудебного разрешения споров обеспечивает защиту этих ценностей.

29 апреля 2026 г. в Конституционном Суде состоялась встреча с участниками республиканского правового турнира «Сила закона: мы и право», который ежегодно проводится под эгидой Белорусского республиканского союза молодежи в целях формирования правовой культуры, содействия повышению правовой грамотности и воспитанию ответственной личности. Представленная судьей

Конституционного Суда информация была направлена на более глубокое осознание участниками турнира значения Конституции в жизни общества и государства, а также знакомство с азами конституционного правосудия.

Важным событием стал запуск 3 июня 2026 г. проекта Конституционного Суда «Школа конституционализма», последовательно нацеленного на формирование правовой культуры и конституционного правосознания молодежи, воспитание чувства патриотизма и гражданственности, ответственности молодого поколения за настоящее и будущее страны. Отмечая роль молодежи как талантливой и креативной части общества, Председатель Конституционного Суда Сергей Сивец подчеркнул, что интеллектуальные способности, жизненная энергия и целеустремленность молодежи определяют будущее страны, дальнейшее прогрессивное развитие и укрепление государства.

В рамках проводимых судьями Конституционного Суда на системной основе встреч со студенчеством в марте 2026 г. состоялся ряд диалоговых площадок, круглых столов, иных мероприятий, посвященных Дню Конституции, в ходе которых обсуждались вопросы конституционного строительства в соответствии с обновленной Конституцией, ключевой роли Основного Закона в формировании национальной правовой системы и закреплении основополагающих для развития общества и государства конституционных ценностей.

Состоявшиеся в преддверии празднования Дня Победы, знаменующего победу советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне, встречи судей со студентами были посвящены в том числе вопросам сохранения исторической правды и исторической памяти как конституционной обязанности и долга каждого гражданина Республики Беларусь.

В Казахстане принята новая Конституция

В Республике Казахстан по итогам республиканского референдума принята новая Конституция. Центральная комиссия референдума огласила официальные результаты голосования. Так, в референдуме приняли участие 9 127 192 гражданина, или 73,12% от числа граждан, имеющих право участвовать в референдуме. За принятие новой Конституции проголосовали 7 954 667 граждан, или 87,15% от числа принявших участие в голосовании. В соответствии с Конституционным законом «О республиканском референдуме» референдум считается состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины граждан, обладающих правом участия в референдуме.

В связи с принятием Конституции на республиканском референдуме 15 марта 2026 года Глава государства Касым-Жомарт Токаев скрепил подписью Конституцию и подписал Указ «О мерах по реализации Конституции Республики Казахстан, принятой 15 марта 2026 года».

Согласно Указу предусмотрено принятие комплекса мер, направленных на реализацию положений Конституции Республики Казахстан и приведение нормативных правовых актов в соответствие с ней. В частности, в порядке законодательной инициативы Президента Республики Казахстан на рассмотрение Мажилиса Парламента Республики Казахстан будет внесен ряд проектов конституционных законов.

Текст Конституции, принятой на республиканском референдуме 15 марта 2026 года, официально опубликован в республиканских печатных изданиях «Егемен Қазақстан» и «Казахстанская правда», а также в Эталонном контрольном банке нормативных правовых актов Республики Казахстан.

Состоялся круглый стол «Конституция Республики Беларусь – фундаментальная основа гражданского согласия и общественного развития», посвященный 30-летию Всебелорусского народного собрания

Мероприятие, прошедшее 27 марта 2026 года, инициировано Конституционным Судом Республики Беларусь совместно с Секретариатом Всебелорусского народного собрания и объединило представителей государственных органов и ведущих общественных объединений Беларуси.

Сердечно приветствуя участников круглого стола, Председатель Конституционного Суда Сергей Сивец отметил следующее: «Развитие конституционализма в Республике Беларусь идет по пути неуклонного расширения демократических форм участия граждан в управлении делами государства и общества. В результате принятия на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. изменений и дополнений в Конституцию начала формироваться новая архитектура политической системы страны, одно из ключевых мест в которой занимает Всебелорусское народное собрание. Наделе-

ние Всебелорусского народного собрания стратегическими беспрецедентными полномочиями и его формирование на широкой демократической основе, обеспечивающее выявление и выражение интересов белорусского народа, в полной мере реализует модель современного белорусского государства, о которой неоднократно говорил наш Президент, глубокоуважаемый Александр Григорьевич Лукашенко, – модель государства для народа, в которой государство основывается на воле народа и функционирует в его интересах».

О высокой роли Всебелорусского народного собрания говорили и другие спикеры круглого стола: заместитель Главы Администрации Президента Ольга Чуприс, начальник Секретариата Всебелорусского народного собрания Валерий Мицкевич, член Президиума Всебелорусского народного собрания, Председатель ОО «Белорусский союз женщин» Ольга Шпилевская, Председатель Федерации профсоюзов Беларуси Юрий Сенько посвятили свои выступления ценностным и практическим ориентирам общественного развития.

Каждое выступление сопровождалось активной дискуссией, живым и конструктивным обменом мнениями о путях и способах реализации стратегических направлений развития общества и государства.

В Конституционном Суде Республики Армения состоялся прием делегации Риксдага Королевства Швеции

8 апреля 2026 года Конституционный Суд Республики Армения посетила прибывшая в Армению в рамках программы «Сотрудничество в сфере демократического развития Риксдага на 2024-

2026 годы» делегация депутатов Парламента Швеции (Риксдага) в сопровождении делегации Национального Собрания Республики Армения. Приветствуя гостей, Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арман Диланян высоко оценил сотрудничество законодательных органов Республики Армения и Королевства Швеции, направленное на развитие и укрепление демократии.

Члены делегации Риксдага отметили, что важной сферой сотрудничества с партнерами из Республики Армения является содействие развитию демократии и защите прав человека. С учетом различий в судебно-правовых системах Швеции и Армении депутаты Риксдага проявили интерес к особенностям судебно-правовой системы Республики Армения.

По просьбе гостей Председатель Конституционного Суда представил структуру Конституционного Суда Республики Армения, особенности его деятельности, а также принципы взаимодействия и сотрудничества с другими государственными органами. Арман Диланян также рассказал об историческом пути создания Конституционного Суда, о развитии регулирующего деятельность Высшего суда законодательства и о его влиянии на повышение эффективности конституционного правосудия. В ходе встречи также был обсужден ряд вопросов, представляющих взаимный интерес.

В Конституционном Суде Азербайджанской Республики состоялась встреча с магистрантами Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан

14 апреля 2026 года в Конституционном суде состоялась встреча с магистрантами Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан.

На мероприятии магистрантам была предоставлена подробная информация об истории создания Конституционного Суда, его деятельности, порядке принятия решений, а также о некоторых правовых позициях, отраженных в постановлениях Пленума, и о международном

судебно-правовом сотрудничестве в области конституционного права.

Выразив благодарность сотрудникам Конституционного суда за теплый прием, гости высоко оценили программу стажировки в Академии Юстиции Азербайджанской Республики. Затем были даны ответы на ряд вопросов студентов о деятельности Конституционного суда.

На встрече присутствовали судьи и ответственные сотрудники аппарата Конституционного суда.

В завершение гости ознакомились с административным зданием Конституционного Суда и сделали памятные фотографии.

Конституционный Суд Республики Армения посетила делегация конгресса Совета Европы

15 апреля 2026 года в Конституционном Суде состоялся прием делегации Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, прибывшей в Армению в рамках осуществляемого Конгрессом мониторингового визита. Цель визита – оценка применения Европейской хартии местного самоуправления в Республике Армения.

Приветствовав гостей, Председатель Конституционного Суда Арман Диланян представил особенности деятельности Высокого Суда и обратился к применению Европейской хартии в рамках осуществления в Республике Армения конституционного правосудия.

По просьбе гостей заместитель Председателя Конституционного Суда Эдгар Шатирян представил постановления Конституционного Суда, которых может касаться применение Европейской хартии.

В ходе встречи с представителями Конгресса местных и региональных властей Совета Европы содокладчиками по Армении Джонатаном Деннисом (Соединенное Королевство), Катрин Партикой (Бельгия), секретарем Конгресса Стефани Пурель и экспертом

Танией Гроппи был обсужден ряд представляющих взаимный интерес вопросов.

Представители Конгресса выразили благодарность за плодотворную встречу.

Конституционный Суд Российской Федерации посетила с рабочим визитом делегация Верховного Суда Республики Казахстан

16 апреля 2026 года делегация Верховного Суда Республики Казахстан во главе с его Председателем Асламбеком Мергалиевым посетила Конституционный Суд Российской Федерации. В ходе рабочей встречи зарубежных гостей с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации Валерием Зорькиным и судьями были затронуты вопросы, представляющие взаимный интерес.

Председатель Конституционного Суда РФ рассказал об особенностях деятельности Суда, привел статистические данные по обращениям, отметил возрастающее качество жалоб и запросов, поступающих в Конституционный Суд. Отдельно он остановился на специфике решений КС РФ, выделив постановления, а также указал на массив правовых позиций Суда, который формируется в процессе его деятельности.

В свою очередь Председатель Верховного Суда Республики Казахстан в своем докладе уделил внимание проведенным реформам и преобразованиям национальной судебной системы. Он отметил состоявшийся 15 марта 2026 года референдум о принятии новой Конституции Республики Казахстан и колоссальную работу по модернизации системы правосудия.

Участники встречи подчеркнули, что подобные мероприятия положительно влияют на взаимодействие между судебными системами двух стран, и выразили уверенность в продолжении конструктивного сотрудничества.

Конституционный суд Кыргызской Республики провел в городе Манас школы конституционализма, посвященные Дню Конституции

Конституционный суд Кыргызской Республики 23-24 апреля 2026 года провел в городе Манас два мероприятия в рамках проекта Школа конституционализма. Два отдельных образовательных события были адресованы судейскому сообществу и представителям академической среды. Такой формат позволил выстроить предметный диалог как с практикующими юристами, так и с теми, кто формирует правовое мышление будущих специалистов.

Первый день: открытый профессиональный диалог с судьями.

23 апреля в Доме правосудия города Манас состоялась встреча с участием судей и представителей судебной системы региона.

С приветственными словами выступили Председатель Конституционного суда Кыргызской Республики Осконбаев Э.Ж., Председатель Жалал-Абадского областного суда Сабырова Ж.Ж.

Центральной темой обсуждения стала роль конституционализма как основы устойчивого развития государства и общества. Участники по-новому переосмыслили базовые конституционные ценности, в особенности в части отправления справедливого правосудия и роли конституционной юстиции в корректировке законодательства и правоприменительной практики.

Судья Конституционного суда Кыргызской Республики Айдарбекова Ч.А. представила практический обзор отдельных решений, продемонстрировав, как принципы права и правовые доктрины применяются при разрешении сложных правовых вопросов.

Живой интерес вызвал формат открытого диалога: участники задавали вопросы, обменивались мнениями и обсуждали современные вызовы судебной практике.

Второй день: встреча с научным и образовательным сообществом.

24 апреля в конференц-зале Жалал-Абадского государственного университета прошло второе мероприятие, ориентированное на преподавателей, исследователей и студенческую аудиторию.

Мероприятие открыл ректор университета Усенов К.Ж. совместно с Председателем Конституционного суда Осконбаевым Э.Ж.

В центре внимания оказались такие аспекты, как значение Конституции как фундамента правового государства, влияние глобальных процессов на развитие национального права, роль органов конституционного контроля в современном мире и значение правового просвещения для общества.

Выступления судьи Айдарбековой Ч.А. вызвали активную дискуссию среди участников, подтвердив высокий интерес академического сообщества к вопросам конституционного правосудия.

По завершении обоих мероприятий участникам были вручены сертификаты.

Школа конституционализма в городе Манас стала еще одним подтверждением того, что правовое просвещение, открытость судебных институтов и прямой профессиональный диалог являются важной частью укрепления конституционных ценностей и повышения правовой культуры в стране.

В Конституционном Суде Республики Казахстан подвели итоги конкурса Amicus Curiae Challenge

24 апреля 2026 года в Конституционном Суде прошел заключительный этап республиканского конкурса «Amicus Curiae Challenge» среди студентов юридических специальностей высших учебных заведений из Астаны, Алматы, Шымкента, Туркестана и других регионов.

Конкурс проводился в рамках проекта «Верховенство Конституции: право, законность, ответственность», реализуемого Конституционным Судом в партнерстве с Верховным Судом, ОО «Правовой центр женских инициатив «Сана Сезім» и Посольством Королевства Нидерландов.

Открывая мероприятие, Председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова поблагодарила партнеров за поддержку инициатив по укреплению правовой культуры, подчеркнула значимость института amicus curiae и отметила необходимость развития практических навыков его применения у будущих юристов.

С приветственными словами также выступили глава миссии Посольства Королевства Нидерландов в Казахстане Нико Схермерс, представитель Офиса программ ОБСЕ в Астане Николас Мазик и представитель ОО «Сана Сезім» Шахноза Хасанова.

В рамках конкурса команды разрабатывали и представляли правовые позиции amicus curiae по предложенному кейсу. Победители были награждены дипломами и сертификатами, а также получили предложения о прохождении профессиональной практики.

Официальная встреча председателей Конституционных судов Узбекистана и Турции

4 мая 2026 года состоялась официальная встреча Председателя Конституционного суда Республики Узбекистан М. Абдусаломова с Президентом Конституционного суда Турецкой Республики Кадиром Озкая. В ходе встречи были обсуждены вопросы развития двустороннего сотрудничества, обмена опытом между судьями и специалистами, а также подготовка совместных инициатив в сфере конституционного правосудия.

Особо отмечено, что отношения Узбекистана и Турции в последние годы вышли на новый уровень стратегического партнерства и высокого доверия. Эта динамика имеет значение не только для политического и экономического сотрудничества, но и для укрепления правовой государственности, судебного диалога и современных гарантий конституционного развития.

Международный круглый стол по вопросам современного конституционного правосудия

В рамках визита турецкой делегации состоялся международный круглый стол на тему «Конституционные суды Республики Узбекистан и Турецкой Республики: современная практика конституционного правосудия, системное развитие и международное сотрудничество».

В ходе мероприятия обсуждались вопросы конституционных реформ, совершенствования конституционного контроля, современные подходы к конституционному правосудию, международное сотрудничество и развитие профессионального диалога между конституционными судами.

Мероприятие стало еще одним практическим шагом к расширению сотрудничества, обмену опытом и формированию общего правового пространства доверия.

Диалог в Конституционном Суде Республики Казахстан с судьями Республики Корея о конституционных новеллах и судебной практике

5 мая 2026 года в Конституционном Суде Республики Казахстан состоялась встреча Председателя Конституционного Суда Эльвиры Азимовой с делегацией Верховного Суда Республики Корея во главе с судьей Ли Хынг-гу.

Стороны обсудили конституционные изменения, принятые 15 марта на республиканском референдуме, направленные на укрепление верховенства права, расширение гарантий защиты прав и свобод человека, а также повышение роли судебной власти.

Отдельное внимание было уделено обязательности применения судами решений Конституционного Суда Республики Казахстан, что способствует единообразию судебной практики и усилению механизмов защиты конституционных прав граждан.

Председатель Конституционного Суда Эльвира Азимова подчеркнула значимость конституционной реформы, ориентированной на признание человека, его жизни, прав и свобод высшей ценностью государства, а также отметила цифровую трансформацию судебной системы и связанные с ней конституционные новеллы.

Судья Конституционного Суда Асан Ескендиров представил практику конституционного контроля и механизмы обеспечения доступа граждан к конституционному правосудию.

Глава делегации, судья Ли Хынг-гу, отметил важность развития профессионального диалога и обмена опытом между судебными системами двух стран.

Председатель Конституционного Суда Республики Армения встретился с Председателем Верховного суда Соединенного Королевства

11-12 мая 2026 года делегация во главе с Председателем Конституционного Суда Арманом Диланяном совершила рабочий визит в Соединенное Королевство Великобритании.

В рамках визита 11 мая делегация Конституционного Суда РА посетила Верховный суд Великобритании, где состоялась встреча с Председателем Верховного суда Соединенного Королевства Лордом Ридом и заместителем Председателя Лордом Сейлсом. В ходе встречи обсуждались фундаментальные вопросы обеспечения независимости судебной власти, судебного лидерства, а также сохранения общественного доверия. Стороны подчеркнули важность дальнейшего развития международного сотрудничества в сфере конституционного правосудия и необходимость обмена опытом.

В завершение встречи Председатель Конституционного Суда Арман Диланян и Лорд Рид обменялись памятными подарками. Арман Диланян также оставил запись в книге почетных гостей Верховного суда Соединенного Королевства.

В Верховном суде Соединённого Королевства также состоялся ряд встреч высокого уровня, посвященных вопросам независимости судебной власти, управления судами и общественных коммуникаций. Делегация ознакомилась со зданием Верховного суда, особенностями деятельности Суда, его структурой и юрисдикцией. Затем состоялось профессиональное обсуждение с руководством по вопросам коммуникации и внешних связей Суда. В ходе обсуждения были рассмотрены современные инструменты коммуникации судебной власти, механизмы взаимодействия со средствами массовой информации, стратегии цифровой коммуникации, а также программы, реализуемые в целях укрепления общественного доверия. Визит был организован в рамках программы Совета Европы «Содействие развитию конституционного правосудия в Армении в соответствии с европейскими стандартами».

Председатель и судьи Конституционного Суда Республики Армения встретились с Главным судьей Англии и Уэльса

В рамках рабочего визита в Великобританию делегация Конституционного Суда Республики Армения посетила Королевский Суд Лондона, где состоялись встречи с представителями высшей судебной власти Соединенного Королевства.

Председатель КС РА Арман Диланян и судьи КС РА Оваким Овакимян, Седа Сафарян и Артак Зейналян встретились с Главным судьей Англии и Уэльса Баронессой Сью Карр из Уолтон-он-те-Хилла.

В ходе встречи были обсуждены гарантии судебной независимости, механизмы укрепления общественного доверия к судебной власти, а также особенности рассмотрения дел, имеющих политическую и общественную чувствительность.

Далее состоялась встреча в расширенном составе, в которой приняли участие Лорд-судья Ньюджент, Лорд-судья Сноуден, а также судьи Робин Ноуэлс и Саймон Пикен. В ходе обсуждений были затронуты вопросы управления судами, эффективности судебной системы и доступности правосудия.

Обе стороны подчеркнули важность международного профессионального сотрудничества и обмена судебным опытом, особенно в сферах конституционного правосудия и управления судами.

Делегация совершила экскурсию по Королевскому Суду, ознакомилась со структурой высших судов Англии и Уэльса, а также с историческими особенностями развития судебной системы.

В расширенном составе прошло очередное заседание Научно-консультационного совета при Конституционном Суде Республики Беларусь на тему «Справедливость – фундамент государственной политики, формирования и развития правовой системы Республики Беларусь»

Мероприятие, проведенное 15 мая 2026 года, объединило судей Конституционного Суда, Верховного Суда, представителей Всебелорусского народного собрания, Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции, других государственных органов и организаций, учреждений высшего образования юридического профиля.

Приветствуя участников мероприятия, Председатель Конституционного Суда Сергей Сивец подчеркнул, что справедливость как базовая конституционная ценность наряду с верховенством права и равенством перед законом позволяет преобразовывать разнонаправленные интересы всех субъектов общественных отношений в социальное согласие, а различия в возможностях – в правовые и социальные гарантии. Было отмечено, что запрос белорусского народа на справедливость, построение социально справедливого и благополучного общества нашел свое отражение в результатах республиканского референдума 27 февраля 2022 г.

Стержневой характер социальной справедливости для идеологии белорусского государства и справедливости при осуществлении правосудия не раз подчеркивался Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: «Дух, фундамент и основа у нас одна – справедливость».

Модератор расширенного заседания – заместитель Председателя Конституционного Суда, председатель Научно-консультационного совета Наталья Карпович отметила, что многогранное понятие справедливости следует рассматривать через призму теоретико-прикладных и доктринальных аспектов, а также в отраслевом преломлении: такой интегративный подход позволяет всесторонне исследовать роль справедливости в обеспечении конституционализма.

Основными докладчиками были рассмотрены конституционно-правовое измерение справедливости в качестве основы при осуществлении конституционного правосудия, методология и практика реализации принципа справедливости в законодательном регулировании, а также в международном правосудии. Выступающие высоко оценили роль правовых позиций Конституционного Суда, направленных на обеспечение практической реализации принципа справедливости в правотворчестве и правоприменении.

В Конституционном Суде Российской Федерации состоялась международная конференция «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности»

Международная конференция «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности» прошла 20 мая 2026 года в Санкт-Петербурге в стенах Сената в год 35-летия Конституционного Суда Российской Федерации.

Мероприятие собрало высокопоставленных представителей государственных органов Российской Федерации, научных деятелей, а также иностранные делегации конституционных судов и эквивалентных органов.

Приветственные слова участникам Международной конференции направили Президент России Владимир Путин, Председатель Верховного Суда Игорь Краснов, Генеральный прокурор Александр Гуцан, Министр юстиции Константин Чуйченко и др.

Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Зорькин представил доклад «Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология».

Выступающие – представители юридической науки и органов конституционного контроля стран мира – озвучили доклады в рамках двух сессий: «Конституционный контроль в условиях геополитических потрясений» и «Конституционно-правовой ответ на новые факторы внешней среды». Обсуждения коснулись актуальных вопросов правовой политики, юридической науки и правоприме-

нительной деятельности в условиях меняющегося мира. Доклады размещаются на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации.

Будущие юристы познакомились с деятельностью Конституционного суда Кыргызской Республики в рамках Дней открытых дверей

20 и 21 мая 2026 года в Конституционном суде Кыргызской Республики в рамках Дней открытых дверей состоялись встречи со студентами 1 курса юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына и студентами 2 курса Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина.

Для студентов была организована экскурсия по зданию Конституционного суда, в ходе которой им рассказали об истории становления органа конституционного контроля, его структуре, основных направлениях деятельности и роли в обеспечении верховенства Конституции и защиты конституционных прав и свобод граждан.

Судьи Конституционного суда Кыргызской Республики Бобукеева М.Р и Кыдырбаев К.Дж. провели со студентами встречу в формате открытого диалога. В ходе беседы судьи рассказали о деятельности Конституционного суда, особенностях рассмотрения конституционных жалоб и представлений, а также разъяснили отдельные решения Конституционного суда на практических примерах. Также они, основываясь на собственном опыте, показали этапы и особенности становления в профессии юриста.

Студенты получили возможность задать интересующие вопросы, обсудить актуальные вопросы конституционного права и ознакомиться с особенностями профессии судьи Конституционного суда.

Проведение подобных мероприятий осуществляется на системной основе и направлено на повышение правовой культуры молодежи, развитие интереса к конституционному праву и укрепление взаимодействия Конституционного суда с образовательными учреждениями страны.

В Санкт-Петербурге состоялась встреча Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь С.М. Сивца и Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина

Встреча состоялась 21 мая 2026 года. Сергей Сивец от имени Конституционного Суда Республики Беларусь поздравил Валерия Зорькина, судей и аппарат Конституционного Суда Российской Федерации с 35-летием со дня основания высшего судебного органа конституционного контроля в России.

Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь пожелал коллегам дальнейшей успешной профессиональной деятельности по обеспечению верховенства Конституции, укреплению конституционной законности и правопорядка.

В ходе встречи были обсуждены вопросы двустороннего взаимодействия конституционных судов Беларуси и России, выражена уверенность в продолжении плодотворного и конструктивного сотрудничества.

Инициативы Казахстана в сфере защиты интеллектуальной собственности представлены на сессии ВОИС

С 1 по 5 июня 2026 года в Женеве состоялось заседание Консультативного комитета по защите прав (ККЗП), действующего в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС).

В составе делегации в заседании приняли участие судья Конституционного Суда Еркин Онгарбаев и Постоянный представитель Республики Казахстан при Всемирной торговой организации и международных экономических организациях Кайрат Торебаев.

В рамках сессии рассмотрены вопросы внедрения цифровых инструментов в сфере управления правами, повышения прозрачности процедур, а также развития механизмов правоприменения, включая обмен лучшими международными практиками.

Участие Казахстана в работе сессии подтвердило приверженность укреплению на конституционном уровне системы защиты интеллектуальной собственности как важного условия инновационного развития и экономического роста страны.

Председатель Конституционного суда Азербайджанской Республики Фархад Абдуллаев принял делегацию во главе с Генеральным прокурором Вьетнама Нгуен Тьеном

В ходе встречи, которая состоялась 8 июня 2026 года, Председатель Конституционного суда подчеркнул успешное развитие дружественных отношений между Азербайджаном и Вьетнамом, отметив важность расширения двустороннего сотрудничества. Он также отметил, что правовое сотрудничество и взаимный обмен опытом играют ключевую роль в укреплении межгосударственных отношений.

Председатель Конституционного суда подробно рассказал о реформах, проводимых в Азербайджане в сфере обеспечения верховенства права и защиты прав и свобод человека, а также о механизмах осуществления конституционного контроля. Также Фархад Абдуллаев детально ознакомил гостей с направлениями деятельности Конституционного Суда, процедурой принятия решений и проделанной в этой области работой.

Генеральный прокурор Нгуен Тьен выразил признательность за теплый прием и высоко оценил уровень сотрудничества между Азербайджаном и Вьетнамом. Подчеркнув, что углубление связей в судебной и прокурорской сферах отвечает взаимным интересам, он выразил уверенность, что дальнейший обмен опытом и совместные инициативы принесут практическую пользу правовым системам обоих государств.

В то же время стороны обменялись мнениями по вопросам развития конституционного правосудия, международного сотрудничества в судебно-правовой сфере и по другим темам.

В завершение встречи состоялся обмен памятными подарками, после чего было сделано памятное фото.

Председатель Конституционного Суда Азербайджанской Республики Фархад Абдуллаев принял делегацию во главе с исполнительным директором Независимой постоянной комиссии по правам человека Организации исламского сотрудничества (ОИС) Хади бин Али Аль-Ями

В ходе встречи, которая состоялась 17 июня 2026 года, Председатель Фархад Абдуллаев подробно проинформировал делегацию о последовательных реформах, проводимых в нашей стране в сфере защиты прав и свобод человека, обеспечения верховенства закона и укрепления демократических институтов. Он также подчеркнул важность сотрудничества с конституционными судами в рамках Конференции конституционных юрисдикций исламского мира, объединяющей государства-члены ОИС.

Далее Председатель рассказал о деятельности Конституционного Суда в области защиты прав человека и о работе, проводимой в направлении развития конституционного правосудия. Кроме того, он особо отметил эффективное сотрудничество между Конституционным Судом и Уполномоченным по правам человека (Омбудсменом) в сфере обеспечения конституционных прав.

Выразив благодарность за теплый прием, Хади бин Али Аль-Ями высоко оценил достижения Азербайджана в области защиты прав человека, строительства правового государства и совершенствования

судебно-правовой системы. Отметив значимость международного сотрудничества в сфере обеспечения и защиты прав человека, он подчеркнул необходимость расширения обмена опытом и развития взаимного сотрудничества в данном направлении.

Стороны провели обстоятельный обмен мнениями по вопросам защиты прав человека, правового просвещения, а также перспективам дальнейшего сотрудничества, выразив уверенность в том, что двустороннее сотрудничество будет и впредь успешно развиваться.

Принципы и нормы Конституции Республики Беларусь через призму актуальных событий и памятных дат: разъяснительная миссия судей

В целях информирования о содержании и значении конституционных положений судьи Конституционного Суда Республики Беларусь в рамках широкомасштабной просветительской кампании выступают перед представителями различных социальных групп белорусского общества, разъясняя вопросы, посвященные раскрытию принципов и норм Конституции, их неразрывной связи с важнейшими событиями в истории Беларуси и ключевыми вехами становления белорусской государственности.

По случаю Дня Конституции Председатель Конституционного Суда Сергей Сивец, заместитель Председателя Наталья Карпович, судьи провели ряд встреч с трудовыми коллективами предприятий

республики, ведущих общественных объединений, учащимися, студентами и преподавательским составом высших учебных заведений Беларуси.

Освещая основные вехи многовековой истории развития конституционализма, Сергей Сивец в ходе встречи с активом Федерации профсоюзов Беларуси затронул вопросы конституционной самоидентичности белорусов как совокупности основ, ценностей и традиций, которые в своем концентрированном виде составляют особенность конституционного строя независимой Беларуси. «Это в первую очередь принципы народовластия, демократизма, правового государства и разделения властей, наивысшая ценность прав и свобод человека», – отметил Председатель Конституционного Суда.

Судьи Конституционного Суда Алла Бодак, Светлана Любецкая, Сергей Чигринов обсудили с активом объединенной организации Белорусского союза женщин предприятий Министерства промышленности особенности конституционно-правового регулирования институтов семьи и брака, защиты трудовых и социальных прав женщин. В объявленный в Республике Беларусь 2026 год Годом белорусской женщины было подчеркнута особая роль женщин в установлении социального мира и гражданского согласия, в обеспечении благополучия подрастающего поколения граждан нашей страны.

В преддверии Дня Победы был проведен цикл встреч с коллективами УП «Мингаз», СОАО «Коммунарка», ОАО «ИНТЕГРАЛ», посвященных вопросам сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, имеющим важнейшее значение как для воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, так и для понимания сути происходящих в мире и стране событий. В ходе встреч первостепенное внимание уделялось положениям Основного Зако-

на о необходимости обеспечения мира и гражданского согласия, конституционной обязанности и священном долге каждого гражданина защищать Республику Беларусь.

18 июня 2026 года Председатель Конституционного Суда Сергей Сивец в рамках республиканского единого дня информирования «Память во имя будущего» встретился с трудовым коллективом Минского метрополитена.

«Наш священный долг и конституционная обязанность – помнить о бессмертном подвиге дедов и прадедов во имя мира на земле, во имя будущего», – отметил Председатель Конституционного Суда, раскрывая особую значимость проводимой в стране системной работы по увековечению памяти о героическом прошлом белорусского народа, недопущению реабилитации нацизма, противодействию попыткам переписать историю Великой Отечественной войны.

Разъяснение общественности конституционных положений направлено на глубокое осмысление закрепленных в Конституции ценностей как основы правосознания каждого гражданина, на поддержание устойчивого конституционного правопорядка, являющегося ключевым условием поступательного развития государства и общества, достижения гражданского согласия и народного единства.

Конституционный Суд Республики Казахстан и UNFPA (Фонд ООН в области народонаселения) обсудили сотрудничество в сфере защиты прав человека и продвижения гендерного равенства

23 июня 2026 года Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан Эльвира Азимова провела встречу с Представителем UNFPA (Фонда ООН в области народонаселения) в Казахстане Чинве Огбонна.

В ходе встречи обсуждены положения новой Конституции, вступающей в силу с 1 июля, а также вопросы укрепления верховенства права, защиты прав человека, развития инклюзивной государственной политики и продвижения гендерного равенства.

Особое внимание уделено реализации Страновой программы UNFPA на 2026–2030 годы, направленной на защиту прав женщин и девочек, расширение участия женщин, молодежи, детей и лиц

старшего поколения в общественной жизни, а также противодействие насилию.

По итогам встречи стороны подтвердили заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве по укреплению правовых институтов, обеспечению равенства и недискриминации.

В Ташкенте состоялось онлайн рабочее совещание Генеральных секретарей Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов

25 июня 2026 года Конституционный суд Республики Узбекистан организовал онлайн рабочее совещание Генеральных секретарей государств – членов Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов. Мероприятие было проведено в рамках председательства Конституционного суда Республики Узбекистан в Ассоциации в 2025-2027 годах и подготовки VII Конгресса Ассоциации, который планируется провести в Самарканде.

В совещании приняли участие представители конституционных органов контроля 20 государств. Обсуждались концепция и программа VII Конгресса, повестка заседания Совета членов Ассоциации, встреча Генеральных секретарей, подготовка Самаркандской декларации, а также практические вопросы дальнейшего международного взаимодействия.

Особое внимание было уделено теме цифровизации и искусственного интеллекта в конституционном правосудии, где технологическое развитие должно служить человеку, Конституции и идее справедливости.

Назначены новые члены Конституционного суда Монголии

26 июня 2026 года состоялось Заседание всех членов Конституционного суда Монголии, на котором был рассмотрен вопрос об избрании Председателя Конституционного суда Монголии.

В соответствии с частью 1 статьи 6 Закона Монголии «О Конституционном суде», согласно которой «кандидатура на должность Председателя Суда выдвигается членами Суда из своего состава, рассматривается на заседании Суда, после чего путем тайного голосования избирается кандидат, получивший большинство голосов от общего числа членов Суда», член Конституционного суда Монголии Жуужаа ЭРДЭНЭБУЛГАН был избран единогласно Председателем Конституционного суда Монголии.

Жамьянхорлоо СУХБААТАР

Ганбат ЭРДЭНЭБАТ

На пленарном заседании очередной весенней сессии 2026 года Великого Государственного Хурала Монголии Жамьянхорлоо СУХБААТАР и Ганбат ЭРДЭНЭБАТ были избраны членами Конституционного суда Монголии.

Член Конституционного суда Монголии Ж. Сүхбаатар окончил Юридическую школу Национального университета Монголии по специальности «Правоведение». Имеет степень магистра юридических наук. В настоящее время продолжает обучение в докторантуре. Специализируется в сфере публичного права, в частности административного и избирательного права, неоднократно назначался на ответственные государственные должности в системе политической, административной и специальной государственной службы.

Член Конституционного суда Монголии Г.Эрдэнэбат окончил Академию полиции по специальности «Правоведение», а также Университет обороны Монголии, где получил степень магистра юридических наук. Г.Эрдэнэбат обладает значительным опытом работы в государственных органах. В разные годы занимал должности начальника отдела Генеральной прокуратуры Монголии, заместителя Генерального прокурора Монголии, а также заместителя Руководителя Секретариата Великого Государственного Хурала Монголии.

КНИГИ И ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Республика Армения

Извлечение из диссертации[1] Оганнисян А.А. на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Презумпция невиновности в контексте конституционного регулирования и международно-правовых стандартов» (защита состоялась 12-го февраля 2026 года в специализированном совете 063 по Юриспруденции КВОН РА при Российско-Армянском университете)

Извлечение из положений, выносимых на защиту:

«(...)

6. В диссертации, на основе обобщения результатов анализа конституционных норм и системно связанных с ними положений уголовно-процессуального законодательства из логики регулирования статьи 66 Конституции РА выведены правила существенного и определяющего значения, которые классифицированы на: принципиальные нормы, определяющие презумпцию невиновности, и принципиальные критерии применения презумпции невиновности. В частности, в диссертации обоснована позиция, согласно которой принципиальные нормы, определяющие презумпцию невиновности, следует характеризовать как совокупность фундаментальных положений, закрепленных в Конституции или в находящихся с ними в системной взаимосвязи нормах закона, на основе которых формируется и характеризуется презумпция невиновности как конституционный принцип и конституционная гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина. Принципиальные критерии применения презумпции невиновности, в свою очередь, следует воспринимать как совокупность требований, установленных на основе принципиальных норм и направленных на эффективную реализацию данного принципа.

В то же время, в рамках логики предмета исследования, на основании комплексного анализа статьи 66 Конституции Республики Армения и других конституционных и уголовно-процессуальных норм, системно связанных с презумпцией невиновности, обоснованы следующие выводы.

---

[1] Оганнисян А.А., Презумпция невиновности в контексте конституционного регулирования и международно-правовых стандартов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – Публичное право (конституционное, административное, муниципальное, европейское право, государственное управление). Ереван, 2025, 173 с.

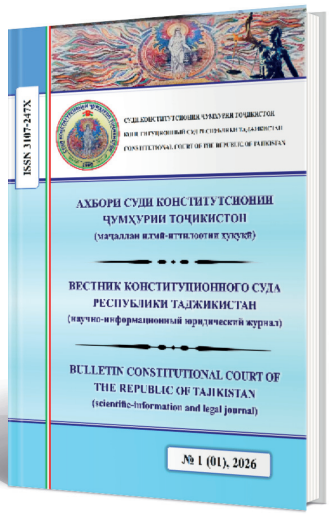
1) В качестве принципиальных норм, определяющих презумпцию невиновности, обоснованы следующие положения: а) виновность лица признается исключительно судом, и ни один иной орган не обладает такими полномочиями, б) каждое лицо имеет право считаться невиновным, в) лицо считается невиновным в течение определенного времени, а именно, до тех пор, пока его вина не будет установлена в установленном законом порядке посредством публичного судебного разбирательства и вступившего в законную силу обвинительного приговора, г) обвиняемый имеет право на защиту как в рамках судебного процесса, так и за его пределами с использованием всех предоставленных ему законом возможностей защиты, д) лицо, обвиняемое в совершении преступления, признается виновным исключительно на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, е) ограничения прав и свобод лица, обвиняемого в совершении преступления, должны быть соразмерны преследуемым целям, ж) для признания обвиняемого виновным суд должен быть убежден в его виновности вне разумного сомнения, а при наличии любых сомнений они должны толковаться и разрешаться в пользу обвиняемого, з) во всех случаях наличие сомнений относительно виновности обвиняемого влечет его оправдание, если исчерпаны иные возможные средства представления дополнительных доказательств, и) обязанность доказывания вины обвиняемого возлагается на обвинителя в порядке и соответствии с требованиями закона, к) обвиняемый не обязан доказывать свою виновность.

2) В качестве принципиальных критериев применения презумпции невиновности рассмотрены следующие положения: 1) действие презумпции невиновности распространяется на единственного участника уголовного судопроизводства – обвиняемого, 2) виновность лица должна быть признана доказанной судом в установленном законом порядке и при полном соблюдении требований закона, 3) виновность лица и её доказанность оформляются исключительно вступившим в законную силу приговором суда, 4) для признания лица виновным его вина должна быть доказана судом, 5) судья при осуществлении правосудия не должен исходить из предположения или убеждения о том, что обвиняемый совершил преступление, 6) обязанность соблюдения и реализации требований принципа презумпции невиновности возлагается не только на суд, но и на орган, осуществляющий уголовное производство, следователя и прокурора, 7) лицо считается невиновным со стороны государства, даже если имеются подозрения в совершении им преступления или ему предъявлено обвинение, 8) признание лица невиновным до вступления приговора в законную силу не зависит от мнения или внутреннего убеждения органа, осуществляющего

уголовное производство, относительно виновности подозреваемого или обвиняемого, 9) все сомнения в признании обвиняемого виновным могут касаться не только всего обвинения в целом, но и отдельных этапов обвинительного процесса, формы вины, участия и характера преступления, смягчающих и отягчающих обстоятельств, отдельных доказательств, 10) в случае наличия неразрешённых сомнений в отношении фактов, обосновывающих обвинение, эти факты не считаются доказательствами, и такие сомнения толкуются в пользу обвиняемого, 11) в случае наличия неразрешённых сомнений в отношении фактов, опровергающих обвинение, эти факты продолжают рассматриваться как доказательства до тех пор, пока они не опровергнуты, 12) виновность лица в совершении преступления не может основываться исключительно на предположениях, она должна подтверждаться необходимой и достаточной совокупностью достоверных доказательств.

(…)»:

Республика Таджикистан

«Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан». Научно-информационный юридический журнал.

Научно-информационный юридический журнал «Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан» издается с 2026 года и является специализированным периодическим научным изданием, учрежденным Конституционным судом Республики Таджикистан. Журнал создан в целях содействия развитию конституционализма, совершенствованию правовой науки, укреплению государственной системы правовой информации, а также разъяснению основных положений законодательства и практики его применения.

Журнал издается не реже четырех раз в год и предназначен для публикации научных статей по 15 основным специальностям правовой сферы, охватывающим теоретические и отраслевые направления юридической науки.

Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан выступает современной научной площадкой для обмена профессиональными знаниями и опытом между представителями научного сообщества, судьями, практикующими юристами, государственными служащими и молодыми исследователями, способствуя развитию юридической науки и совершенствованию правоприменительной практики в Республике Таджикистан.

Официальный сайт журнала: www.akhborsud.tj.

Российская Федерация

Извлечение из автореферата диссертации[1] Чирнинова А.М. на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Конституционно-судебная аргументация: теория и методология» (защита состоялась 9 декабря 2025 года)

Извлечение из положений, выносимых на защиту:

1. Сформулировано определение понятия конституционно-судебной аргументации, под которой предлагается понимать структурированную систему рассуждений, подчиненную задачам нормоконтроля, посредством которой формируются достоверные представления о конституционных стандартах правового нормирования, характеристиках проверяемых нормативных положений и фактических условиях их реализации, нацеливающую на соблюдение режима конституционности путем обозначения правотворческих и правоприменительных ориентиров и обеспечивающую обоснованность и легитимность конституционно-судебных предписаний.

2. Выявлено, что функции аргументации могут изменяться в зависимости от типа деятельности, которую она обслуживает. Это позволило зафиксировать, что средства обоснования конституционно-судебных решений являются важным инструментом для развития правопорядка и формирования адекватных представлений о должном. Синтез имеющихся знаний о механизме конституционного контроля с теми возможностями, которые предоставляют аргументативные средства, и определение нормоконтрольных задач, которые могут быть выполнены исключительно посредством аргументации, дают основание выделить четыре основные функции конституционно-судебной аргументации:

- нормативно-корректирующую;
- прогностическую (нормативно-ориентирующую);
- познавательную;
- легитимирующую.

Установлено, что узловой является познавательная функция и она осуществляется в трех относительно автономных аргументативных измерениях: конституционно должного, нормативно наличествующего и сущего. С учетом выполнения аргументацией нормативно-корректирующей функции констатировано снижение пригодности понятия аудитории для конституционного дискур-

[1] Чирнинов, Алдар Мункожаргалович. Конституционно-судебная аргументация: теория и методология: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 5.1.2. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева. – 2025. – 53 с. Электронный ресурс: https://search.rsl.ru/ru/record/01013876393 (дата обращения: 10.06.2026).

са. Поскольку сама по себе неубеждаемость аудитории в конституционной корректности решения не может служить основанием для отказа от обозначения истинных параметров конституционного порядка, инвариантной становится познавательная цель конституционно-судебной аргументации.

3. Доказано, что в концептуальном плане конституционно-судебные рассуждения отражают процесс критического осмысления состояния действующего регулирования и обозначения его конституционных недостатков с одновременной проекцией нормативной модели, укладывающейся в конституционные рамки. Конституционно-судебная аргументация призвана показать наиболее приемлемый с конституционной точки зрения вариант регулирования, обозначить допустимые правотворческие отклонения от конституционных стандартов правового нормирования и объяснить, почему, как и в какой части спорное регулирование – исходя из конституционных требований – должно быть скорректировано.

4. Выделены ключевые элементы структуры конституционно-судебной аргументации. Главный тезис спора о конституционности правовой нормы обозначается в виде нормативного утверждения, содержащего указание на обстоятельства, при которых спорное юридическое предписание реализуется, и сопровождается положительным либо отрицательным суждением о его соответствии конституционным требованиям. При этом масштабирование (конкретизация) главного тезиса осуществляется посредством расширения либо сужения предмета проверки и обозначения сопутствующих применению спорных норм обстоятельств (описания типовой правоприменительной ситуации). По результатам выявления причин, ввиду которых те или иные утверждения приобретают значимость для оценки конституционности нормативных положений, доказано, что основным критерием релевантности аргументов в конституционном правосудии выступает усиление конституционной нормативности.

5. Аргументировано, что на уровне конституционно должного усиление конституционной нормативности достигается за счет последовательного и всестороннего раскрытия регулятивного потенциала конституционных положений. На уровне нормативно наличествующего – путем достоверного определения нормативных характеристик проверяемых предписаний и указания способов устранения их неконституционности. С учетом особенностей нормоконтрольной деятельности выделено три уровня аргументации:

- прескриптивный, где обозначаются конституционные эталоны правового нормирования;
- дескриптивный, где проводится точная диагностика прескриптивных свойств проверяемых нормативных предписаний;

- оценочный, где происходит непосредственное сопоставление конституционных положений с проверяемыми нормами.

6. Выявлено отдельное аргументативное измерение, в рамках которого происходит обоснование конституционно-судебных предписаний, расходящихся с главным тезисом о соответствии проверяемых норм конституционным требованиям. Показано, что соответствующие доводы сами по себе не влияют на вывод о конституционности правовых норм, а лишь обусловливают решение о сохранении ими юридической силы. Такой аргументативный сценарий возможен, когда выгоды оставления конституционно дефектных предписаний в структуре правопорядка перевешивают издержки немедленной дисквалификации оспоренной нормы. Соответственно, к веским соображениям, обосновывающим необходимость сохранения регулятивного статус-кво, относятся риски дестабилизации общественных отношений на фоне конституционной пользы, приносимой спорными правовыми нормами.

7. На основе обобщения подходов к типологизации аргументов, предложенных в юридической науке, с опорой на принцип методологического редукционизма и с учетом задач конституционного нормоконтроля выделены четыре типа конституционных аргументов:

- текстуальный аргумент;
- интенциональный аргумент;
- аргумент к последовательности;
- прагматический аргумент.

Доказано, что легитимность каждого типа аргументов основывается на фундаментальной ценности, защищаемой и продвигаемой этим типом аргументов. Подобная ценностная обусловленность аргументов объясняет, почему невозможно заранее определить вес того или иного типа аргументов и установить соответствующую аргументативную иерархию: в зависимости от контекста определенная конституционная ценность может нуждаться в большей защите. Следовательно, в условиях конкуренции верх возьмет тот аргумент, который выступает в пользу наиболее нуждающейся в защите в конкретной ситуации конституционной ценности. Обосновано, что каждый тип аргументов подвергается атакам сообразно своей структуре и содержанию и задача науки конституционного права заключается в систематизации и описании наиболее распространенных линий атак на конституционные аргументы.

8. Выделены следующие формы аргументативных атак в конституционном правосудии:

- атака на главный тезис путем формулирования антитезиса, то есть суждения, содержательно несовместимого с оспариваемым утверждением о конституционно допустимом варианте правового регулирования;

- атака на посылки, обосновывающие главный тезис, которая может предприниматься в двух направлениях: (а) внутривидовая атака, когда подрыв аргумента одного типа осуществляется аргументом того же типа, и (б) внешняя (перекрестная) атака, когда значимость аргумента конкретного типа опровергается аргументом другого типа;
- атака на качество демонстрации, когда под сомнение ставится качество либо само наличие связи между тезисом и аргументами (отрицание релевантности приводимого аргумента);
- отрицание легитимности аргумента для целей выстраивания рассуждений о конституционности.

Установлено, что широкое многообразие аргументативных операций в конституционном правосудии обусловлено как особенностями конституционного нормирования (лаконичность конституционного текста, преобладание в нем норм-принципов, использование обобщенных и содержательно насыщенных концепций и понятий, их ценностная нагруженность), так и оценочным характером конституционного нормоконтроля, требующим предметного сопоставления конституционных положений с проверяемыми нормативными предписаниями.

9. Доказано, что аргументация играет ключевую роль в раскрытии и укреплении конституционной нормативности. Это связано с высокой степенью нормативной обобщенности конституционных положений, требующей для полного раскрытия их нормативного потенциала формулировать производные от них положения посредством рассуждений. Логика их возникновения состоит в том, что без этих производных положений невозможно полностью реализовать исходное конституционное положение. Именно этим обусловлено существование закономерности, согласно которой по мере накопления производных от конституционных положений суждений происходит смещение фокуса профессионального внимания с конституционного текста на соответствующие конституционно-судебные решения и их аргументацию.

В этом контексте также выявлено, почему ключевым источником стандартов конституционности становятся именно решения органов конституционного правосудия. С одной стороны, если бы подобные стандарты закреплялись ординарным законодателем, то фактически это означало бы осуществление с его стороны конституционного регулирования, на что ординарный законодатель не уполномочен. С другой стороны, отсутствие подобных стандартов – в условиях объективной лапидарности конституционного текста – препятствовало бы полноценному воплощению в жизнь идей, заложенных в конституционные положения, и всестороннему раскрытию нормативного потенциала конституции. В связи с этим

уровень, глубина и регулятивный эффект аргументации во многом определяются тем, насколько качественно и последовательно предписания подобного рода конструируются органом конституционного правосудия.

10. Выявлены причины, обусловливающие немонотонность конституционно-судебной аргументации, то есть допустимость пересмотра выводов о конституционности в свете новых или вновь обнаружившихся обстоятельств. Показано, что процесс принятия решений нередко сопряжен с неопределенностью и дефицитом необходимой информации. Ввиду этого приходится ограничиваться имеющимися данными и замещать неизвестные переменные определенными допущениями. Соответственно, по мере поступления новой информации и корректировки прежних представлений сформулированные ранее выводы могут и должны подвергаться пересмотру.

Выделены четыре группы посылок, корректировка которых требует уточнения тезиса о конституционности проверяемой нормы:

- изменение конституционных стандартов правового нормирования;
- изменение параметров системы действующего правового регулирования;
- изменение фактических условий реализации конституционных положений и проверяемых правовых норм (общесоциального контекста);
- обнаружение ошибок, допущенных на соответствующих уровнях рассуждения.

11. Идентифицированы факторы, которые ограничивают свойство немонотонности конституционно-судебной аргументации. Обосновано, что цена уточнения рассуждений, в том числе в части исправления допущенных ошибок, может превышать выгоду, которую получит правопорядок в результате подобного уточнения. В этом смысле ограничителями немонотонности аргументации, как правило, становятся охраняемые конституционные ценности. Сделан вывод о том, что свойство немонотонности аргументации требует максимальной открытости аргументативного диалога, поскольку подобная открытость снижает риски игнорирования обстоятельств, имеющих важное значение для правильного разрешения конституционно-судебного дела. <…>

12. Аргументировано, что лицо, инициирующее проверку конституционности нормативных предписаний, должно ответственно подходить к обоснованию выдвигаемых тезисов и уделять должное внимание качеству приводимой аргументации. Это связано с тем, что неудачно сформулированная позиция может затруднить, а то и вовсе заблокировать саму возможность успешного разре-

шения той или иной правовой проблемы. Тем не менее доказано, что с учетом немонотонной природы конституционно-судебной аргументации само по себе отказное определение не может и не должно приводить к отказу в проверке оспариваемого нормативного положения – если будет продемонстрировано, что появились новые переменные либо требуется скорректировать, уточнить или отбросить старые. <…>

13. Исходя из посылки о необходимости посредством аргументации усиливать конституционную нормативность, сформулированы требования к формированию суждений о конституционности нормативных положений. С учетом сути и предназначения конституционного нормоконтроля предложены следующие критерии оценки конституционно-судебной аргументации:

- конституционная обусловленность утверждений о конституционно должном (удовлетворяется в случае выводимости конституционно-судебных предписаний из конституционных положений, а также последовательности и универсальности рассуждений);
- точность диагностики действующего правового регулирования (выполняется в случае фиксации всех значимых элементов нормативного порядка и при корректном конструировании правового контекста);
- адекватность описания и осмысления социального контекста (соблюдается при обеспечении полноты, предметности, объективности и достоверности утверждений, формирующих представления о фактических условиях реализации конституционных положений и проверяемых норм);
- приемлемость аргументов для выстраивания рассуждений о конституционности (удовлетворяется в случае оперирования источниками, относительно которых в практике конституционного правосудия сложился консенсус в части допустимости их использования для составления суждений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем);
- полнота (защищенность) аргументации (выполняется при учете лицами, принимающими конституционно-судебное решение, критики, в том числе потенциальной, а также при выражении ответной аргументативной реакции на поступающие возражения).

14. Выявлена корреляция между процедурными особенностями конституционного контроля и стилем конституционно-судебной аргументации. На основе сравнительного анализа опыта организации конституционного контроля в России, Австралии, Австрии, Германии, Израиле, Испании, Италии, Канаде, США, Тайване, Франции и ЮАР доказано, что на аргументационные возможности оказывают влияние следующие процедурные факторы:

- модель конституционного контроля;

- процедура рассмотрения дел, включая особенности постановки вопросов, адресуемых судьями участникам судебного разбирательства;
- общедоступность текстов процессуальных документов;
- традиция изложения судебного решения;
- количество судей и коллегиальный порядок принятия решения;
- содержание института особого мнения.

При этом институциональную среду нормоконтрольной деятельности формируют не только процедурные правила, но и правовые традиции, которые доминируют в конкретном государстве. Обосновано, что эффективность отдельных аргументативных подходов во многом зависит от их соответствия национальным особенностям юридического мышления.

15. Установлено, что аргумент к институциональной компетентности предшествует содержательному анализу конституционности нормативных положений и выступает разновидностью аргументов неинтерпретационного характера. Обеспечивая деполитизацию конституционного правосудия, данный аргумент наполняет критерии юстициабельности конституционных споров, осложненных политическим элементом, конкретным юридическим содержанием.

Выявлено, что аргумент к институциональной компетентности черпает свою силу в принципах демократии, разделения властей и верховенства права. При этом наблюдается устойчивая диалектичность приводимых суждений: один и тот же принцип может одновременно как предостерегать орган конституционного правосудия от вторжения в сферу ответственности других ветвей власти, так и, напротив, требовать его активного вовлечения в политический процесс. Сделан вывод о том, что восприятие конституционно-судебного решения как акта правового либо политического зависит от качества представленных юридических рассуждений и от того, как суд выстраивает коммуникацию со своей аудиторией.

16. Обосновано, что аргумент к последствиям обладает большим убеждающим, эпистемологическим и прогностическим потенциалом. С одной стороны, целый ряд юридических понятий, конституционных принципов и судебных доктрин предполагает учет последствий правового регулирования. С другой стороны, именно консеквенциалистский анализ способен предложить наиболее оптимальный вариант разрешения «трудных» дел, когда возникает конкуренция конституционных ценностей. Такой результат достигается за счет того, что аргумент к последствиям «приземляет» правовое регулирование, помещая его в конкретный социальный контекст, и помогает увидеть, как раскрывается регулятивный потенциал правовых предписаний, достигаются заявленные цели регулирования

и т. д. Несмотря на простоту идентификации аргумента к последствиям, он может быть представлен в конституционном дискурсе и в завуалированной форме – через доведение до абсурда, апеллирование к здравому смыслу и постановку гипотетических вопросов.

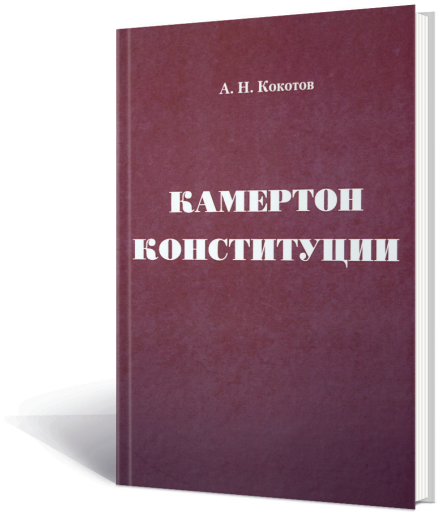
Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв.ред. Н.С. Бондарь. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 384 с. – DOI 10.12737/2134343

ISBN 978-5-00156-362-4 (Норма)
ISBN 978-5-16-019713-5 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-112260-0 (ИНФРА-М, online)

В коллективной монографии анализируется широкий круг проблем методологии, теории и практики судебной власти, судоустройства и осуществления правосудия, представленных в системном единстве на основе доктрины судебной юриспруденции. Произведен анализ отечественной судебной юриспруденции в системе современного конституционализма, испытывающего не только охранительное, но и преобразовательное воздействие судебной власти.

Развитие концепции судебной юриспруденции на новом, современном этапе представляет собой попытку поиска оптимальных, востребованных самой практикой правосудия подходов к пониманию места и роли судебной практики в системе источников права, сближения позиций сторонников и противников судебно-прецедентных начал в современном отечественном правопорядке. Исследование данной проблематики предполагает анализ особенностей юридической природы судебных решений Конституционного и Верховного судов РФ, их значения как для обеспечения единообразия судебной практики, так и для развития материального и процессуального законодательства.

Для специалистов – теоретиков и практиков и широкого круга читателей, интересующихся юридическим анализом места и роли судебной юриспруденции в правовой системе Российской Федерации.

Кокотов А. Н. Камертон Конституции. – СПб.: Нестор-История, 2026. – 464 с.
ISBN 978-5-4469-2379-3

Настоящее издание представляет собой сборник выступлений автора в печати, на научно-практических конференциях, круглых столах, а также опубликованных в разное время статей и иных материалов по вопросам конституционного и муниципального права. Некоторые материалы публикуются впервые.

Данное издание предназначено для ученых, аспирантов (соискателей), исследующих проблемы конституционного и муниципального права, конституционного правосудия, работников органов власти, преподавателей, студентов юридических вузов, а также всех интересующихся вопросами публично-правового регулирования. Оно может использоваться в учебном процессе в юридических вузах по таким дисциплинам, как конституционное право, муниципальное право, конституционное правосудие (конституционный судебный процесс).

ИНФОРМАЦИЯ О КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДАХ В ИНТЕРНЕТЕ

Азербайджанская Республика

Facebook: https://www.facebook.com/constcourt.gov.az
X (Twitter): https://twitter.com/constcourtaz
Instagram: https://www.instagram.com/azconstcourt

Кыргызская Республика

Официальный сайт: https://constsot.kg/ru/
Instagram: https://www.instagram.com/constsotkg?igsh=cDJqZXg5dGVpaWE0
Facebook: https://www.facebook.com/share/g/14dNyFTw5hn/?mibextid=wwXIfr

Монголия

Конституционный суд Монголии размещает на своем официальном сайте constitutionalcourt.mn, а также в иных официальных источниках информации сведения о поступивших обращениях, сообщениях и жалобах, на основании которых решается вопрос о возбуждении конституционного производства, а также обзоры принятых решений.

Принятые решения публикуются в Единой государственной системе правовой информации Монголии Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем

Республика Армения

Актуальная информация о деятельности Конституционного Суда Республики Армения в полном объеме регулярно публикуется на официальном сайте суда на армянском языке.

В русскоязычной и англоязычной версиях сайта информация о деятельности Конституционного Суда Республики Армения публикуется в несколько сокращенном объеме.

Официальный сайт: https://concourt.am/

В качестве дополнительных источников информации о Конституционном Суде Республики Армения могут служить также нижеуказанные страницы:

Facebook: https://www.facebook.com/armconcourt/
Youtube: https://www.youtube.com/channel/UCn2yQUEz3N1hyd8ab0znzNg
X (Twitter): https://x.com/concourtarm?s=11

Республика Беларусь

Официальный сайт: kc.gov.by
Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE»: etalonline.by/

Республика Казахстан

Актуальная информация о деятельности Конституционного Суда публикуется на официальном сайте и официальных страницах в социальных сетях:

Официальный сайт: https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk?lang=ru
Telegram: https://t.me/consot_kz
Facebook: https://www.facebook.com/constcouncil.kz
Instagram (https://www.instagram.com/consud_kz
Твиттер https://x.com/conscourtKZ

На этих ресурсах размещаются новости, пресс-релизы, решения Конституционного Суда, анонсы мероприятий и другие материалы, представляющие общественный интерес.

Республика Узбекистан

Информация о деятельности Конституционного суда Республики Узбекистан размещается прежде всего на его официальном веб-сайте. На сайте опубликованы сведения о составе Суда, правовых основах его деятельности, постановлениях, новостях, фотогалерее, видеогалерее, контактах и порядке обращения граждан.

Официальный веб-сайт: https://www.konstsud.uz/ru/
В том числе: Фотогалерея – https://www.konstsud.uz/ru/gallery
Видеогалерея – https://www.konstsud.uz/ru/video
Telegram - онлайн-прием: https://www.konstsud.uz/ru/

На официальном сайте указана возможность онлайн-обращения граждан в Конституционный суд посредством Telegram по номеру +998 95 055-12-68.

LexUZ – Национальная база данных законодательства, где публикуются постановления Конституционного суда и официальные сведения о вступлении актов.

При этом отдельно следует отметить, что кнопки распространения правовой информации через Telegram, Facebook, Twitter и Instagram, размещенные в Национальной базе данных законодательства LexUZ, являются техническими механизмами распространения ссылки на документ, а не самостоятельными официальными аккаунтами Конституционного суда Республики Узбекистан.

Российская Федерация

Официальный веб-сайт: https://www.ksrf.ru

Социальная сеть Вконтакте: https://vk.com/constcourtrf.

Трансляция публичных слушаний в Конституционном Суде Российской Федерации осуществляется:

- на официальном сайте: http://medias.ksrf.ru/spb/embed.html
- на странице Конституционного Суда в социальной сети «Вконтакте», https://vk.com/video/@constcourtrf/lives
- на сервисе YouTube, https://www.youtube.com/c/KSRF-online/live

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ
Вестник Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля
Выпуск 1 (93)

ИЗДАЕТСЯ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакция журнала:

Бердибаева Алия Картбаевна – аналитик отдела аналитики и конституционного производства Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан *(ответственный редактор)*;

Ахметова Айнур Бектасовна – аналитик отдела аналитики и конституционного производства Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан *(секретарь)*;

Жуматаева Алия Сансызбаевна – заведующий сектором редакционно-издательской работы Аппарата Конституционного Суда Республики Казахстан *(корректор);*

Поладова Саадат Ильфат кызы – главный консультант отдела международного права и международного сотрудничества Аппарата Конституционного Суда Азербайджанской Республики *(по согласованию);*

Айтымбетова Айсулу Эсенбековна – консультант отдела международных связей и организационного обеспечения Аппарата Конституционного Суда Кыргызской Республики *(по согласованию)*;

Гантуяа Дулаанжаргал – старший сотрудник Секретариата Конституционного Суда Монголии *(по согласованию)*;

Даниелян Ирина – начальник издательско-переводческого отдела Аппарата Конституционного Суда Республики Армения *(по согласованию)*;

Мурашко Людмила Олеговна – начальник отдела международных связей Секретариата Конституционного Суда Республики Беларусь *(по согласованию);*

Салимова Дилрабо Саидчоновна – заведующий сектором международных отношений Аппарата Конституционного суда Республики Таджикистан *(по согласованию);*

Абдурахманов Хасан Адилович – начальник международного отдела Аппарата Конституционного Суда Республики Узбекистан *(по согласованию);*

Ултургашев Павел Юрьевич – начальник отдела международных связей Аппарата Конституционного Суда Российской Федерации *(по согласованию);*

Карамышева Светлана Олеговна – советник отдела международных связей Аппарата Конституционного Суда Российской Федерации *(по согласованию).*

Адрес редакции: 010000, г. Астана, пр. Мангилик Ел, 13
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51; e-mail: okr@ksrk.gov.kz; www.ksrk.gov.kv

верстка Цыкало А.Ю.

Сдано в набор 14.08.2026 г. Подписано в печать 02.09.2026 г.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 24,41.
Гарнитура Roboto.
Заказ № 657. Тираж 50 экз.

Отпечатано в ТОО «Общество инвалидов «Идеал»,
г. Астана, пр. Кабанбай батыра 2/1, офис 3
Тел.: +7 (7172) 24 20 76, +7 (7172) 40 85 40, +7 771 24 20 76,
E-mail: Ideal-nc05@mail.ru, oi.ideal@mail.ru

Публикуемые в журнале материалы получены от представителей соответствующих конституционных судов-членов Евразийской ассоциации органов конституционного контроля.

Статьи в журнале «Конституционное правосудие» (Вестник Евразийской ассоциации органов конституционного контроля) публикуются в авторской редакции.

Ответственность за достоверность фактов и сведений, содержащихся в публикациях, несут авторы.